Вестник Пермского университета.
Юридические науки
2016. Выпуск 32
Выходит 4 раза в год
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Рассматриваются фундаментальные и прикладные проблемы юридической науки. Исследуются современное состояние российского законодательства, правоприменительная практика, формулируются предложения по развитию и совершенствованию различных отраслей права. Анализируются теоретические и исторические аспекты государственно-правовых явлений, международное и зарубежное законодательство, проводится сравнительное изучение правовых институтов в России и других странах.

Vestnik Permskogo universiteta.
Juridicheskie nauki
2016. Vypusk 32
Vykhodit 4 raza v god
Uchreditel': Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet»

Rassmatrivajutsja fundamental'nye i prikladnye problemy juridicheskoj nauki. Issledujutsja sovremennoe sostojanie rossijskogo zakonodatel'stva, pravoprimeritel'naja praktika, formulirujutsja predlozhenija po razvitiju i sovershenstvovaniju razlichnyh otraslej prava. Analizirujutsja teoreticheskie i istoricheskie aspekty gosudarstvenno-pravovyh javlenij, mezhdunarodnoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo, provoditsja sravnitel'noe izuchenie pravovyh institutov v Rossii i drugih stranah.

Perm University Herald.
Juridical Sciences

2016. Issue 32
Published 4 times a year
Founder:
Perm State University

Fundamental and applied issues of juridical science are considered. The current state of Russian legislation, law enforcement practice are investigated, suggestions on development and improvement in different branches of law are formulated. Theoretical and historical aspects of state legal phenomena, international and foreign legislation are analyzed, legal institutions of Russia and other countries are investigated in the comparative aspect.

Ответственный ученый секретарь редакционного совета:

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д. ю. н., заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

Главный редактор журнала:

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д. ю. н., профессор кафедры гражданского права,
заместитель декана по науке юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по научной специальности 12.00.00 – юридические науки)

Журнал включен в международную базу данных Web of Science Core Collection

© Редакционная коллегия, 2016

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свид. о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53179 от 14 марта 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андреева Татьяна Константиновна,

к. ю. н., заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ, заслуженный юрист РФ;

Витрянский Василий Владимирович,

д. ю. н., профессор, заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ в отставке, заслуженный юрист РФ;

Красавчикова Лариса Октябрьевна,

д. ю. н., профессор, судья Конституционного суда РФ, заслуженный юрист РФ;

ЛаФордж Уильям Н.,

профессор кафедры стратегического менеджмента и общественной политики Школы бизнеса Университета Джорджа Вашингтона;

Лушикова Марина Владимировна,

д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной работе юридического факультета Ярославского государственного университета;

Маланин Владимир Владимирович,

д. т. н., президент Пермского государственного национального исследовательского университета, заслуженный деятель науки РФ;

Марченко Михаил Николаевич,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета, президент Ассоциации юридических вузов, заслуженный деятель науки РФ;

Нешатаева Татьяна Николаевна,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой международного права Российской академии правосудия, судья Суда Евразийского экономического сообщества от Российской Федерации;

Николюк Вячеслав Владимирович,

д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ;

Новоселова Людмила Александровна,

д. ю. н., профессор, председатель Суда по интеллектуальным правам, заслуженный юрист РФ;

Рассел Вивер,

профессор Права Университета Луисвилла, Школа Права им. Льюиса Д. Брандиеса;

Свистунов Алексей Александрович,

к. ю. н., доцент, советник ректора Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, заместитель председателя учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России, председатель правления ассоциации юридического образования;

Средкова Красимира,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права и социального обеспечения Софийского университета;

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д. ю. н., зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (ответственный ученый секретарь редакционного совета)

EDITORIAL BOARD

Andreeva Tatiana Konstantinovna,

Candidate of Juridical Sciences, Deputy Chairman of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Vitrianskij Vasilij Vladimirovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Krasavchikova Larisa Oktiabrieвна,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

William N. LaForge,

Professor in the Department of Strategic Management and Public Policy of the George Washington University School of Business;

Lushnikova Marina Vladimirovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty of Yaroslavl State University;

Malanin Vladimir Vladimirovich,

Doctor of Technical Sciences, President of Perm State University, Honored Scientist of the Russian Federation;

Marchenko Mikhail Nikolaevich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Politology of Moscow State University, President of the Association of Juridical Higher Educational Institutions, Honored Scientist of the Russian Federation;

Neshataeva Tatiana Nikolaevna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian Academy of Justice, Judge of the Court of the Eurasian Economic Community;

Nikoliuk Viacheslav Vladimirovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher in the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation;

Novoselova Liudmila Aleksandrovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chair of the Intellectual Property Rights Court, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Russell L. Weaver,

Professor of Law, University of Louisville, Louis D. Brandeis School of Law;

Svistunov Alexej Aleksandrovich,

Candidate of Juridical Sciences, Counselor to the Rector of Kutafin Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Educational and Methodological Association for Legal Education in Russian Higher Educational Institutions, Head of the Legal Education Association Board;

Sredkova Krasimira,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security of Sofia University;

Golubtsov Valerij Gennad'evich,

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure (Executive Secretary of the Editorial Board)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Борисевич Галина Яковлевна,

к. ю. н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Боровых Любовь Витальевна,

к. ю. н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Васильева Юлия Валерьевна,

д. ю. н., профессор кафедры трудового права и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Замараева Зинаида Петровна,

д. соц. н., профессор, зав. кафедрой социальной работы Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кодан Сергей Владимирович,

д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической университета, г. Екатеринбург;

Кочев Владимир Александрович,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой конституционного и финансового права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д. ю. н., профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь – главный редактор;

Майфат Аркадий Викторович,

д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Михайлов Сергей Георгиевич,

к. ю. н., профессор, декан юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Москалев Александр Васильевич,

д. ю. н., профессор кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Прошляков Алексей Дмитриевич,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Реутов Валерий Павлович,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тужилова-Орданская Елена Марковна,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Щенникова Лариса Владимировна,

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета, г. Краснодар

EDITORIAL STAFF

Borisevich Galina Yakovlevna,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University, Perm;

Borovykh Lubov Vitalyevna,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision, Perm State University, Perm;

Vasilyeva Yulia Valeryevna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Labor Law and International Law, Perm State University, Perm;

Zamaraeva Zinaida Petrovna,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Work, Perm State University, Perm;

Kodan Sergey Vladimirovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Theory of State and Law, The Urals State Law University, Yekaterinburg;

Kochev Vladimir Aleksandrovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Financial Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law, Perm State University, Perm – Editor in Chief;

Maifat Arkadiy Viktorovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, The Urals State Law University, Yekaterinburg;

Mikhailov Sergey Georgievich,

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, Perm State University, Perm;

Moskalev Aleksandr Vasilyevich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Constitutional and Financial Law, Perm State University, Perm;

Proshlyakov Aleksey Dmitrievich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, The Urals State Law University, Yekaterinburg;

Reutov Valery Pavlovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Institute of Law of Bashkir State University, Ufa;

Shchennikova Larisa Vladimirovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State University, Krasnodar

Содержание

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	133
Иниакова А. О., Фролов Д. П. (г. Волгоград) О формировании нового арсенала методологии научных правовых исследований в сфере нанотехнологий и наноиндустрии	133
Реутов В. П. (г. Пермь) Рецензия на монографию М. В. Воронина «Основания и проявления системности в праве» (М., 2016)	144
II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	149
Аристов Е. В. (г. Пермь) Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика	149
Широбоков С. А. (г. Пермь) Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления ОТОЗВАНА 01.09.2017	158
III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	165
Ананьева А. А. (г. Саратов) Целевая общность как основа построения системы договоров оперативного управления	165
Голубцов В. Г. (г. Пермь) Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебной-арбитражной практики	175
Комиссарова Е. Г. (г. Пермь), Пермяков А. В. (г. Тюмень) Эволюция кредиторских прав в отношениях с наследниками, принявшими наследство	185
Коротков Д. Б. (г. Пермь) Признаки общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме	193
Морозов С. Ю. (г. Ульяновск) Правовые инструменты организации и самоорганизации отношений в сфере автомобильных перевозок: гражданско-правовой аспект ОТОЗВАНА 01.09.2017	199
Ниязова А. Н. (г. Бишкек) Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов	208
IV. ТРУДОВОЕ ПРАВО	216
Васильева Ю. В., Шуралева С. В. (г. Пермь) Дистанционная работа в России: проблемы правоприменения	216
V. ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ	226
Баймухаметов Р. М. (г. Казань) Особенности системы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений	226
Нусратуллоев Б. К. (г. Душанбе) Сущность и роль принципа реального исполнения обязательств на современном этапе становления гражданского законодательства Республики Таджикистан	231
Правила оформления и представления рукописей статей в журнал «ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	239

Contents

I. THEORY AND METHODOLOGY OF STATE AND LAW	133
<i>Inshakova A. O., Frolov D. P. (Volgograd City)</i> On the Formation of New Methodology for Scientific Legal Research in the Field of Nanotechnology and Nanoindustry	133
<i>Reutov V. P. (Perm City)</i> Review of the Monograph by M. V. Voronin “The Bases and Manifestations of Systematicity in Law (Moscow, 2016)	144
II. CONSTITUTIONAL LAW	149
<i>Aristov E. V. (Perm City)</i> Social Welfare: Concept and Constitutional Legal Characteristics	149
<i>Shirobokov S. A. (Perm City)</i> Constitutional Rights of Citizens to Appeal within the Legal and Regulatory Regime for Interaction between Citizens and Public Control and Administration Authorities RETRACTED 01.09.2017	158
III. CIVIL LAW	165
<i>Ananyeva A. A. (Saratov City)</i> Unity of Purposes as a Basis for the Formation of the System of Operative Management Contracts	165
<i>Golubtsov V. G. (Perm City)</i> The Principle of Good Faith as an Element of the Legal Mechanism for Stimulating the Debtor to Proper Execution of Obligations and Guaranteeing Creditors’ Interests: Analysis of Judicial and Arbitration Practice	175
<i>Komissarova E. G. (Perm City), Permyakov A. V. (Tyumen City)</i> Evolution of Creditors’ Rights in Relations with Successors Who Have Accepted Succession	185
<i>Korotkov D. B. (Perm City)</i> The Signs of Common Property of Owners in an Apartment House	193
<i>Morozov S. Yu. (Ulyanovsk City)</i> Legal Tools for Organization and Self-Organization of Relations in the Sphere of Motor Transportation: Civil Aspect RETRACTED 26.06.2017	199
<i>Niyazova A. N. (Bishkek City)</i> Limits and Limitations of the Title to Land: Analysis of Approaches	208
IV. LABOR LAW	216
<i>Vasilyeva Yu. V., Shuraleva S. V. (Perm City)</i> Remote Work in Russia: Issues of Law Enforcement	216
V. LAW OF FOREIGN COUNTRIES AND COMPARATIVE LAW	226
<i>Baymukhametov R. M. (Kazan City)</i> Features of the System of Appealing Against Chinese People’s Courts Rulings on Refusal of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards	226
<i>Nusratulloev B. K. (Dushanbe City)</i> The Principle of Specific Performance of Obligations: its Essence and Role at the Present Stage of the Civil Legislation Development in the Republic Of Tajikistan	231
Guidelines for preparing and submitting articles for publication in the scientific journal «PERM UNIVERSITY HERALD. JURIDICAL SCIENCES»	239

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**Информация для цитирования:**

Иншакова А. О., Фролов Д. П. О формировании нового арсенала методологии научных правовых исследований в сфере нанотехнологий и nanoиндустрии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 133–143. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-133-143.

Inshakova A. O., Frolov D. P. O formirovanii novogo arsenala metodologii nauchnykh pravovykh issledovaniy v sfere nanotehnologiy i nanoindustrii [On the Formation of New Methodology for Scientific Legal Research in the Field of Nanotechnology and Nanoindustry]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 133–143. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-133-143.

УДК 341.9: 347.77

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-133-143

**О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО АРСЕНАЛА МЕТОДОЛОГИИ
НАУЧНЫХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ
НАНОТЕХНОЛОГИЙ И НАНОИНДУСТРИИ**

А. О. Иншакова

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН)

Волгоградский государственный университет
400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

ORCID: 0000-0001-8255-8160

ResearcherID: D-2673-2016

e-mail: ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru

Д. П. Фролов

Доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга
Волгоградский государственный университет

400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

ORCID: 0000-0002-7873-2725

ResearcherID: F-6298-2013

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5539/ass.v11n20p1

DOI: 10.5539/ass.v11n20p9

DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s6p81

e-mail: ecoddev@mail.ru

Введение: исходя из того, что разрешение самых острых проблем XXI века, таких как истощение энергоресурсов, изменение климата, безопасность продуктов питания, постарение населения и других, зависит от эффективности развития и внедрения новых технологий, что является одним из путей повышения уровня жизни населения и важным фактором экономического развития любого государства, авторы статьи обращают внимание на необходимость проведения тематических научных исследований, основанных на новых методологических подходах и имеющих комплексный междисциплинарный характер. **Цель:** определить правовые методы и средства, а также концептуально новые исследовательские подходы, позволяющие получить наиболее объективные результаты научного взаимодействия различных отраслей наук. **Методы:** приводится пример реализованного авторами на основании нового методологического комплекса научного исследования в области nanoиндустрии с использованием институционального подхода в контексте взаимодействия экономической и правовой отраслевых структур, направлен-

ного на компенсацию односторонних научных изысканий, посвященных данному системному феномену, посредством преодоления проблемы ограниченности методологического арсенала. **Результаты:** обосновывается, что использование нового нетрадиционного методологического потенциала, отвергающего односторонние подходы, открывает широкие возможности для получения объективных результатов такого специального и системного исследования процессов формирования nanoиндустрии, имеющей принципиально междисциплинарный характер, обусловленный самой сутью нанонауки. **Выводы:** nanoиндустрия имеет принципиально междисциплинарный характер, что обусловлено самой сутью нанонауки, поэтому как в экономике, так и в праве следует признать объективно невозможным четкое определение ее отраслевой структуры. Описанные в статье методологические средства актуальны, прежде всего, для сотрудничества экономистов и специалистов в области частноправового регулирования хозяйственной деятельности в процессе осуществления научных изысканий по вопросам формирования инновационной экономики знаний и высоких технологий, главным образом нанотехнологий и массового стандартизированного производства результатов нанотехнологичной деятельности.

Ключевые слова: инновационная экономика; инновационная деятельность; nanoиндустрия; нанотехнологии; nanoиндустриализация национальных экономик; правовая инновация; правовое регулирование nanoиндустриализации; междисциплинарные исследования в области nanoиндустрии; методология исследований в области nanoиндустрии; институциональный подход к исследованию

ON THE FORMATION OF NEW METHODOLOGY FOR SCIENTIFIC LEGAL RESEARCH IN THE FIELD OF NANOTECHNOLOGY AND NANOINDUSTRY

A. O. Inshakova

Volgograd State University
100, Universitetsky prospekt, Volgograd, 400062, Russia
ORCID: 0000-0001-8255-8160
ResearcherID: D-2673-2016
e-mail: ainshakova@list.ru

D. P. Frolov

Volgograd State University
100, Universitetsky prospekt, Volgograd, 400062, Russia
ORCID: 0000-0002-7873-2725
ResearcherID: F-6298-2013
Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»
DOI: 10.5539/ass.v11n20p1
DOI: 10.5539/ass.v11n20p9
DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s6p81

Introduction: resolution of the most acute problems of the 21st century (such as depletion of energy resources, climate changes, food safety, population aging, etc.) depends on the efficiency of development and introduction of new technologies and materials, which is one of the ways to increase living standards of population and an important factor for economic development of any state. Proceeding from those facts, the authors of the article draw attention to the need for thematic scientific research based on new methodological approaches and having a complex interdisciplinary nature. **Purpose:** to identify legal methods and tools, as well as conceptually new research approaches, to get the most objective results from scientific interaction between different branches of science. **Methods:** the authors provide an example of their scientific research in the field of nanoindustry based on a new methodological framework with the use of institutional approach in the context of interaction between economic and legal structures, aimed to compensate unilateral scientific studies on the system phenomenon under consideration by overcoming the problem of limited methodological arsenal. **Results:** it is proved

*that application of the new non-traditional methodological potential, which denies unilateral approaches, offers great opportunities to get objective results from such special and system study of the processes of formation of nanoindustry, which has a fundamentally interdisciplinary nature due to the very essence of nanoscience. **Conclusions:** the nanoindustry is fundamentally interdisciplinary by its nature due to the very essence of nanoscience. Thus, clear determination of its sectoral structure should be recognized objectively impossible both in economics and law. The methodological tools described in the article are first of all relevant for co-operation of economists and specialists in the field of private law regulation of economic activity in the course of scientific research on the formation of innovative economy of knowledge and high technologies, especially nanotechnology and mass standardized production of results in nanotech activities.*

Keywords: innovative economy; innovative activity; nanoindustry; nanotechnology; nanoindustrialization of national economies; legal innovation; legal regulation of nanoindustrialization; interdisciplinary research in the field of nanoindustry; research methodology in the field of nanoindustry; institutional approach to research

Введение

Современное социохозяйственное развитие мира демонстрирует устойчивую основополагающую тенденцию перехода от постиндустриальной экономики к инновационной лишь с разной степенью желаемых достижимых эффектов [10, с. 341–342; 5, с. 36].

Общепризнанного определения категории «инновационная экономика» в науке не существует, так же как и понятия «инновации» [18, с. 21–47]. Бюро статистики Европейского сообщества (The Statistical Office of the European Communities) (далее – Евростат) в Руководстве Осло¹ определяет понятие инновации как «введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях». В соответствии с Руководством Фраскати (документ принят Организацией экономического сотрудничества и развития – ОЭСР в 1993 г. в итальянском городе Фраскати) инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам².

В свою очередь, инновационная деятельность включает все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие шаги, которые фактически или по замыслу ведут к реализации инноваций. Некоторые из этих видов деятельности могут быть инновационными по своей сути, тогда как другие не содержат новизны, но необходимы для осуществления инновации³. Отсюда логично вытекает, что инновационная деятельность представляет собой деятельность по разработке и внедрению инноваций, доведение этих новшеств до стадии коммерческого использования и распространения на рынке в виде нового продукта или процесса, внедрения его в повседневную жизнь.

Учеными выделяется различное количество стадий инновационного процесса. Одни называют пять: техническую, проектирование, производство, управление и коммерческую деятельность, которые и составляют понятие «инновации» [30, с. 895]. Другие, по крайней мере, две фазы: стадию генерации идей и стадию реализации [20, с. 265–285; 21, с. 363–395]. Фаза генерации идей включает все этапы – от создания идеи до решения о реализации идеи [19, с. 1154–1184]. Фаза реализации рассматривается как процесс экспериментирования, где методом проб и ошибок достигается инновационный результат [22, с. 84–110]. Некоторые авторы также выделяют стадию коммерциализации или диффузии, которая приводит компании к коммерческой выгоде [24, с. 169–211; 29, с. 117–124; 27]. Коммерциализация производства, производство, упаковка, маркетинг и распределение продукта воплощают в себе инновации [28, с. 143].

Инновационная деятельность является эффективным инструментом коммерциализации

¹ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по ОЭСР и Евростата // Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры науч.-техн. деятельности и регион. инновационных систем. URL: <http://www.miiiris.ru> (дата обращения: 15.02.2016).

² Организация экономического сотрудничества и развития. URL: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 15.02.2016).

³ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по ОЭСР и Евростата.

достижений научно-технического прогресса, становится определяющим элементом международной конкурентоспособности страны.

Развитие и внедрение новых технологий дает надежду на разрешение самых острых проблем XXI века (истощение энергоресурсов, изменение климата, безопасность продуктов питания, старение населения и др.), а также становится одним из путей повышения уровня жизни населения и важным фактором экономического развития любого государства. Академик В. И. Жуков, в своей работе «The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes» обстоятельно проанализировав совокупность причин современного экономического кризиса, помимо финансовой, в перечне главных причин выделяет смену технологического уклада и переход к так называемому шестому его этапу: «В настоящее время почти все отрасли производства достигли высшей точки своего развития. Теперь без технологической революции в энергетике, материаловедении, генетике, медицине, информатике и других областях прогресс невозможен» [31, р. 21].

Новый, набирающий обороты экономический кризис 2015 г. доказывает, что только посредством переориентирования производства, перераспределения рынков сбыта и средств производства возможно разрешать общечеловеческие проблемы.

Российская Федерация все еще продолжает оставаться «сырьевым донором» Западного мира и развивающихся экономик Азиатского региона. Такая роль явно не соответствует потенциалу и функциям российского государства на мировой арене.

Сегодня одним из ключевых направлений подъема мировой экономики является вовлечение в хозяйственный оборот результатов научной и научно-технической деятельности. В национальном экономическом развитии любой страны ведущая роль отводится научно-техническому прогрессу и интеллектуализации основных факторов производства [12, с. 100; 26, с. 10–22].

Очевидно, что России необходимо пересмотреть государственную политику в области экономического развития, осуществить поворот от добычи сырья и полезных ископаемых, с последующим экспортом, к увеличению денежных дотаций в наукоемкие отрасли промышленности. Только тогда возможна реальная конкуренция на мировых рынках сбыта с целью продажи и внедрения российских разработок и последующего их массового производства.

В этой связи создание комфортных условий для научно-исследовательской деятельности, обеспечение кооперации научных учреждений и

финансирования инновационных проектов является важной задачей для государства. Правительство РФ не остается равнодушным к объективно обусловленным мировым экономическим развитием вызовам и в последнее время уделяет все большее внимание развитию науки и новых технологий [9, с. 38].

Важнейшей общегосударственной задачей, отнесенной к исключительному ведению РФ, является регулирование наукоемких технологий, к которым относятся высокие технологии и инновационные технологии, в том числе нанотехнологии.

Понятие нанотехнологий и наноиндустрии

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 23 апреля 2010 г. № 282 «О национальной нанотехнологической сети», нанотехнологии – это технологии, направленные на создание и практическое использование нанообъектов и наносистем с заданными свойствами и характеристиками.

Одной из наиболее перспективных отраслей производства становится наноиндустрия, которая нацелена на создание новых, концептуально отличающихся от предыдущих поколений продуктов и материалов.

Национальная наноиндустрия является одним из ключевых направлений инновационного развития экономики страны, а также ее конкурентоспособности на международной арене. Широкое распространение нанотехнологий, массовое и стандартизированное производство результатов нанотехнологичной деятельности позволит многократно поднять эффективность существующих отраслей экономики и создать кластеры новых производств.

Наноиндустрия представляет собой межотраслевой комплекс организаций, а также междисциплинарный комплекс организаций (комплекс организаций, осуществляющих деятельность в рамках различных научных дисциплин на основе единого подхода к рассмотрению материи на атомно-молекулярном уровне), обеспечивающих и осуществляющих целенаправленную деятельность по разработке и коммерциализации нанотехнологий¹ [23, р. 148–160].

Согласно прогнозам ведущих исследователей и экспертных организаций, глобальное развитие наноиндустрии уже в среднесрочной перспективе вызовет радикальное изменение струк-

¹ О национальной нанотехнологической сети: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 апр. 2010 г. № 282 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2250.

туры и масштабов «товарного мира», приведя к реструктуризации традиционных рынков и бурному формированию новых сегментов и ниш, перестройке конфигураций конкурентных сил и выходу на качественно новый уровень удовлетворения потребностей [25, с. 191].

В современном юридическом понимании, нашедшем отражение в научной литературе, нанотехнология – это целенаправленная человеческая деятельность по производству и использованию (включая отображение, измерение, моделирование и управление материей) материалов с преднамеренно внедренными особенностями, вплотную к атомному или молекулярному масштабу, имеющему размер от 1 до 100 нм [2, с. 94].

В Послании Президента России к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года, где было отмечено: «Сегодня у нас в среднем из 265 полученных научных результатов только один – только один – становится объектом правовой охраны. Вклад добавленной стоимости, которая образуется от оборота интеллектуальной собственности, в ВВП России – менее одного процента. Это не просто мало, это очень мало. В США этот показатель – 12 процентов, в Германии – 7–8, а у наших соседей в Финляндии – 20. Поэтому техплатформы должны быть нацелены на конкретный результат, на получение патентов и лицензий, на практическое внедрение разработок». Также Президент России обратил внимание на необходимость формирования внутреннего спроса на высокие технологии, серьезной инвентаризации институтов развития, деятельность которых в последнее время рассыпалась на множество разрозненных проектов, порой напрямую не связанных с инновациями, в то же время созданных для поддержки именно инновационного развития экономики. В. В. Путин подчеркнул необходимость восстановления в их работе «стратегического вектора на технологический прорыв»¹.

Курс на создание новых технологий и конкурентной продукции, формирование дополнительного запаса прочности в промышленности, в финансовой системе, подготовку современных кадров был продолжен в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года².

Указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении при-

оритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и Перечня критических технологий в Российской Федерации»³ утверждены приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, к которым отнесены индустрия наносистем, информационно-телекоммуникационные системы, перспективные виды вооружения, военной и специальной техники, транспортные и космические системы, энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика и др.

Указанное направление прослеживается и в последующих программных документах.

Характерной чертой современного мирового хозяйственного развития является переход ведущих стран к новому этапу формирования инновационного общества – построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Интенсификация производства и использования новых научно-технологических результатов предопределила резкое сокращение периода инновационного цикла, ускорение темпов обновления продукции и технологий. Современные глобальные вызовы диктуют необходимость опережающего развития отдельных специфических направлений научных исследований и технологических разработок («чистая» энергетика, геномная медицина, новые технологии в сельском хозяйстве и ряд других направлений), по многим из которых в нашей стране нет существенных заделов⁴.

Председателем Правительства РФ 3 января 2014 г. утвержден Прогноз научно-технологического развития РФ на период до 2030 года, который сформирован в разрезе приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в стране, к которым в том числе отнесены «новые материалы и нанотехнологии»: «В последние годы нанотехнологии становятся все доступнее и с экономической, и с технической точки зрения: появилась возможность моделировать, осуществлять и контролировать процессы, происходящие на наноуровне. Развитие данной области стимулирует растущий спрос на новые материалы, обусловленный, с одной

¹ *Послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 12 дек. 2013 г. // Рос. газета. 2013. 13 дек.*

² *Послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 4 дек. 2014 г. // Рос. газета. 2014. 5 дек.*

³ *Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Рос. Федерации и перечня критических технологий Рос. Федерации: указ Президента Рос. Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 28, ст. 4168.*

⁴ *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 301 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ст. 2150.*

стороны, истощением сырьевых ресурсов, а с другой – активным внедрением нанотехнологий в производстве товаров с принципиально новыми свойствами»¹.

Необходимость системного исследования формирования nanoиндустрии

В настоящее время главным фактором nanoиндустриализации национальных экономик становится реальный показатель интеграции нанотехнологий с экономикой. Для этого необходима реализация достижений экономической науки. В экономических науках на первый план выходят вопросы изучения характеристик и законов инновационного развития экономики, а также проблемы экономической политики, связанные с формированием инновационного характера экономики России, аспектов воздействия возникающего нанотехнологического уклада производства на национальную экономическую систему. Крайне актуальными являются исследования институциональных экономистов, сконцентрированных на анализе факторов и способов минимизации транзакционных издержек устойчивых взаимодействий агентов и их организаций в высокотехнологическом мире, институциональных формах и механизмах технологической эволюции, ключевых проблемах, затрудняющих эффективное институциональное регулирование нанотехнологий, эволюционном подходе к институциональному регулированию nanoиндустриализации.

Все приведенные выше доводы относительно значимости и приоритетности развития современной экономической науки в сфере нанотехнологий в полной мере касаются и права, призванного упорядочить процесс nanoиндустриализации. Сегодня перед юридическим экспертным сообществом стоит непростая задача: речь идет не о необходимости совершенствования законодательства, обеспечивающего развитие инновационной деятельности в сфере нанотехнологий, а, правильнее сказать, на данном этапе, о его создании. Для правовой сферы вопросы экономического характера приобретают особую актуальность. Прежде всего потому, что государства нуждаются в адекватной нормативной базе, способной урегулировать соответствующие экономические преобразования. Под влиянием инновационной экономики претерпевают изменения определенные правовые нормы, обеспечивающие регулирование данного рода

отношений. Все эти процессы направлены на поиск, реализацию производства, эффективность удовлетворения общественных потребностей, а также обеспечение улучшения условий жизнедеятельности общества. Институциональная политика в сфере nanoиндустрии должна иметь системный, эволюционный и проактивный характер, сочетать либеральный и директивный режимы регулирования, использовать дифференцированный набор методов и инструментов, основываться на интерактивном взаимодействии с экспертными сообществами и широкой общественностью путем убеждения и обсуждения законопроектов, стимулировать добровольные инициативы и активно опираться на обычное право.

Между тем приходится констатировать, что целый комплекс проблем, связанных с правовой регламентацией отношений в области инновационной деятельности в целом и нанотехнологий в частности, до настоящего времени не имеет однозначного решения. К ним относятся недостаточное исследование и определение теоретических основ природы и признаков инновационной деятельности. Требуется научное обоснование и уточнения понятийный аппарат в сфере инноваций в целом. В нормативных правовых актах отсутствуют единообразная терминология, обязательно-правовой инструментарий, не достаточно определен статус субъектов нанотехнологий, механизмы их поддержки. Общая «размытость» направлений государственной политики в области нанотехнологий и множественность организаций, в том числе фиктивных, осуществляющих их государственную поддержку и претендующих на получение данной поддержки, порождают риски нерационального расходования бюджетных средств, недофинансирования научных исследований и невозможности осуществления координированной работы между органами государственной власти и субъектами данного рода инновационной деятельности.

Кроме того, на федеральном уровне отсутствует единый консолидирующий закон «Об инновационной деятельности». Сложившаяся правовая ситуация вносит дестабилизацию в развитие нового направления в сфере экономики – коммерциализации нанотехнологических результатов. Отсутствие правовой регламентации в РФ процесса инновационной предпринимательской деятельности в части коммерциализации объектов, возникающих посредством ее реализации, осложняет процесс продвижения инновационного продукта от создателя к потребителю с целью получения прибыли и достижения социального эффекта.

¹ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://government.ru/dep_news/9801 (дата обращения: 15.02.2016).

В связи с этим необходимо учитывать, что развитие инновационной деятельности, повышение инновационной активности в стране будут зависеть, прежде всего, от благоприятного правового обеспечения посредством действенной законодательной базы [17, с. 95].

Ученые в области экономических наук констатируют, что широкое применение нанотехнологий должно сопровождаться опережающим развитием нормативно-правовой базы и проактивным маркетингом, невниманием к которым стало ключевой причиной коммерческого краха технологий инженерии генетически модифицированных организмов.

Кроме того, без правовой инновации невозможна реализация инновационных тенденций ни в одной из сфер хозяйствования. В связи с этим следует также определиться с формулировкой понятия «правовая инновация», хотя бы в целях проведения тематических исследований и, возможно, последующим ее доктринальным закреплением. Полагаем, под *правовой инновацией* в контексте данной статьи следует понимать разработанные, доктринально обоснованные концептуально новые теоретические модели законодательного совершенствования нормативно-правовой базы и доктрины права с учетом современных социохозяйственных преобразований в условиях приоритета инновационного, в том числе и нанотехнологичного, экономического развития.

Сложность, комплексность и междисциплинарный характер нанотехнологичной деятельности делают объективно невозможным специальное и системное исследование формирования наноиндустрии при использовании одностороннего подхода: экономического или правового.

Именно поэтому ученым, заинтересованным вопросами инновационного развития, становления и формирования отечественной наноиндустрии, должна быть очевидна необходимость проведения междисциплинарных исследований, прежде всего, в контексте экономико-правового научного взаимодействия.

Подобного рода исследования уже реализуются. В одном из таких монографических исследований под названием «Институциональный анализ нанотехнологической “революции”: синтез экономики и права» [8, с. 455–456] цивилисты и экономисты с позиций различных отраслей знания, разных научных школ и широкого спектра методологического арсенала попытались подойти к определению путей перехода к экономике знаний, субъектов нанотехнологичной деятельности, приоритетных отраслей правового регулирования наноиндустриализации,

проблемам наноиндустриализации с использованием результатов отечественных и зарубежных исследователей и мирового законодательного и практического опыта использования нанотехнологий в стратегии развития наукоемких отраслей производства, государственного регулирования инновационной деятельности в развитых странах.

Концептуально новым методологическим приемом, позволяющим вполне осознать всю суть и полноту проблемы правового обеспечения нанотехнологичной хозяйственной деятельности в такого рода научных изысканиях, должен выступать комплексный подход ее изучения с учетом действующих и перспективно-востребованных правовых принципов и механизмов на всех регламентационных уровнях: наднациональном, универсальном, национальном и региональном.

Результаты

Основным методологическим недостатком, на наш взгляд, появляющихся современных правовых исследований в сфере нанотехнологий выступает недостаточно внимательное отношение к проблемам унификации и гармонизации соответствующей области правового регулирования как методам объективной правовой интеграции в условиях формирования глобальной экономической системы. По нашему глубокому убеждению, в настоящее время невозможно сделать адекватные выводы относительно тенденций и перспектив развития национального законодательства в области наноиндустрии без учета влияния процесса экономико-правовой интеграции как исходного начала необходимой правовой унификации всех уровней правового регулирования в условиях нарастающего взаимодействия и взаимовлияния международного и внутригосударственного права. Не последнее место в такого рода исследованиях должно быть отведено и вопросам выбора надлежащего метода правовой унификации. Действительно, законодательство в сфере инноваций в целом и нанотехнологий в частности развивается довольно фрагментарно, не учитываются приоритетность и разноплановость юридических возможностей методов унификации правового регулирования соответствующих общественных отношений. Отсутствие единого нормативно-правового акта федерального значения в области инновационной деятельности заставляет задумываться о проблеме селективности и необходимости систематизации ее правового регулирования. Имеющийся на национальном уровне массив стратегических и программных актов, концепций развития и других документов «soft

law» носит рекомендательно-декларативный характер и потому не способен ввести субъектов внутригосударственного инновационного предпринимательства в строго очерченные законом рамки и оказать существенное влияние на законодательный процесс. Нормы действующего субфедерального законодательства отличаются низким уровнем юридической техники, дублированием норм, противоречащим действующему федеральному законодательству категориальным аппаратом. В связи с этим самого пристального исследовательского внимания заслуживает проблема систематизации и создания единообразного нормативно-правового обеспечения инновационной экономической деятельности – от выработки общего понятийно-категориального аппарата до принятия унифицированного на федеральном уровне закона.

Следует отметить, что междисциплинарный подход в исследовании, проводимом на стыке экономической и правовой науки, может предполагать и расхождение взглядов авторского коллектива на характер и объем регламентации отношений в рассматриваемой сфере, а также методологию ее формирования и практику применения, что само по себе, по мнению авторов, не несет в себе опасности, а даже, наоборот, позволяет в итоге прийти к взаимопониманию, согласованности выработанной научной позиции и, как следствие, повышению эффективности научного взаимодействия.

Например, представители экономической теории считают нецелесообразной избыточную «нанотехнологизацию» действующего законодательства и не видят необходимости выделения в качестве отдельного вида охраняемых законом объектов интеллектуальной собственности разработок в области нанотехнологий [16, с. 58].

Вместе с тем представители современной экономической науки, считают необходимым разработку специальных правовых актов в сфере наноиндустрии на региональном и муниципальном уровнях [16, с. 60]. В этом правоведы видят противоречие, свидетельствующее об ином понимании экономистами иерархии разноразмерной законодательной регламентации и способов детализации ее правовых механизмов, исключающих коллизии и инертность нормативных актов в пользу гибкого, централизованно ориентированного правового регулирования.

Институциональный подход к исследованию также понимается представителями экономической и юридической науки по-разному. Реализация такого методологического подхода для экономистов означает изучение влияния различных институтов на экономические процессы в аспекте уровня трансакционных из-

держек (издержек взаимодействия хозяйствующих субъектов). Под институтами в экономике понимают достаточно широкий круг явлений. В обобщающей классификации институты трактуются как модели упорядочения экономических отношений и делятся на четыре группы: функциональные (институты, т. е. статусные функции субъектов, объектов и процессов в экономических системах), структурные (предприятия, организации, учреждения, органы власти, сети, кластеры и т. п.), нормативные (формальные и неформальные нормы) и ментальные (устойчивые образы мышления – представления, убеждения, стереотипы, ценности и т. д.) [4, с. 15; 6, с. 47; 7, с. 69; 3, с. 155]. Результатом взаимодействия этих групп институтов является институционализация как нематериальная производительная сила упорядочения трансформаций и трансакций. В данном контексте наноиндустриализация рассматривается как межотраслевая форма институционализации макроэкономической системы, а наноиндустрия – как интенсивно формирующийся гетерогенный конгломерат различных институтов, неоднозначно влияющий пока что на уровень трансакционных издержек в сфере сверхвысоких технологий.

Для юристов термин «институциональный» происходит от понятия «институция», представляющего собой в праве, прежде всего, юридические установления, своды норм и обычаев поведения в обществе, а также от понятия «институты», подразумевающего закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций и учреждений [13, с. 133; 11, с. 240; 15, с. 194]. Также «институт права» понимается правоведом в качестве некоей обособленной группы юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, составляющие чаще всего предмет одной отрасли права, но которые могут иметь и межотраслевой характер [14, с. 101; 1, с. 344]. Соответственно такому пониманию в правовых исследованиях следует изучать институциональные правовые основы наноиндустрии как законодательные своды норм в виде международно-правовых и внутригосударственных актов, рамочных, программных актов и иных сводов правовых положений документов мягкого и обычного права. Кроме того, полезна реализация подхода к изучению права нанотехнологий и наноиндустрии с точки зрения приоритетных для данной сферы институтов гражданского, предпринимательского и международного частного права, таких как право интеллектуальной собственности, конкурентное право, право корпораций, инвестиционное право.

Выводы

Полагаем, наноиндустрия имеет принципиально междисциплинарный характер, что обусловлено самой сутью нанонауки (образное наименование всех направлений исследований о нанотехнологиях и наноматериалах в различных областях научного знания). Поэтому как в экономике, так и в праве следует признать объективно невозможным четкое определение ее отраслевой структуры. Таким образом, междисциплинарные научные исследования, охватывающие, прежде всего, экономико-правовые аспекты, призваны служить целям хотя бы частичной компенсации односторонних научных изысканий, посвященных данному системному феномену, посредством преодоления проблемы ограниченности методологического потенциала какой-либо одной науки, в рамках которой изучаются вопросы становления и развития национальной наноиндустрии.

Библиографический список

1. *Большой юридический словарь* / сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2003. 704 с.
2. *Зульфугарзаде Т. Э.* Основы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации // *Адвокат*. 2009. № 5. С. 93–113.
3. *Институциональная экономика: учеб. пособие* / под ред. Н. В. Манохиной. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 240 с.
4. *Иншаков О. В.* Институты и институты в современной экономической теории // *Вестник ВолГУ. Сер. 3: Экономика*. 2007. № 11. С. 6–21.
5. *Иншаков О. В.* Стратегия и тактика государственной политики развития наноиндустрии в России: материалы к докладу на общем собр. Отд-ния обществ. наук РАН (13 декабря 2010 г.). М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 36 с.
6. *Иншаков О. В.* Экономические институты и институты: к вопросу о типологии и классификации // *Социологические исследования*. 2003. № 9. С. 42–51.
7. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Эволюционная перспектива экономического институционализма // *Вопросы экономики*. 2010. № 9. С. 63–77.
8. *Иншакова А. О.* Институциональный анализ нанотехнологической «революции»: синтез экономики и права / под ред. А. О. Иншаковой, Д. П. Фролова, А. Я. Рыженкова. СПб.: Изд-во «Алетейя» – Гуманитарная книга, 2015. 532 с.
9. *Иншакова А. О.* Вклад частного права в развитие отечественной наноиндустрии: унификационные тенденции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 9. С. 37–44.
10. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // *Избранные труды*. М.: Экономика, 2002. 767 с.
11. *Краткий юридический словарь* / под ред. проф. С. П. Щербы. М.: НИЦ Инфра-М, 2012. 380 с.
12. *Мамедов А. А.* Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования // *Налоги*. 2009. № 5. С. 100–103.
13. *Масликов И. С.* Юридический словарь. М.: Изд-во «Дашков и К°», 2015. 320 с.
14. *Матузов Н. И.* Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2009. 423 с.
15. *Толковый словарь современного русского языка*. М.: Аделант, 2014. 800 с.
16. *Фролов Д. П.* Институциональная экономика и нанотехнологическая «революция» как существенные правовые ориентиры // *Институциональный анализ нанотехнологической «революции»: синтез экономики и права* / под ред. А. О. Иншаковой, Д. П. Фролова, А. Я. Рыженкова. СПб.: Изд-во «Алетейя» – Гуманитарная книга, 2015. 532 с.
17. *Хромых Н. А.* Инновационное развитие как основа деятельности хозяйствующего субъекта // *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2011. № 4. С. 95–103.
18. *Adams R., Bessant J. and Phelps R.* Innovation Management Measurement: a Review // *International Journal of Management Reviews*. 2006. Issue 8. Pp. 21–47.
19. *Amabile T. M., Conti R., Coon H., Lazenby J. and Herron M.* Assessing the Work Environment for Creativity // *Academy of Management Journal*. 1996. Issue 39. Pp. 1154–1184.
20. *Axtell C. M., Holman D. J., Unsworth K., Wall T. D., Waterson P. E. and Harrington E.* Shopfloor innovation: Facilitating the Suggestion and Implementation of Ideas // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2000. Issue 73. Pp. 265–285.
21. *Clark J. and Guy K.* Innovation and Competitiveness: a Review // *Technology Analysis and Strategic Management*. 1998. Issue 10. Pp. 363–395.
22. *Eisenhardt K. M. and Tabrizi B. N.* Accelerating Adaptive Processes: Product Innovation in the Global Computer Industry // *Administrative Science Quarterly*. 1995. Issue 40. Pp. 84–110.
23. *Frolov D., Popkova E., Stratulat I., Shulimova A.* Complex Management of Promising

- Technologies: A Case Study of Russian Nano-Industry // *Nanotechnology Law & Business*. 2015. Vol. 12, Issue 2. Pp. 148–160.
24. Kanter R.M. When a Thousand Flowers Bloom: Structural, Collective and Social conditions for Innovations in Organization // *Staw B. M., Cummings L. L. (Eds) Research in Organizational Behavior*. London: JAI Press, 1988, Vol. 22. Pp. 169–211.
 25. Lahir J.K., Katkar S., Namita chawala. Nano-technology Concept & Its Applications // *ASM's International E-Journal on Ongoing Research in Management and IT*. Pp. 177–191. URL: http://www.asmgroupp.edu.in/incon/E%20%20JOURNAL%20INCON%202015/INCON-IT%20Vol2/INCN15_IT_23.pdf (дата обращения: 02.02.2015).
 26. Miller J., Cho K. J., McGehee M. A Realistic Assessment of the Commercialization of Nanotechnology: A Primer for Lawyers and Investors // *Nanotechnology Law & Business*. 2004. Vol. 1. Issue 1. Pp. 10–22.
 27. Patton A. McCoy. Commercialization for Innovative Products in the Residential Construction Industry: Dissertation of Doctorate of Philosophy In Environmental Design and Planning. 2008. Virginia. URL: http://www.academia.edu/936483/Commercialization_for_Innovative_Products_in_the_Residential_Construction_Industry (дата обращения: 02.02.2015).
 28. Rogers Everett M. Diffusion of Innovations / The Free Press a Division of Macmillan Publishing Co., Inc. 866 Third Avenue, New York, 10022. Third Edition, 1983. 245 p.
 29. Strebel P. Organizing for Innovation over an Industry Cycle // *Strategic Management Journal*. 1987. Issue 8. Pp. 117–124.
 30. Terziowski M. Innovation Practice and its Performance Implications in Small and Medium Enterprises (SMEs) in the Manufacturing Sector: A Resource-Based View // *Strategic Management Journal*. 2010. Issue 31. 954 p.
 31. Zhukov V.I. The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes. Moscow, 2009. 168 p.
 3. *Institutsional'naya ekonomika / pod red. N. V. Manokhinoy* [Institutional Economy: Textbook; ed. by N. V. Manokhina]. Moscow, 2014. 240 p. (In Russ.).
 4. Inshakov O. V. *Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii* [Institutes and Institutions in Modern Economic Theory]. *Vestnik VolGU. Seriya 3. Ekonomika* – Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System. 2007. Issue 11. Pp. 6–21. (In Russ.).
 5. Inshakov O. V. *Strategiya i taktika gosudarstvennoy politiki razvitiya nanoindustrii v Rossii: Materialy k dokladu na Obshchem sobranii Otdeleniya obshchestvennykh nauk RAN* [The Strategy and Tactics of the State Policy of the Nanotechnology Industry Development in Russia: Materials for the Report at the General Meeting of the Social Sciences Department of the RAS]. Volgograd, 2010. 36 p. (In Russ.).
 6. Inshakov O. V. *Ekonomicheskie instituty i institutsii: k voprosu o tipologii i klassifikatsii* [Economic Institutes and Institutions: On the Issue of the Typology and Classification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological Studies. 2003. № 9. Pp. 42–51. (In Russ.).
 7. Inshakov O.V., Frolov D.P. *Evolyutsionnaya perspektiva ekonomicheskogo institutsionalizma* [Evolutionary Perspective of Economic Institutionalism]. *Voprosy ekonomiki* – Voprosy Ekonomiki. 2010. № 9. Pp. 63–77. (In Russ.).
 8. Inshakova A.O. *Institutsional'nyy analiz nanotekhnologicheskoy "revolyutsii": sintez ekonomiki i prava*; ed. by A. O. Inshakova, D. P. Frolov, A. Ya. Ryzhenkov [Institutional Analysis of Nanotechnological "Revolution": Synthesis of Economics and Law]. St. Petersburg, 2015. 532 p. (In Russ.).
 9. Inshakova A. O. *Vklad chastnogo prava v razvitie otechestvennoy nanoindustrii: unifikatsionnye tendentsii* [The Contribution of Private Law to the Development of the Russian Nanotechnology Industry: Unification Tendencies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Russian Laws: Experience, Analysis, and Practice. 2011. Issue 9. Pp. 37–44. (In Russ.).
 10. Kondratyev N. D. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya: Izbrannye trudy* [Big Cycles of Conjuncture and the Theory of Foresight: Selected Works; ed. by N. D. Kondrat'yev, Yu. V. Yakovets, L. I. Abalkin]. Moscow, 2002. 767 p. (In Russ.).
 11. *Kratkiy yuridicheskiy slovar' / pod red. S. P. Shcherby* [Abridged Law Dictionary; ed. by S. P. Shcherba]. Moscow, 2012. 380 p. (In Russ.).
 12. Mamedov A. A. *Innovatsionnaya deyatel'nost' v Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya*

References

1. *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large Law Dictionary]. Comp. by V. N. Dodonov, V. D. Ermakov, M. A. Krylova; ed. by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. Moscow, 2003. 704 p. (In Russ.).
2. *Zul'fugarzade T. E. Osnovy pravovogo regulirovaniya nanotekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii* [Bases of Legal Regulation of Nanotechnology in the Russian Federation]. *Advokat* – Advocate. 2009. № 5. Pp. 93–113. (In Russ.).

- [Innovative Activity in Russia: Problems of Legal Regulation]. *Nalogi – Taxes*. 2009. Issue 5. Pp. 100–103. (In Russ.).
13. Maslikov I. S. *Yuridicheskiy slovar'* [Legal Dictionary]. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.).
14. Matuzov N. I. *Teoriya gosudarstva i prava / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Malko* [Theory of State and Law; ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko]. Moscow, 2009. 423 p. (In Russ.).
15. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language; ed. by D. N. Ushakov]. Moscow, 2014. 800 p. (In Russ.).
16. Frolov D. P. *Institutsional'naya ekonomika i nanotekhnologicheskaya «revolyutsiya» kak sushchestvennye pravovye orientiry: monografiya «Institutsional'nyy analiz nanotekhnologicheskoy «revolyutsii»: sintez ekonomiki i prava» / pod red. A. O. Inshakovoy, D. P. Frolova, A. Ya. Ryzhenkova* [Institutional Economics and Nanotechnological "Revolution" as Significant Legal Guidelines: Monograph "Institutional Analysis of Nanotechnological "Revolution": Synthesis of Economics and Law"]. St. Petersburg, 2015. 532 p. (In Russ.).
17. Khromykh N. A. *Innovatsionnoe razvitie kak osnova deyatel'nosti khozyaystvuyushchego sub'yekta* [Innovative Development as a Basis for an Economic Entity's Activity]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – The Bulletin of Voronezh State Technical University*. 2011. Issue 4. Pp. 95–103. (In Russ.).
18. Adams R., Bessant J. and Phelps R. Innovation management measurement: A Review. *International Journal of Management Reviews*. 2006. Issue 8. Pp. 21–47. (In Eng.).
19. Amabile T. M., Conti R., Coon H., Lazenby J. and Herron M. Assessing the Work Environment for Creativity. *Academy of Management Journal*. 1996. Issue 39. Pp. 1154–1184. (In Eng.).
20. Axtell C. M., Holman D. J., Unsworth K., Wall T. D., Waterson P. E. and Harrington E. Shopfloor Innovation: Facilitating the Suggestion and Implementation of Ideas. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2000. Issue 73. Pp. 265–285. (In Eng.).
21. Clark J. and Guy K. Innovation and Competitiveness: A Review. *Technology Analysis and Strategic Management*. 1998. Issue 10. Pp. 363–395. (In Eng.).
22. Eisenhardt K. M. and Tabrizi B. N. Accelerating Adaptive Processes: Product Innovation in the Global Computer Industry. *Administrative Science Quarterly*. 1995. Issue 40. Pp. 84–110. (In Eng.).
23. Frolov D., Popkova E., Stratulat I. and Shulimova A. Complex Management of Promising Technologies: A Case Study of Russian Nano-Industry. *Nanotechnology Law & Business*. 2015. Vol. 12. Issue 2. Pp. 148–160. (In Eng.).
24. Kanter R. M. When a Thousand Flowers Bloom: Structural, Collective and Social conditions for Innovations in Organizations. B. M. Staw and L. L. Cummings (Eds) *Research in Organizational Behavior*. London, 1988. Vol. 22. Pp. 169–211. (In Eng.).
25. Lahir J. K., Katkar S., Namita chawala. Nano-technology Concept & Its Applications. *ASM's International E-Journal on Ongoing Research in Management and It*. Pp. 177–191. (In Eng.). Available at: http://www.asmgroupp.edu.in/incon/E%20-%20JOURNAL%20INCON%202015/INCON-IT%20Vol2/INCN15_IT_23.pdf (accessed 02.02.2015).
26. Miller J., Cho K. J., McGehee M. A Realistic Assessment of the Commercialization of Nanotechnology: A Primer for Lawyers and Investors. *Nanotechnology Law & Business*. 2004. Vol. 1. Issue 1. Pp. 10–22. (In Eng.).
27. Patton A. McCoy. Commercialization for Innovative Products in the Residential Construction Industry: Dissertation of Doctorate of Philosophy In Environmental Design and Planning. 2008. Virginia. Available at: http://www.icaemia.edu/936483/Commercialization_for_Innovative_Products_in_the_Residential_Construction_Industry (accessed 02.02.2015). (In Eng.).
28. Rogers Everett M. *Diffusion of Innovations*. Third Edition. New York: The Free Press a Division of Macmillan Publishing Co., Inc., 1983. 245 p. (In Eng.).
29. Strebel P. Organizing for Innovation over an Industry Cycle. *Strategic Management Journal*. 1987. Issue 8. Pp. 117–124. (In Eng.).
30. Terziowski M. Innovation Practice and its Performance Implications in Small and Medium Enterprises (SMEs) in the Manufacturing Sector: A Resource-Based View. *Strategic Management Journal*. 2010. Issue 31. 954 p. (In Eng.).
31. Zhukov V. I. *The World Crisis: Economics and Sociology of Global Processes*. Moscow, 2009. 168 p. (In Eng.).

Информация для цитирования:

Реутов В. П. Рецензия на монографию М. В. Воронина «Основания и проявления системности в праве» (М., 2016) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 144–148. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-144-148.

Reutov V. P. Retenziya na monografiyu M. V. Voronina «Osnovaniya i proyavleniya sistemnosti v prave» [Review of the Monograph by M. V. Voronin “The Bases and Manifestations of Systematicity in Law” (Moscow, 2016)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 144–148. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-144-148.

УДК 34(049.32)

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-144-148

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. В. ВОРОНИНА
«ОСНОВАНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ СИСТЕМНОСТИ В ПРАВЕ»
(М., 2016)**

В. П. Реутов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-1209-4924
ResearcherID: E-5683-2016
e-mail: tgp@psu.ru

Введение: в рецензии предпринята попытка рассмотреть достоинства и недостатки монографии М. В. Воронина, впервые осуществившего специальный анализ оснований и проявлений системности в праве. **Цель:** дать максимально объективную оценку представленного на отзыв научного труда, вклада автора в совершенствование методологии системных исследований в праве, использование системного инструментария в правовой науке. **Обсуждение:** при оценке актуальности темы монографии сделан вывод о том, что автор, несомненно, исследовал важную во всех отношениях проблему целостного общетеоретического осмысления оснований и проявлений системности права. На основе скоординированного использования философских, общенаучных, специальных и частных методов исследования обоснована оригинальная концепция оснований системности права, на базе которой предпринята попытка обосновать механизм системообразования в праве, сформулировать понятие и значение базовых оснований и отдельных проявлений системности в праве, наиболее значимые системные связи элементов правовой системы. Отмечается полнота обоснования выдвигаемых положений, умение вести научную полемику, хороший литературный язык. Особо следует назвать итоги анализа принципов права как основания системности права, вывод о существовании двух моделей системной связи международного и внутригосударственного права. Названы отдельные недостатки работы. **Выводы:** монография М. В. Воронина является законченным монографическим исследованием, логически и концептуально выверенным сочинением, в котором содержатся теоретические положения, систему которых можно квалифицировать как научное достижение в области общей теории права.

Ключевые слова: системность права; основания и проявления системности в праве;
системные связи в праве и их роль

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY M. V. VORONIN
“THE BASES AND MANIFESTATIONS OF SYSTEMATICITY IN LAW”
(Moscow, 2016)

V. P. Reutov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-1209-4924
ResearcherID: E-5683-2016
e-mail: tgp@psu.ru

Introduction: in the review an attempt is made to consider merits and demerits of the monograph by M. V. Voronin, who has been the first to carry out a special analysis of the bases and manifestations of systematicity in law. **Purpose:** to give the most objective assessment of the scientific work submitted for reviewing, the author's contribution to improvement of methodology for system research in law, as well as the use of system tools in legal science. **Discussion:** assessment of the current relevance of the monograph's subject matter allows for conclusion that the author has investigated the problem of holistic general-theoretical comprehension of bases and manifestations of systematicity of law, which is undoubtedly of great significance in all respects. Due to the coordinated use of philosophical, general scientific, special and specific scientific methods of research, the original concept of bases of law systematicity has been justified. The concept serves as a basis for the attempt to justify the system-formation mechanism in law, to formulate the notion and importance of major bases and some particular manifestations of systematicity in law, as well as to reveal the most significant system connections of the legal system elements. It should be noted that provisions put forward in the work are well-grounded, the author demonstrates the ability to carry on a scientific polemics, as well as good literary style. Of special note are the results of the analysis of law principles as the bases of law systematicity, and also the conclusion about the existence of two models of system connections of international and domestic law. Some shortcomings of the work are also stated. **Conclusions:** it is claimed that M. V. Voronin's monograph is a complete monographic research, logically and conceptually verified and containing theoretical provisions which form a system that can be qualified as a scientific achievement in the field of general theory of law.

Keywords: systematicity of law; bases and manifestations of systematicity in law; system connections in law and their role

Введение

Работа М. В. Воронина написана на актуальную и весьма значимую тему. Автор справедливо отмечает, что ныне наблюдается повышение интереса к методологии системных исследований в праве, обусловленное особенностями осмысления правовых явлений в период модернизации российской государственности. Поэтому проблема понимания и использования системного инструментария в праве стоит достаточно остро (с. 3). Автор рецензируемой монографии, посвященной основаниям и проявлениям системности права, поставил перед собой задачу рассмотреть состояние познания системности права, ее характеристики и основания, механизм влияния общих оснований на конкретные явления системности (с. 6).

Обсуждение

Предложенная М. В. Ворониным концепция оснований системности права, механизма сис-

темообразования в праве, базовых оснований и отдельных проявлений системности в праве позволяет, по его мнению, объяснить механизм взаимодействия системных элементов права и, в конечном счете, выявить гносеологические перспективы познания системности права, сформировать основы для дальнейших системных исследований права (с. 7).

М. В. Воронин начинает свое исследование с анализа состояния познания системности права. Рассматривая историю использования системного подхода в правовых исследованиях, привлекая философские и юридические источники, автор делает ряд интересных и справедливых выводов, касающихся характеристики системности права и связанных с ней явлений (система в праве, системность права, правовая система и др.).

Предлагаемые им определения понятий данных (и ряда других) явлений, анализ их взаимосвязи привели к выводу о том, что пра-

вовая система и система права постоянно развиваются и обновляются, динамизм права влияет на основания системности права. Последние носят объективно-субъективный характер (с. 29–31).

Неясно только, почему эти выводы могли появиться только в условиях, когда удалось «отойти от догматических основ диалектики...» и от каких таких основ автору удалось «отойти»? (с. 16). Анализ предлагаемых автором выводов, описание наиболее значимых системных связей элементов правовой системы, как между собой, так и с элементами иных социальных систем, сделанные им предложения, в том числе и по совершенствованию отдельных сторон правового регулирования, вполне укладываются в рамки диалектико-материалистического подхода.

Прежде чем попытаться дать оценку наиболее важных конкретных положений, необходимо отметить следующее. Первое: автор обстоятельно исследует фактический, нормативный и литературный материал, не ограничиваясь отбором необходимых ему фактов и сведений, подтверждающих позицию, не оставляя без внимания положения, не укладывающиеся в систему его взглядов. Второе: М. В. Воронин умело и грамотно ведет научную дискуссию, демонстрируя доброжелательность, стремление максимально сохранить позитивное содержание анализируемых работ даже в случае несогласия с позицией оппонента. Все это говорит о научной добросовестности – ценном качестве у молодого исследователя.

Из положений первой главы книги необходимо особо отметить вполне обоснованное предложение о необходимости использования нового понятия «системное правовое образование» как объединения норм права в пределах системы права (отрасль права, подотрасль права, институт, субинститут). Он находит ему место в правовой системе как системе правовых явлений, правосистемных образований (с. 25–26). Несколько усложненная терминология не сразу дает возможность уловить мысль автора, но, по сути, он прав. Тем более, что в сравнении с первой своей публикацией на эту тему сделан серьезный шаг к уточнению позиции по поводу содержания указанного понятия [2, с. 8–13].

Из положений, содержащихся во второй главе книги, посвященной характеристике базовых оснований системности права, необходимо отметить вывод об общественных отношениях как основании системности права и положение об особой роли экономической сферы (с. 54–56). Опираясь на классическое исследование проф. В. М. Сырых, М. В. Воро-

нин справедливо отмечает необходимость системного рассмотрения всех общественных отношений, прибегая к знаниям целого комплекса общественных наук (с. 56).

Характеризуя государственную волю и правовую политику как факторы системности права, автор монографии справедливо пишет о том, что они отражают функциональную взаимосвязь права и государства (с. 87–91). Вывод этот обстоятельно аргументирован подробным анализом системы функций государства и функций права и взаимодействием данных систем (с. 65–77). Оно, по мнению автора, определяет содержание, государственной воли и правовой политики как факторов системности права (с. 78–86).

Рассмотрение принципов права как специально-юридического основания системности права привело М. В. Воронина к ряду выводов, которые, несомненно, заслуживают внимания. Так, следует согласиться с положением о том, что принципы права в их системном единстве играют системообразующую роль в отношении права, «являются особым основанием системности, имеющим правовую природу» (с. 93, 119). Этому выводу предшествует в книге подробный анализ различных подходов к системе принципов права, их содержания и взаимодействия. Автор убедителен в выводах, когда, например, пишет о реализации принципов права на всех стадиях правового регулирования, об особой их роли как правотворчестве (с. 101), о формировании новых специализированных системных образований (с. 103), воздействии принципов на юридическую практику (с. 109) и др.

Заключительная глава книги содержит анализ отдельных проявлений системности права, в частности влияния системности при структурировании норм права, на видовое многообразие норм права и на взаимодействие внутригосударственного и международного права.

Анализируя проблему структуры нормы права, автор книги, безусловно, прав, связывая ее с системностью права (с. 122). В связи с этим он справедливо рассматривает норму как микросистему в рамках многоуровневой системы права, как разновидность социальной нормы. Отстаивая так называемый классический («трехэлементный») подход к структуре правовой нормы, М. В. Воронин приводит в обоснование своей позиции ряд новых аргументов, используя, в частности, работы А. В. Полякова, Б. В. Шейндлина, что отсутствовало в более ранней его публикации по данной проблеме [3, с. 14–23].

И все-таки спор нельзя считать окончательным, а проблему решенной. Сочувственно цитируя С. С. Алексеева, сторонника двухэле-

ментной структуры нормы-предписания, о том, что сведение структуры нормы к трехчленной схеме обедняет наши представления о праве (с. 126), М. В. Воронин, в конечном счете, склоняется именно к этой позиции. Имена оппонентов (Н. М. Коркунов, А. А. Ушаков, А. Ф. Черданцев) упомянуты в книге, но их позиции не проанализированы. Очевидно, следовало указать, что в параграфе речь шла все-таки только о так называемой логической норме права.

В книге подробно проанализировано видообразное многообразие норм права как проявление системности права. Автор попытался охарактеризовать внешнее проявление системности права в различных видах юридических норм. К достоинству данного параграфа можно отнести достаточно обстоятельную и убедительную критику позиции об отказе от деления норм права по отраслям (с. 137–142). Разумеется, не все аргументы в пользу отстаиваемой позиции приведены, не все доводы оппонентов опровергнуты (а кое в чем они, возможно и правы), но позиция М. В. Воронина в этом вопросе достаточно убедительна.

Справедливы суждения автора и в отношении характеристики специальных норм, существование и природа которых также связаны с проявлением системности права (с. 143–145). Обстоятельной является характеристика так называемых специализированных норм (нормы-принципы, нормы-дефиниции, презумпции, фикции и др.) как проявлений системности в праве (с. 146–147). Опираясь на выводы известного специалиста в этой области проф. О. А. Кузнецовой, автор делает вывод о том, что юридическое оформление специализированных норм в современных условиях выступает своего рода гарантией стабилизации системности права (с. 147). С этим нельзя не согласиться.

Рассматривая вопросы взаимосвязей международного и внутригосударственного права, М. В. Воронин делает вполне справедливый вывод о том, что к общесоциальным предпосылкам системности международного и внутригосударственного права вполне можно отнести глобализацию, необходимость согласования государственной воли разных государств, единый подход к проблеме прав человека (с. 163). Автор выделяет две модели системных связей международного и внутригосударственного права: 1) модель, характерную для связи международного публичного и внутригосударственного права; 2) модель, присущую связи международного частного и внутригосударственного права. Такой подход позволил ему раскрыть основные проявления системности права во взаимодействии его международной и государственной ипостаси.

Завершая характеристику взаимодействия международного и внутригосударственного права, М. В. Воронин справедливо отмечает, что усиление этого взаимодействия способствует прогрессу, стабильности в отношениях стран (с. 170–175). На это обстоятельство указывают и другие авторы [1, с. 92–97].

Общая весьма позитивная оценка книги М. В. Воронина не означает, что в ней отсутствуют какие-либо недостатки. Как и в любом серьезном исследовании, в книге встречаются суждения малоубедительные, а отдельные – весьма спорные. Но сначала одно суждение общего характера. Если в целом книга написана грамотным языком (надо отдать должное редактору В. А. Пономаревой), то в отдельных фрагментах имеют место излишняя загруженность терминологией общей теории систем, усложненность стиля. Автор в ряде случаев использует термины неизвестные и не употребляемые в общей теории права («траектория движения социальной материи» – с. 32, «перезагрузка отношений» – с. 33 и др.). За этими словами, скорее всего, нет строгих научных понятий. Это допустимо в публицистике, поскольку представляет собой «область языковой практики», как называют подобные словесные изыски Н. И. Матузов, но в научных изданиях нежелательно.

Есть известные сомнения относительно всех выводов автора при анализе видообразного многообразия норм права как проявления его системности. Если, например, деление норм по отраслям и выделение специальных и специализированных норм автором достаточно убедительно связывается с системностью права, то системное обоснование необходимости рассмотрения деления на нормы обязывающие, запрещающие и управомочивающие, императивные и диспозитивные (с. 149) связано, прежде всего, с использованием различных приемов юридической техники. Возникает вопрос: может быть, системность проявляется в этом случае уже после решения законодателя, носит вторичный характер?

Спорным представляется предложение о необходимости анализа структуры отдельного принципа права. Автор пишет, что это – «определенные элементы и сеть связей», а элементы – «совокупность вытекающих из него требований» (с. 99). Но если принцип – это идея (с. 98, 99), т. е. суждение, мысль, то структура суждения может рассматриваться с точки зрения либо формальной логики (субъект и предикат), либо грамматики (подлежащее, сказуемое, дополнение). Другой структуры у суждения быть не может. Разумеется, то явление, которое М. В. Воронин и другие авторы именуют струк-

турой принципа, имеет место. Но, вероятно, для его характеристики нужны другие понятия. Специфическую структуру принцип приобретает, когда он оформляется в вид специальной правовой нормы (презумпции, фикции и др.). Об этом достаточно убедительно писала О. А. Кузнецова [4; 5], работы которой хорошо известны автору исследования.

В книге встречаются положения в принципе верные, правильные, но требующие дополнительных пояснений и уточнений. Так, автор пишет о том, что «воля», «сознание», присущие человеку, проявляются и в деятельности коллективных субъектов (с. 46). С этим нельзя не согласиться. Но проявляются они специфически, не напрямую, а иногда и вовсе не проявляются. Например, ряд теорий вины коллективных субъектов не связывает ее с эмоциональными аспектами членов коллектива. Требует дополнительных пояснений утверждение, что государственная воля является общим для многих социальных регуляторов, таких как мораль, традиции, обычаи, религиозные нормы и другие, основанием их системности (с. 66). Скорее всего, государственная воля не может являться непосредственно основанием системности социальных регуляторов, ее влияние, возможно, носит опосредованный характер.

Выводы

Исследование М. В. Воронина – первая книга молодого автора. Она, несомненно, удалась, поскольку является законченным, логически и концептуально обоснованным исследованием. В ней содержатся теоретические положения, которые представляют собой существенный вклад в развитие теории правовой системы.

Библиографический список

1. Васильев В. В. Стабильность частногоправового регулирования как общепризнанный принцип международного права и принцип гражданского права Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 92–97.
2. Воронин М. В. Развитие правосистемных образований как проявление динамики права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1(15). С. 8–13.

3. Воронин М. В. Структура норм права как проявление системности права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 4(18). С. 14–23.
4. Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.
5. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.

References

1. Vasilyev V. V. *Stabil'nost chastnopravovogo regulirovaniya kak obshchepriznannyy printsip mezhdunarodnogo prava i printsip grazhdanskogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The Stability of Private Law Regulation as a Generally Accepted Principle of the International Law and the Principle of Civil Law in the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 3(25). Pp. 92–97. (In Russ.).
2. Voronin M. V. *Razvitie pravosistemnykh obrazovaniy kak proyavlenie dinamiki prava* [Development of Lawful Systems Formations as a Manifestation of Law Dynamics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 1(15). Pp. 8–13. (In Russ.).
3. Voronin M. V. *Struktura norm prava kak proyavlenie sistemnosti prava* [The Law Structure as a Manifestation of Systemic Nature of Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 4(18). Pp. 14–23. (In Russ.).
4. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannyye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: dis. ... d-ra. jurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 430 p. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Normy-principy rossiyskogo grazhdanskogo prava* [Norms-principles of the Russian Civil Law]. Moscow, 2006. 269 p. (In Russ.).

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Аристов Е. В. Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 149–157. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157.

Aristov E. V. Obshchestvennye blaga: kontseptsia i konstitutsionno-pravovaya kharakteristika [Social Welfare: Concept and Constitutional Legal Characteristics]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 149–157. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157.

УДК 330.123.1:342

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА: КОНЦЕПЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Е. В. Аристов

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-2445-3840**ResercherID:** D-2713-2016

e-mail: znakomyi72@mail.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению содержания научной дискуссии об объеме понятия общественного блага как части содержания конституционно-правового принципа легитимности государства. **Цель:** исследовать различные доктринальные подходы к определению понятия общественного блага в его непосредственной связи с категорией социального государства, установить его виды и основные параметры. **Методы:** в методологическую базу исследования положены всеобщий диалектический метод познания, а также совокупность общенаучных методов: системность, анализ и синтез, конкретизация. Основным частноправовым методом исследования выступил сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** выявлено отсутствие в научной литературе универсального и точного определения понятия общественного блага и объема данного блага. Определены виды общественных благ. Установлено объективное противоречие между общим благом и желанием индивидов делать вклад в его поддержание. Дана характеристика глобального общественного блага, которым могут пользоваться все государства и все слои населения. **Выводы:** к числу важнейших общественных благ следует отнести благополучие общества. Государство благосостояния само по себе является благом; благополучие как публичное благо предполагает признание неравенства возможностей в рамках рыночной экономики и необходимость государства проявлять инициативу в направлении обеспечения решения проблемы такого неравенства. При этом само государство может производить блага, не отвечающие признакам публичности. В то же время публичные блага могут создаваться частным сектором экономики.

Ключевые слова: общественное благо; публичное благо; социальность государства;
социальное государство; государство благосостояния; благополучие человека;
принцип легитимности государства

SOCIAL WELFARE: CONCEPT AND CONSTITUTIONAL LEGAL CHARACTERISTICS

E. V. Aristov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016
e-mail: znakomyi72@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the scientific discussion about the volume of the notion of social welfare as part of the state's constitutional legitimacy principle. **Purpose:** to research different doctrinal approaches to the definition of the social welfare notion in its direct connection with the category of the social state, to define its types and principal parameters of existence. **Methods:** the methodological framework of the research is based on the universal dialectical method of scientific cognition and a complex of general scientific methods (systematicity, analysis and synthesis, concretization). The basic specific legal method of research is the comparative law analysis. **Results:** it has been revealed that there is no universal and precise definition of the social welfare notion in scientific literature. The volume of this notion is also unclear. The types of social welfare have been defined. The article reveals an objective contradiction between the common welfare and the will of individuals to contribute to its maintenance. It also gives a characteristic of the global social welfare, which can be used by all states and all segments of population. **Conclusions:** welfare of the society is one of the most important social benefits. A state of welfare is welfare itself; welfare as a public benefit means acknowledgement of the capability gap within the framework of the market-driven economy and the necessity for the state to show initiative in solving the issues of such a gap. At the same time, the state itself can produce benefits that do not comply with the publicity characteristics, and public benefits can be produced by the private sector of economy.

Keywords: social welfare; public welfare; sociality of the state; social state; state of welfare; human welfare; state legitimacy principle

Введение

Проблема анализа общественных благ была поставлена шведским экономистом Кнутом Викселлем в 1896 году [31], получила развитие в работе шведского экономиста Эрика Роберта Линдаля 1919 года [17]. Затем были работы американского экономиста Пола Энтони Самуэльсона [25, p. 387–389; 26, p. 35–56; 27, p. 154]. Все они внесли весомый вклад в понимание социальности государства (государства благосостояния). Их непререкаемый авторитет в мировой экономике свидетельствует о значимости парадигмы социального государства (государства благосостояния), важности понятия общественных благ в экономике. Присуждение Нобелевской премии по экономике в 1970 г. Полу Энтони Самуэльсону, одним из предметов непреходящего внимания которого (как он сам заявлял) на протяжении ряда лет была «экономика благосостояния» [1, с. 200], подтвердило высокую степень значения этих вопросов для экономики, права и государства.

Присуждение в октябре 2015 г. Нобелевской премии по экономике шотландскому экономисту Энгусу Дитону «за его анализ потребления, бедности и благосостояния» вновь «пржектором» высветило и артикулировало одну из наиболее актуальных проблем современности – социальность государства как краеугольный камень построения и функционирования современного правового демократического государства. Научные изыскания Энгуса Дитона [7, p. 234; 8, p. 125–167; 9, p. 46–51; 10, p. 89–99] выстроены вокруг его научных концептов и конструкторов, парадигмально интерпретирующих и фундаментально описывающих вопросы и проблемы благополучия, бедности, социальности и экономического развития.

Исследуя содержание понятия общего блага, в первую очередь необходимо обратиться к применяемой терминологии.

В научной литературе в отношении данного понятия используются такие термины, как «общее благо» (*common good*), «публичное благо» или «общественное благо» (*public*

good). Как правило, исследователями они используются в качестве тождественных, либо весьма схожих. Так, например, Амитай Этциони указывает, что «общее благо также называют “публичным интересом” или “публичным благом”» [13, р. 1].

Некоторыми исследователями понятие публичного блага используется в несколько (но не критично) более широком смысле, чем понятие общего блага.

Например, Эрик Андре Андерсен и Биргит Линдснэс указывают, что публичные блага включают в себя «общие блага» – блага, которые рыночная экономика не в состоянии закупать или поддерживать, но которые все равно являются желанными для большинства населения [3, р. 30–41].

Мы будем использовать данные термины в качестве синонимичных.

История развития концепции общего блага

Вообще, понятие общего блага было разработано более двух тысяч лет назад в трудах Платона, Аристотеля, Цицерона [30, р. 3].

Обсуждение концепции общего блага в общественной и политической жизни впервые встречаем в труде Платона «Государство», что породило множественные дискуссии о том, что именно входит в данное понятие, которые имеют место и в настоящее время. Некоторые исследователи интерпретируют указанный труд Платона как настаивающий на понятии общего блага как комплексе содержательных истин и принципов. Такой подход в некоторой степени контрастирует с подходом к толкованию данной концепции Аристотеля, который рассматривал как входящие в понятие общего блага добродетель, справедливость и материальное благосостояние [22, р. 13].

В католической религиозной традиции, которая имеет долгую историю стремления к определению и содействию общему благу, общее благо определяется как сумма таких условий общественной жизни, которые позволяют социальным группам и их отдельным членам иметь доступ к своей самореализации. Таким образом, как утверждают Мануэль Веласкез, Клэр Андре, Томас Шэнкс и Майкл Дж. Мейер, общее благо в первую очередь включает в себя социальные системы и институты, которые функционируют на благо всему населению, такие как, к примеру, доступная и недорогая система здравоохранения, эффективная система общественной безопасности. Указанные системы оказывают существенное воздействие на благосостояние членов общества [30, р. 13].

В настоящее время концепция и теория общего блага получила существенное развитие как с экономической, так и с политической и правовой точек зрения и приобретает все большее значение.

Побывав концепцией, имеющей комплексное и важное значение для установления мира и безопасности, термин «публичное благо» появился в теории экономики в середине 1950-х гг., что позволило вывести его основное понимание из философского и исторического контекста [4, р. 29–52].

Необходимо учитывать, что концепция общего блага со временем претерпела значительные изменения, так как данная концепция, как и любая другая, распространенная в определенную эпоху, отражает реалии и политические особенности соответствующего исторического периода [20, р. 13].

Если говорить о вкладе конкретных ученых в развитие данной концепции в контексте именно социальности государства, в том числе конституционно-правового принципа социальности государства, то стоит отметить американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике, Пола Энтони Самуэльсона [4, р. 29–52].

Инге Кауль указывает, что понятие общего блага не слишком часто фигурирует в политических дискуссиях, как следствие этого, и понятие общего блага уделяется несущественное внимание, в том числе и в конституционном праве. Однако проблемы, возникающие на мировом уровне, привлекают все большее внимание к данной концепции [20, р. 14].

В настоящее время апеллирование к концепции общего блага имеет место в дискуссиях относительно социальной ответственности бизнеса, проблем, связанных с уровнем загрязненности окружающей среды, вопросов инвестирования в образование, а также в дискуссиях о проблемах преступности и бедности, зачастую в контексте утверждения о том, что наиболее фундаментальные социальные проблемы происходят из слишком широкого преследования только личных интересов [30, р. 7].

Предоставление публичных благ и услуг является неотъемлемым элементом деятельности государства. При этом вне зависимости от того, насколько эффективно по различным иным показателям органы публичной власти реализуют свою деятельность в части принятия решений, бюджетного планирования, сбора информации, по мнению Л. Цай, ее нельзя считать в полной мере результативной, если она не приводит к обеспечению каких-либо общественных благ для населения. Государство обя-

зано осуществлять обеспечение своего населения надлежащего качества транспортной инфраструктурой, чистой водой, национальной обороной и иными благами, которые самостоятельно население произвести не в силах [29, р. 5].

С практической точки зрения обеспечение публичных благ играет важную роль в обеспечении и поддержании соответствующего качества жизни населения государства. В политическом смысле то, каким образом государство предоставляет публичные блага и предоставляет ли, влияет на развитие государственных учреждений и на легитимность государства в целом. Так, существует точка зрения, согласно которой только эффективное обеспечение публичных благ и услуг в состоянии придать легитимность государству. Те государства, которые извлекают ресурсы из своего населения, не обеспечивая его необходимыми благами, вынуждены применять силу в процессе осуществления публичного управления, и даже в этом случае затруднительным является создание стабильных институтов [29, р. 6].

Как отмечает Ховард Шварц, публичное благо может рассматриваться и как «конечная цель управления» и как концепция, которая регулирует и структурирует право. Кроме того, понятие публичного блага отличается, однако в некоторой степени пересекается с понятием индивидуальных прав и свобод. Так, законные институты государственной власти стремятся и заботятся об обеспечении публичного блага и, следовательно, расширяют публичное благо посредством переопределения и ограничения личных свобод [28, р. 2].

В контексте того, что благополучие человека формируется в результате получения пользы от общественных благ, государственная политика может подрывать благополучие населения, а не способствовать ему, если не в состоянии признавать значимость обеспечения общественных благ, и формируется и реализуется без учета необходимости их обеспечения [11, р. 7].

Посредством обеспечения публичных благ государство имеет возможность, реализуя государственную политику по расходованию бюджетных средств и налогообложению, оказывать влияние на распределение частных ресурсов и социальное благосостояние. Многие общие публичные блага, такие как инфраструктура, образование, закон, порядок, играют двойную роль в оказании влияния на частную экономическую деятельность, одновременно воздействуя на благосостояние и производительность экономики [5, р. 1].

Общественные блага в государстве благосостояния

Первым экономистом, предложившим теорию публичных благ в контексте государства благосостояния, был П. Э. Самуэльсон, по мнению которого государство несет ответственность за достижение национального общественного блага, поскольку на государство возложена обязанность по обеспечению благосостояния своих граждан. Согласно данной теории, государство имеет в своем распоряжении широкий и надлежащим образом организованный механизм государственного управления и обеспечение публичных благ финансируется за счет налогообложения. Кроме того, государство в состоянии предсказывать то, какие блага желают потреблять граждане [4, р. 30].

В контексте определения понятия общего блага в государстве благосостояния представляет интерес точка зрения ряда исследователей, согласно которой государство благосостояния само по себе представляет благо. Имеют место, однако, дискуссии относительно того, публичное это благо или частное, по той причине, что такие блага в государстве благосостояния, как здравоохранение или социальное обеспечение, не обладают важной характеристикой неисключительного характера их потребления и ряд лиц вполне может быть отстранен от их потребления [24, р. 2].

О конкретных общественных благах

Как отмечает Эльмар Альтфатер, к публичному благу можно относить совершенно разнородные явления: например, сохранение природных условий жизни (чистый воздух, вода, биологическое разнообразие, государственную, социальную и человеческую безопасность), культурное наследие, обеспечение средств к существованию (образование, здравоохранение), а также предоставление и сохранение материальной инфраструктуры (транспортные маршруты, телекоммуникации и т. д.) и нематериальная система норм и институтов (финансовая система) [2, р. 2].

Ряд публичных благ определяется как фактически права или свободы человека, такие как, к примеру, свобода от дискриминации, право на труд, здоровье, образование и информацию. Кроме того, как публичное благо могут рассматриваться надлежащее управление, мир, стабильность, торговля, информационные технологии и даже реализованный принцип верховенства закона и свобода от коррупции [18, р. 53–67].

При этом теория общественного блага все же не предусматривает защиты интересов каждого человека. А обеспечение прав человека

является юридически обязательным для государства, в отличие от предоставления публичных благ [16, р. 73].

Публичные блага являются также выражением нематериальных ценностей, имеющих этическое и гуманное значение, таких как, например, права человека [3, р. 32].

Как отмечает Организация Объединенных Наций по промышленному развитию, некоторые категории публичных благ тесно связаны с целями развития тысячелетия и к таким благам относятся окружающая среда, здоровье, знание, безопасность и управление. Три блага из указанных (окружающая среда, здоровье и безопасность) связаны, в основном, с выгодами от снижения рисков. Два, знание и управление, требуют увеличения и развития соответствующих возможностей [21, р. 1].

Отдельно представляется интересным остановиться на таких общественных благах, как социальная справедливость и благополучие населения.

В послевоенный период возросла значимость социальной справедливости и благополучия населения в качестве общественного блага, так как высокий уровень безработицы и отсутствие эффективных систем поддержки населения достаточно широко воспринимались как социально, экономически и политически нецелесообразные явления, а также из-за того, что было признано, что международные экономические вопросы не могут рассматриваться в отрыве от внутренних социальных изменений [23, р. 1].

Понимание социального благополучия как публичного блага порождено стремлением найти решение проблем, связанных с социальными и экономическими потрясениями, вызванными Великой депрессией и неспособностью мировых лидеров достигнуть прочного мира после Первой мировой войны. В частности, на необходимость обеспечения благосостояния было указано в Атлантической хартии от 1941 г. [23, р. 2].

Государственная политика, направленная на распределение ресурсов, и социальная справедливость начали рассматриваться в качестве международных общественных благ, для достижения которых государство должно надлежащим образом обеспечивать безопасность, демократию и создавать возможности для своих граждан [23, р. 2].

Понимание благополучия как публичного блага предполагает признание неравенства возможностей в рамках рыночной экономики и необходимость государства проявлять инициативу

в обеспечении решения проблемы такого неравенства [23, р. 3].

Такие публичные блага, как равенство и социальная справедливость, не могут быть получены отдельными индивидуальными потребителями посредством использования механизмов рыночной экономики. Кроме того, указанные блага совместно играют важную инструментальную роль в обеспечении других публичных благ [23, р. 4].

Рассмотрение общественного благополучия в качестве общественного блага оказывает влияние на реализуемую для обеспечения такого благополучия государственную политику следующим образом:

- во-первых, так создается основа для переосмысления социального конфликта, а также происходит институционализация демократического социального договора в качестве основы для принятия решений;

- во-вторых, это приводит к координации и интеграции экономических, социальных и экологических стратегий (поскольку устойчивый экономический рост и социальное развитие не могут быть достигнуты с помощью только отраслевых мер и решений);

- в-третьих, это позволяет создать систему мер для индексации «социального здоровья» нации [23, р. 7–8].

Концепция общественного блага с экономической точки зрения

Само существование общественных благ и способ их обеспечения, по мнению Сэмьюэла Коголати, Линды Хэмид и Нильса Ванстаппена, демонстрируют неспособность функционирования в определенных ситуациях рыночных механизмов. В частности, обеспечение таких благ и услуг не может быть попросту оставлено на «невидимую руку свободного рынка» и для предоставления таких благ всему населению является необходимым применение принудительных властных мер. Таким образом, для финансирования и распределения публичных благ необходимо вмешательство государства [6, р. 5].

Эрика Андре Андерсен и Биргит Линдснэс отмечают, что в отношении публичных благ вообще не существует рынка как такового, поскольку потребителями выступает широкая общественность, т. е. все население в целом [4, р. 30]. При этом, по мнению Эрика Андре Андерсен и Биргит Линдснэс, обеспечение публичных благ является необходимым дополнением к свободной рыночной экономике [3, р. 38].

Инге Кауль отмечает, что публичные блага (такие как правовые нормы и доступ к определенной информации) также необходимы и для того, чтобы рынок мог должным образом функционировать [20, р. 14].

Понятие и ключевые характеристики глобального общественного блага

Концепция общественного блага получила не так давно глобальное измерение. Исследователи определяют глобальное общественное благо как универсальное в том смысле, что им могут пользоваться представители всех государств, групп населения и поколений [11, р. 6].

Концепция глобальных публичных благ основывается на неоклассической экономической теории национальных публичных благ [6, р. 5].

Глобальные общественные блага имеют следующие основные характеристики:

- польза таких благ распространяется более чем на одну группу стран;
- такие блага охватывают не только широкий спектр государств, но и широкий спектр всего населения мира;
- при потреблении таких благ не дискриминируется какая-либо группа населения или поколение, настоящее или будущее [11, р. 6].

Инге Кауль, Изабелль Грунберг и Марк Штерн предложили следующую типологию глобальных общественных благ:

- природное всеобщее достояние (например, озоновый слой и климатическая стабильность);
- всеобщее достояние, созданное человеком (например, научные и практические знания, принципы и нормы, культурное наследие);
- результаты глобальной политики (такие как мир и финансовая стабильность) [19, р. 5].

Как и другие общественные блага, глобальные общественные блага различаются по степени «общественности» своего характера. Исключительно общественное глобальное благо имеет поистине универсальный характер, и к таким благам могут относиться некоторые аспекты природной среды, такие как, например, солнечный свет или климат, в котором возможно проживание человеческих существ [11, р. 7].

Инге Кауль, Изабелль Грунберг и Марк Штерн также выделяют конечные и промежуточные глобальные общественные блага следующим образом:

- конечные общественные блага являются, по мнению данных исследователей, по сути, скорее результатами, чем «благом» в стандартном смысле этого слова, они могут быть материальными (например, общее наследие человечества) и нематериальными (к примеру, финансовая стабильность);

– промежуточные глобальные общественные блага, такие как, например, международные режимы, содействуют обеспечению конечных глобальных общественных благ [19, р. 13].

Проблемы и спорные моменты, связанные с практическим применением современной концепции общего блага

Мануэль Веласкез, Клэр Андре, Томас Шэнкс и Майкл Дж. Мейер выявили ряд основных препятствий к эффективной реализации концепции общественного блага на практике. Так, как отмечают данные исследователи, зачастую может иметь место ситуация, когда индивиды, пользующиеся общим благом, отказываются делать свой вклад в его поддержку (так называемая в научной литературе «проблема безбилетника»), а с критическим увеличением количества таких индивидов общее благо может быть вовсе уничтожено [30, р. 18].

Кроме того, в настоящее время серьезное значение придается личной свободе индивидов, обеспечению защиты их личных права, *их конституционному закреплению и обеспечению реализации* и может быть затруднительным обеспечение того, чтобы отдельные индивиды жертвовали своими интересами ради достижения общего блага [30, р. 18].

Говоря о проблемах реального применения концепции публичного блага, Рэндэлл Холкомб указывает, что блага, обладающие основными характеристиками публичных, могут производиться в небольшом количестве в частном секторе или же могут не производиться вовсе, следуя общепринятому мнению о том, что экономическая эффективность требует того, чтобы государство заставляло население вносить вклад в производство публичных благ, а затем позволяло всем гражданам его потреблять [15, р. 1].

Рэндэлл Холкомб называет следующие две основные проблемы практического применения теории публичного блага в качестве обоснования соответствующей деятельности государства:

- многие публичные блага могут успешно производиться частным сектором, так что в производстве этих благ государством может не быть настоящей необходимости;
- многие из тех благ, что производятся правительством, не соответствуют определению публичных благ [15, р. 1].

Заключение

Предоставление публичных благ является ключевым элементом качества жизни и экологической устойчивости. Недостаточность обеспечения такого рода благ, в том числе путем

закрепления в конституциях, может оказывать влияние на перспективы экономического и политического развития государства, создавать угрозу для глобальной экономической стабильности, мира и процветания. Поэтому механизмы эффективного предоставления публичных благ должны быть в центре любой стратегии, направленной на искоренение нищеты [21, p. 1].

Кроме того, концепция общественного блага уже достаточно долгое время является центральной концепцией общественной экономики [11, p. 4].

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, согласно которой публичные блага могут служить повышению либо уровня благосостояния населения, либо производительности экономики (однако не тому и другому одновременно) [5, p. 1].

Теория публичного блага также, по мнению Биргит Линдснэс, является прекрасным аналитическим инструментом для определения того, каким образом лучше всего распределять ресурсы (политические, экономические, юридические, духовные) среди населения [16, p. 73].

Библиографический список

1. Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // Thesis. 1993. № 1. С. 184–202.
2. Altvater E. What Happens When Public Goods are Privatised? Berlin, 2007. 38 p. URL: http://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/wemgehoertdiwelt/altvater_0312.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
3. Andersen E. A., Lindsnaes B. Introduction // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. 51 p.
4. Andersen E. A., Lindsnaes B. Public Goods: Concept, Definition, and Method // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 29–52.
5. Chatterjee S., Ghosh S. Public Goods, Congestion and Fiscal Policy: Do Consumption-Based Instruments Matter? London, 2009. 25 p. URL: https://www.brunel.ac.uk/data/assets/pdf_file/0019/82090/0907.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
6. Cogolati S., Hamid L., Vanstappen N. Global Public Goods and Democracy: What Role for International Law? Leuven, 2015. 22 p.
7. Deaton A., Muellbauer J. Economics and Consumer Behavior. Cambridge, 1980. 450 p.
8. Deaton A. Models and Projections of Demand in Post-war Britain. Cambridge, 1975. 261 p.
9. Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. Baltimore, 1997. 479 p.
10. Deaton A. Understanding Consumption. Oxford, 1992. 242 p.
11. Deneulin S., Townsend N. Public Goods, Global Public Goods and the Common Good. ESRC Research Group on Wellbeing in Developing Countries. 2006. 28 p. URL: <http://www.welldev.org.uk/research/workingpaperpdf/wed18.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).
12. Essays in The Theory and Measurement of Nconsumer Behavior; ed. by A. Deaton. Cambridge, 1981. 344 p.
13. Etzioni A. Common Good. The Encyclopedia of Political Thought, First Edition; ed. by T. Michael, M. T. Gibbons. New York, 2015. 28 p.
14. Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century (Questions and answers); ed. by I. Kaul, New York, 1999. 17 p. URL: <http://web.undp.org/globalpublicgoods/Q-A/qa.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).
15. Holcombe R. G. A Theory of the Theory of Public Goods // Review of Austrian Economics. 1997. Vol. 10. Issue 1. Pp. 1–22.
16. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How can global public goods be advanced from a human rights perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.
17. Lindahl E. Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Lund, 1919. 134 p.
18. Lindholt L., Lindsnaes B. On Human Rights // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 53–70.
19. Kaul I., Grunberg I., Stern M. A. Defining Global Public Goods // Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century; ed. by I. Kaul, I. Grunberg, M. A. Stern. Oxford, 1999. Pp. 2–19.
20. Kaul I. Public Goods: a Positive Analysis // Advancing Public Goods; ed. by J. P. Touffut. Cheltenham. 2006. Pp. 13–39.
21. Public Goods for Economic Development. Berlin, 2005. 198 p.
22. Pusser B. Reconsidering Higher Education and the Public Good: The Role of Public Spheres // Governance and the Public Good; ed. by William G. Tierney. 2006. Pp. 11–27.
23. Rioux M., Zubrow E. Social Disability and the Public Good // Toronto, 2001. 42 p. URL: http://www.yorku.ca/drache/talks/pdf/apd_rioux_zubrowfinal.pdf (дата обращения: 01.03.2016).

24. Rothstein B. The Universal Welfare State as a Social Dilemma. Sweden, 1998. 23 p. URL: http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/Rothstein_B_o_The_Universal_Welfare_State_as_a_Social_Dilemma.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
25. Samuelson P.A. The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economic Statistics. 1954. Vol. 36. Pp. 387–389.
26. Samuelson P. A. Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure // Review of Economic Statistics. London, 1955. Vol. 37. Pp. 35–56.
27. Samuelson P. A. Pure Theory of Public Expenditure and Taxation // Public Economics; ed. by J. Margolis and H. Guitton. New York, 1969.
28. Schwartz H. I. Liberty Is Not Freedom To Do What You Like: How Notions of Public Good Constrain Liberty In John Locke and the Early Liberty Tradition. New York, 2004. 32 p. URL: <http://www.howardischwartz.com/wp-content/uploads/2015/03/LibertyIsNotFreedom.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).
29. Tsai L.L. Accountability Without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p.
30. Velasquez M., Andre C., Shanks T., Meyer M. J. The Common Good. 1996. Issues in Ethics. Vol. 1. Issue 1. URL: <http://www.scu.edu/ethics/practicing/decision/commongood.html> (дата обращения: 01.03.2016).
31. Wiksell K. Finanztheoretische Untersuchungen. Jena, 1896.
6. Cogolati S., Hamid L., Vanstappen N. Global Public Goods and Democracy: What Role for International Law? Leuven, 2015. 22 p. (In Eng.).
7. Deaton A., Muellbauer J. Economics and Consumer Behavior. Cambridge, 1980. 450 p. (In Eng.).
8. Deaton A. Models and Projections of Demand in Post-war Britain. Cambridge, 1975. 261 p. (In Eng.).
9. Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. Baltimore, 1997. 479 p. (In Eng.).
10. Deaton A. Understanding Consumption. Oxford, 1992. 242 p. (In Eng.).
11. Deneulin S., Townsend N. Public Goods, Global Public Goods and the Common Good. ESRC Research Group on Wellbeing in Developing Countries. 2006. 28 p. Available at: <http://www.welldev.org.uk/research/workingpaperpdf/wed18.pdf> (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
12. Essays in the Theory and Measurement of Consumer Behaviour; ed. by A. Deaton. Cambridge, 1981. 344 p. (In Eng.).
13. Etzioni A. Common Good. The Encyclopedia of Political Thought, First Edition; ed. by Michael T. Gibbons M.T. New York, 2015. 28 p. (In Eng.).
14. Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century (Questions and answers); ed. by I. Kaul, I. New York, 1999. 17 p. Available at: <http://web.undp.org/globalpublicgoods/Q-A/qa.pdf> (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
15. Holcombe R.G. A Theory of the Theory of Public Goods. Review of Austrian Economics. 1997. Vol. 10. Issue 1. Pp. 1–22. (In Eng.).
16. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How can global public goods be advanced from a human rights perspective?). Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E.A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).
17. Lindahl E. Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Lund. 1919. (In Ger.).
18. Lindholt L., Lindsnaes B. On Human Rights. Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 53–70. (In Eng.).
19. Kaul I., Grunberg I., Stern M.A. Defining Global Public Goods. Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century; ed. by I. Kaul, I. Grunberg, M. A. Stern. Oxford, 1999. Pp. 2–19. (In Eng.).
20. Kaul I. Public Goods: a Positive Analysis. Advancing Public Goods; ed. by J. P. Touffut. Cheltenham, 2006. Pp. 13–39. (In Eng.).
21. Public Goods for Economic Development. Berlin, 2005. 198 p. (In Eng.).

References

1. Paul A. Samuelson. Maximum Principle in Analytical Economics. Thesis. 1993. № 1. Pp. 184–202 (In Russ.).
2. Altvater E. What Happens When Public Goods are Privatized? Berlin, 2007. 38 p. Available at: http://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/wemgehoertdiewelt/altvater_0312.pdf (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
3. Andersen E. A., Lindsnaes B. Introduction. Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. 51 p. (In Eng.).
4. Andersen E. A., Lindsnaes B. Public Goods: Concept, Definition, and Method. Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 29–52. (In Eng.).
5. Chatterjee S., Ghosh S. Public Goods, Congestion, and Fiscal Policy: Do Consumption-Based Instruments Matter? London, 2009. 25 p. Available at: https://www.brunel.ac.uk/data/assets/pdf_file/0019/82090/0907.pdf (accessed 01.03.2016). (In Eng.).

22. *Pusser B.* Reconsidering Higher Education and the Public Good: The Role of Public Spheres. *Governance and the public good*; ed. by William G. Tierney. 2006. Pp. 11–27. (In Eng.).
23. *Rioux M., Zubrow E.* Social Disability and the Public Good. Toronto, 2001. 42 p. Available at: http://www.yorku.ca/drache/talks/pdf/apd_riouxzubrowfinal.pdf (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
24. *Rothstein B.* The Universal Welfare State as a Social Dilemma. Sweden, 1998. 23 p. (In Eng.). Available at: http://archives.cerium.ca/IMG/pdf/Rothstein_Bo-The_Universal_Welfare_State_as_a_Social_Dilemma.pdf (accessed: 01.03.2016).
25. *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure. *Review of Economic Statistics*. London, 1954. Vol. 36. Pp. 387–389. (In Eng.).
26. *Samuelson P.A.* Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure. *Review of Economic Statistics*. London, 1955. Vol. 37. Pp. 35–56. (In Eng.).
27. *Samuelson P. A.* Pure Theory of Public Expenditure and Taxation. *Public Economics*; ed. by J. Margolis and H. Guitton. New York, 1969. (In Eng.).
28. *Schwartz H.I.* Liberty Is Not Freedom To Do What You Like: How Notions of Public Good Constrain Liberty In John Locke and the Early Liberty Tradition. New York, 2004. 32 p. Available at: <http://www.howardischwartz.com/wp-content/uploads/2015/03/LibertyIsNotFreedom.pdf> (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
29. *Tsai L.L.* Accountability Without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
30. *Velasquez M., Andre C., Shanks T., Meyer M. J.* The Common Good. 1996. Issues in Ethics. Vol. 1. Issue 1. Available at: <http://www.scu.edu/ethics/practicing/decision/commongood.html> (accessed 01.03.2016). (In Eng.).
31. *Wiksell K.* Finanztheoretische Untersuchungen. Jena, 1896. (In Ger.).

ОТОЗВАНА / RETRACTED 01.09.2017

Информация для цитирования:

Широбоков С. А. Конституционное право граждан на обращение в системе правового регулирования взаимодействия граждан и органов государственной власти и управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 158–164. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-158-164.

Shirobokov S. A. *Konstitutsionnoe pravo grazhdan na obrashchenie v sisteme pravovogo regulirovaniya vzaimodeystviya grazhdan i organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya* [Constitutional Rights of Citizens to Appeal within the Legal and Regulatory Regime for Interaction between Citizens and Public Control and Administration Authorities]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 158–164. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-158-164.

УДК 342.736 + 342.722.32

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-158-164

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ**

С. А. Широбоков

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-7933-473X**ResearcherID:** E-7942-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s6p169

e-mail: shirobokovsa@gmail.com

Введение: в статье раскрывается особое значение, которое придается взаимодействию граждан и органов государственной власти и управления в части конституционного права граждан на обращение, а также новационным и инновационным направлениям развития правового регулирования конституционного права граждан на обращение. **Цель:** обосновать положение о том, что качественная определенность конституционного права на обращение обусловлена характером его связей с множеством других правовых явлений. Право на обращение является универсальным и основным как категория инструментальной подсистемы в системе прав. В связи с этим вне данной категории права практически нельзя реализовать свои права и свободы гражданину государства. **Методы:** в качестве методологической основы использована система философских знаний, на базе которых формулируются основные критерии требований к научным теориям, к изучению явлений общественной жизни и возможностей индивида. Методологией статьи служит общенаучный диалектический метод познания, включающий частнонаучные методы: системно-структурный, метод правового планирования, конкретно-социологический, технико-юридический, метод сравнительного анализа. **Выводы:** реализация конституционного права граждан на обращение требует постоянного внимания со стороны органов государственной власти и управления. Высокий уровень эффективности правового регулирования реализации конституционного права на обращение достигается только в результате научного обоснования и предположения. Обращения граждан в рамках участия в управлении делами государства является универсальной юридической категорией. С помощью права граждан на обращение реализуются практически все правовые категории правового статуса личности в государстве.

Ключевые слова: конституционное право граждан на обращение; развитие правового регулирования; процедуры рассмотрения обращений граждан; участие граждан в управлении делами государства; повышение степени доверия со стороны граждан к деятельности органов государства и должностных лиц; законодательство права на обращения граждан

CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO APPEAL WITHIN THE LEGAL AND REGULATORY REGIME FOR INTERACTION BETWEEN CITIZENS AND PUBLIC CONTROL AND ADMINISTRATION AUTHORITIES

S. A. Shirobokov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-7933-473X

ResearcherID: E-7942-2016

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s6p169

e-mail: shirobokovsa@gmail.com

Introduction: the article deals with the special meaning given to the interaction between citizens and public control and administration authorities in terms of citizens' constitutional right to appeal, as well as to innovative directions of the development of legal regulation of the constitutional right to appeal. **Purpose:** to substantiate the point that qualitative certainty of the constitutional right to appeal is determined by its links with many other legal phenomena. The right to appeal is a universal and fundamental one as a category of a tool subsystem within the legal system. Thus, it is impossible for a citizen to exercise their rights and freedoms beyond this category. **Methods:** as a methodological framework, a system of philosophical knowledge is used, according to which the author formulates the main criteria for requirements to scientific theories, to the study of the social life phenomenon and to individual opportunities. The methodology is based on the general scientific dialectical method of cognition, which includes the following specific scientific methods: the system structural approach, legal planning method, sociological, technical legal methods, and comparative analysis methods. **Conclusions:** the implementation of the citizens' constitutional right to appeal requires constant attention on the part of public control and administration authorities. The high efficiency level in the legal regulation of the right under study can only be achieved as a result of scientific justification and assumptions. Appeals of citizens as part of their participation in the state affairs is a universal legal category. Almost all legal categories of the legal status of an individual in the state are realized due to the citizens' right to appeal.

Keywords: constitutional right to appeal; development of legal regulation; procedures for consideration of citizens' appeals; participation of citizens in managing the state affairs; increasing degree of citizens' confidence in the activities of state bodies and officials; legislation concerning citizens' right to appeal

Введение

Определяя место и роль права на обращение в системе конституционных прав граждан, необходимо обратить внимание на значение и ценность данной системы и положения ее элементов. Права и свободы граждан при всем их многообразии образуют не хаотичное множество, а системное явление, что позволяет выявить все многообразие связей конституционного права гражданина на обращение с другими правами и свободами и, таким образом, обосновать его универсальность в системе [8, с. 53].

Потребность определения системы взаимосвязи конституционного права граждан на обращение с взаимодействием граждан и органов государственной власти и управления

Для начала необходимо установить существующую зависимость между элементами права, провести анализ отдельных институтов

прав личности, категорий более общего порядка: политические права, личные, социальные, экономические и т. д. Особо отметим, что выделить закономерности конституционных прав гражданина вне его права на обращение практически невозможно. В этой связи правомерным является обращение к европейскому опыту, так как право на обращение закреплено во многих Конституциях европейских стран. Особого внимания заслуживают положения, содержащие анализ того, с какого уровня можно выстраивать систему, связанную с обращениями граждан, в каком порядке можно решить вопросы переустройства этой системы, какова в ней компетенция государства, территориальных органов власти, самого человека. Конституционные статьи различных государств о праве на обращение представляют собой, совсем неодинаковый, набор различных положений, но все они призваны обеспечить права человека и гражданина, независимо от какой категории

прав и свобод идет речь – будь то политическая, социальная или личностная сфера. Несомненно, что вопрос о месте и роли права на обращение в системе конституционных прав человека и гражданина в зарубежных странах представляет интерес и требует глубокого и вдумчивого изучения, но это предмет отдельного научного исследования [9, с. 89].

Вместе с тем вопрос конституционного закрепления права на обращение в Конституциях государств, в прошлом составлявших Союз Советских Социалистических Республик, заслуживает особого внимания, в том числе и с точки зрения предмета нашего исследования, так как определенная правовая система, в пространстве которой находились государства Союза, была воспринята и правовыми системами ставших самостоятельными государств.

Нормативно право граждан на обращение отражено: ст. 40 Конституции Украины; ст. 40 Конституции Беларуси; ст. 52 Конституции Молдовы; ст. 66 Конституции Азербайджана; ст. 33 Конституции Казахстана; ст. 35 Конституции Узбекистана; ст. 31 Конституции Таджикистана. Отсутствие права на обращение в Конституциях других государств Содружества можно объяснить не столько отсутствием объективных предпосылок, сколько тем фактом, что официальное формулирование статей происходит по-разному, в зависимости от понимания их важности. Обратимся непосредственно к первоисточникам. Так, статья 31 Конституции Таджикистана гласит: «...Граждане имеют право лично или совместно с другими обращаться в государственные органы...» [4, с. 389]. В статье 52 Конституции Молдовы сказано: «...Граждане имеют право обращаться к властям с петициями только от своего имени... Законно созданные организации имеют право обращаться с петициями исключительно от имени коллективов, которые они представляют...» [4, с. 148]. Уточнение адресата обращений находим в ст. 33 п. 1 Конституции Казахстана: «...Граждане Республики Казахстан имеют право... обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [4, с. 288]. Определение адресата обращений, видов и установление сроков их рассмотрения содержатся в ст. 35 Конституции Узбекистана: «...Каждый имеет право как отдельно, так и совместно с другими лицами, обращаться с заявлениями, предложениями и жалобами в компетентные государственные органы, учреждения или к народным представителям. Заявления, предложения или жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом» [4, с. 324]. Порядок работы с обращениями опреде-

лен ст. 40 Конституции Украины: «...Все имеют право направлять индивидуальные или коллективные письменные обращения либо лично обращаться в органы государственной власти, органы местного самоуправления и к должностным и служебным лицам этих органов, которые обязаны рассмотреть обращение и дать обоснованный ответ в установленный законом срок» [4, с. 59–60]. Об этом же свидетельствует ст. 40 Конституции Беларуси: «...Каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы... Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивирован» [4, с. 107]. В статье 66 Конституции Азербайджана право на обращение предполагает и «... критику деятельности или работы государственных органов, их должностных лиц, политических партий, профессиональных союзов, иных общественных объединений, а также отдельных граждан. Преследование за критику запрещается. Оскорбления или клевета не могут считаться критикой» [4, с. 246].

На фоне указанных нами основных законодательных актов ряда стран Содружества ст. 33 Конституции Российской Федерации носит общий, декларативный характер: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления». По нашему мнению, конституционное закрепление права граждан на обращение в нашей стране не совсем полно отражает его объективную необходимость, не соответствует времени и не способствует дальнейшему развитию общения граждан с государством и его органами. В этой связи, считаем необходимым дополнить и расширить содержание ст. 33 Конституции Российской Федерации следующими положениями: «Государство гарантирует право граждан на объективное, всестороннее рассмотрение их обращений компетентным органом в установленный законом срок, привлечение к ответственности виновных лиц, чьи действия и решения стали причиной нарушения прав и свобод граждан, компенсацию причиненного ущерба»¹.

Особого внимания заслуживают конституционные законы, расширяющие, дополняющие, уточняющие положения статей Конституций. Например, закон Украины «Об обращениях

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 33. URL: <http://constitution.kremlin.ru> (дата обращения: 18.03.2016).

граждан»¹, одноименный закон Республики Беларусь² и аналогичный проект закона Российской Федерации «Об обращениях граждан».

Естественно, что данные нормативные акты отличают и юридическая техника, и политическая основа, и их отдельные положения. Вместе с тем их можно отнести к одной системе, так как их объединяют следующие принципиальные положения;

- эти законы имеют конституционную основу;
- имеют единый родовой предмет отношений – право граждан на обращение;
- дают видовые характеристики обращений;
- устанавливают требования к обращениям граждан;
- закрепляют запреты при обращении;
- устанавливают определенный порядок рассмотрения обращений;
- определяют ответственность за нарушение законодательства об обращениях граждан.

Системное определение положения права граждан на обращение в системе права Российской Федерации

Право гражданина на обращение зафиксировано в ст. 21 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.³ Право на обращение – естественное право общения гражданина с государством в лице его органов и организаций, возможность осознавать себя юридическим звеном правовой среды, в то же время это выражение обратной связи, которая раскрывает оценку государственной деятельности, потенциал гражданина совершенствовать существующую систему.

Закрепление права на обращение в Декларации с последующим отражением его в Конституции Российской Федерации – это соблюдение интересов и личности и государства. Право гражданина на обращение – это субъективное право человека на осуществление своих прав и свобод, охраняемых государством. Естественность права на обращение определено и потребностями, и личным интересом, и социальной свободой гражданина. Поэтому право на обращение можно определить как возможность чело-

века реализовать, исходя из личной заинтересованности, свои субъективные потребности и нужды в самых различных сферах его бытия. Государство обязано быть кровно заинтересованным в обеспечении достойного существования и свободного развития каждого человека. В этом направлении большую роль играют нормативно-правовые акты, которые имеют ограничения и по количеству, и по направлениям, но действенность каждого из них есть гарант нормального, цивилизованного развития общества в целом.

Рассматривая право на обращение как конституционное право, мы понимаем его и как конституционную свободу. «...Многочисленно доказано, что закрепленные в советском законодательстве юридические права и свободы граждан являются одной из форм выражения свободы...» [5, с. 35]. Но есть на этот счет и другая точка зрения, которая более широко подходит к этому вопросу: «...различия между основным правом и основной свободой обусловлены как историей их возникновения, сложившимися традициями, так и смысловой нагрузкой» [2, с. 135.]. И, наконец, мнение Е. А. Лукашевой, утверждающей, что «анализ конституционного законодательства показывает, что термин “свобода” призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного его результата» [6, с. 31].

Анализируя содержание института права на обращение гражданина необходимо обратить внимание на такие категории, как «обязанность» и «гарантия». Исследование положений главы II Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод, что практически невозможно применить какую-либо норму, не привлекая при этом право на обращение. В этом и заключается его универсальность. Закрепленные в Конституции права граждан на образование, охрану здоровья, судебную защиту и другие трудно себе представить вне обращения гражданина в соответствующие инстанции. Именно обращение гражданина является основанием для предоставления каких-либо прав и свобод, а также гарантий.

В качестве примера обратимся к п. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации, где сказано: «...Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства...» Это положение конкретизируется ч. 1 ст. 3 закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»: «...В целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином Российской Федерации прав и свобод, а

¹ Об обращениях граждан: закон Украины от 2 окт. 1996 г. // Ведомости Верхов. Рады Украины. 1996. Ст. 256.

² Об обращениях граждан: закон Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. // Ведомости Верхов. Совета Республики Беларусь. 1996. № 21, ст. 376.

³ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верхов. Совета РСФСР от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1 // Ведомости съезда народ. депутатов РСФСР и Верхов. Совета СССР. 1991. № 52, ст. 1865.

также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом, вводится регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»¹. Регистрационный учет граждан осуществляется на основании ч. 1 ст. 6 вышеуказанного Закона: «...Гражданин Российской Федерации, изменивший место жительства, обязан не позднее семи дней со дня прибытия на новое место жительства обратиться к должностному лицу, ответственному за регистрацию, с заявлением по установленной форме».

Через реализацию права на обращение осуществляется и такое важное для человека юридическое состояние, как гражданство. Так, пункт 1 статьи 37 закона Российской Федерации «О гражданстве российской Федерации» гласит: «...Заявления о регистрации и изменения гражданства подаются в органы внутренних дел Российской Федерации по месту жительства заявителя, а лицами, проживающими за пределами Российской Федерации, в соответствующие дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации». Согласно пункту 1 статьи 23 этого же Закона выход из гражданства Российской Федерации возможен «...по ходатайству гражданина в порядке, установленном настоящим Законом»².

Рассматривая положение ст. 33 Конституции Российской Федерации в структуре главы II «Права и свободы человека и гражданина», отмечаем ее связь со статьями 20, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 52, 53, 57, 59, 62, 63. Это позволяет утверждать, что конституционное право на обращение может быть реализовано и само по себе, и совместно с другими правами и свободами, закрепленными Основным Законом.

Объем и функциональность конституционного права на обращение

Объем и многофункциональность права на обращение можно рассмотреть в определенной системе: вопросы личного, политического, экономического, социального, экологического, культурного, духовного и иного характера. Некоторые авторы сужают эту систему до трех основных элементов, другие, наоборот, расши-

ряют ее, но будем придерживаться той позиции, согласно которой система состоит из блоков, внутри которых существуют множественные связи и проявления.

Одной из проблем, касающихся права гражданина на обращение, является вопрос о том, как необходимо его рассматривать: либо как нечто единое целое, как обращение вообще, либо дифференцировать его по видам. Другая сторона этого же вопроса – как расценивать право на обращение: как право политическое, личное или какое-либо другое?

Некоторые авторы ставят знак равенства между правом гражданина на обращение и наличием демократии в государстве: «...под формами демократии понимаются способы вовлечения граждан для решения общественно-значимых вопросов, оказания влияния на принятие органами государственной власти и местного самоуправления решений и внесения корректив в их работу в соответствии с интересами субъектов волеизъявления» [1, с. 34]. Есть и более категоричные суждения: «...конституционное право на обжалование является политическим правом советского гражданина» [3, с. 35]. И, наконец, положение, которое мы полностью разделяем и поддерживаем: «...право на жалобу, прежде всего, обеспечивает личный интерес гражданина в защите его нарушенного права (либо коллективов в отношении своих членов)» [7, с. 14]. Позволим себе обратиться к ст. 32 п. 1, 2 Конституции Российской Федерации. Если содержание обращения направлено на совершенствование государственного аппарата и органов самоуправления, то эта проблема находится в компетенции Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации или Федерального собрания. То же самое можно сказать и о праве на обжалование, обратившись к ст. 45, п. 1. 2; ст. 46, п. 1. 2. 3; ст. 52; ст. 53 Конституции Российской Федерации.

Законодатель, определяя и закрепляя естественные права индивида в ст. 33 Конституции Российской Федерации, предполагал, прежде всего, сам факт обращения. Но если рассматривать право на обращение с точки зрения реализации возможностей индивида, то это его личное, неотъемлемое право, связанное и с правами, и с его обязанностями. Существует такой аргумент, защищающий понимание права на обращение как политическое право, как адресность обращения. Но принятие обращения еще не означает его реализацию в пользу обращающегося. Мы рассматриваем право на обращение как личное право гражданина и по причине возникновения интереса, и по выбору способа его реализации. Да и практика указывает на то, что жалобы и заявления граждан практически ли-

¹ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 // Ведомости съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 32, ст. 1227.

² О гражданстве Российской Федерации от 28 нояб. 1991 г. № 1948-1 // Ведомости съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 6, ст. 243; 1993. № 29, ст. 1112.

шены какого-нибудь политического содержания и предполагают реализацию своих законных прав и свобод. Л. Д. Воеводин, рассматривая права, свободы и обязанности граждан в сфере государственной и политической жизни и деятельности, право на обращение в этой сфере вообще не рассматривает.

Теперь постараемся соотнести право на обращение с иными правами, которые принято включать в категорию личных прав, индивидуальных прав. Все многообразие личных прав отдельные авторы традиционно подразделяют на две основные группы: 1-я – личные права как единая совокупность взаимосвязанных компонентов; 2-я – личные права необходимо подразделять на подгруппы, в соответствии с их содержанием. Первая группа личных прав нам представляется более перспективной. Она может свести все различие личных прав к одному – праву каждого на жизнь. Если это положение расширить, то в действующей Конституции Российской Федерации можно выделить следующие виды: право на жизнь; достоинство личности; право на свободу и личную неприкосновенность; право на частную жизнь; неприкосновенность жилища; национальную принадлежность; свободу передвижения и места жительства; свободу совести и вероисповедания; свободу мысли и слова. К этому можно добавить принадлежность и неотчужденность прав с момента рождения, целесообразность прав с учетом прав и свобод других лиц, равенство прав и свобод личностей и т. д. Ряд авторов выделяют право на брак, защиту материнства, детства, семьи, а равно права и обязанности родителей и детей в отношении друг к другу. Данный перечень органично может быть пополнен и правом на обращение. Ведь если взять за основу связь права на обращение с основным правом – правом на жизнь, то жизнь зарождается в семье (частные варианты мы не рассматриваем). Но для того чтобы создать семью, мужчина и женщина обращаются в государственные органы с заявлением о признании и закреплении юридического факта – создания семьи. А если жизнь нового человека появляется вне семьи, то и тогда необходимо признать физичность рожденного через обращение в соответствующие органы. Если же индивиду грозит лишение своих прав и даже жизни, он будет вынужден действовать также через обращение (обращение в полицию, прошение на имя Президента о помиловании и т. д.). Перечислим основные признаки, присущие личным правам индивида:

- носят абсолютный и объективный характер;
- выражают определенную необходимость индивида;

- проявляют интерес индивида, связанный с его саморазвитием;

- используются только по желанию индивида;

- имеют повышенный уровень гарантии и защиту.

Все эти признаки можно соотнести с правом на обращение, что также позволяет отнести его к личным правам человека. Вместе с тем содержание права на обращение не лежит на поверхности, но именно оно составляет его сущность. Л. Д. Воеводин относит право на обращение не только к личным правам, но и к социально-экономическим, говоря о совокупности прав на обращение и частной собственности, которую рассматривает как системообразующую [2, с. 214.]. Право частной собственности вне связи с государством ни на одном из этапов (возникновение, пользование, передача пользования и т. д.) не может рассматриваться вне права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

В общем ряду основных прав и свобод гражданина право на обращение имеет специфические особенности:

- объективно принадлежит индивиду, выделяя его как гражданина;

- универсальное право на обращение может быть соотнесено с любой категорией других прав и свобод;

- универсальное право на обращение является юридическим инструментом реализации прав и свобод.

Право на обращение как конституционный принцип и как конституционная гарантия

Конституционное право на обращение можно понимать и как конституционный принцип, и как конституционную гарантию. Как конституционный принцип право на обращение рассматривается с двух разных точек: с точки зрения государства и с точки зрения индивида. С точки зрения государства этот принцип можно определить следующим образом:

- государство входит в отношения с гражданином только после того, как тот обратился к нему;

- государство рассматривает только те обращения, которые соответствуют государственным требованиям (по форме обращения);

- государство открыто определяет свою связь с гражданином через обращение к нему.

Право на обращение как конституционный принцип по отношению к индивиду можно сформулировать так:

- право на обращение – прерогатива индивида;

- вид обращения избирается самим гражданином по сути своего дела;

– обращение требует обязательного государственного реагирования.

Следовательно, как принцип конституционного права право на обращение с точки зрения индивида представляет собой основополагающее начало отношений между гражданином и государством, инициатором которых является гражданин. Но, по смыслу отдельных статей, оно выступает и как обязанность, и как гарантия реализации данной нормы.

Конституционное право на обращение как гарантия имеет определяющее значение. После обращения гражданина в органы государства включается механизм, призванный обеспечить его права, свободы, привилегии или их восстановление. Государство гарантирует обязательное реагирование на обращение гражданина. Для этого создаются специальные органы с широким кругом полномочий, которые либо сами удовлетворяют интерес индивида, либо имеют возможность воздействовать на другие организации в пользу разрешения, так или иначе, вопроса, инициировавшего обращение. Конституционное право на обращение можно рассматривать и как заранее заложенное условие реализации права на обращение со стороны государства, выраженное в создании системы, состоящей из органов и правовых средств, направленных на обеспечение интереса гражданина.

Результаты

Качественная определенность конституционного права на обращение обусловлена характером его связей с множеством других правовых явлений.

Право на обращение является универсальным и основным как категория инструментальной подсистемы в системе прав.

Выводы

Вне данной категории права гражданину государства практически невозможно реализовать свои права и свободы. Следовательно, правомерно рассматривать конституционное право на обращение как один из важнейших элементов системы взаимодействия гражданина и органов государственной власти и управления именно в силу его универсальности, которая помогает определить необходимые связи и закономерности данной системы.

Библиографический список

1. Алистратов Ю. Н. Право петиций в Российской Федерации. М.: Манускрипт, 1997. 92 с.
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М.: Норма, 1997. 304 с.
3. Карасева М. В. Конституционное право граждан СССР на обжалование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. 150 с.

4. Конституции стран – членов СНГ: сб. док. Ереван: Мхитар Гош, 1997. 440 с.
5. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М.: Юрид. лит., 1978. 208 с.
6. Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М.: Норма, 1996. 520 с.
7. Хаманева Н. Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М.: ИГП РАН, 1997. 216 с.
8. Ширококов С. А. Правовая мотивация взаимодействия граждан и государства в Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1(15). С. 53–60.
9. Ширококов С. А. Актуальные проблемы правового регулирования участия граждан в управлении делами государства в Российской Федерации. Пермь, 2014. 212 с.

References

1. Alistratov Yu. N. *Pravo petitsiy v Rossiyskoy Federatsii* [The Right to Petition in the Russian Federation]. Moscow, 1997. 92 p. (In Russ.).
2. Voevodin L. D. *Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii* [The Legal Status of the Individual in Russia]. Moscow, 1997. 304 p. (In Russ.).
3. Karaseva M. V. *Konstitutsionnoe pravo grazhdan SSSR na obzhalovanie* [Constitutional Right of Soviet Citizens to Appeal]. Voronezh, 1989. 150 p. (In Russ.).
4. *Konstitucii stran – chlenov SNG* [Constitutions of the CIS Member Countries]. Yerevan, 1997. 440 p. (In Russ.).
5. Kuchinskiy V. A. *Lichnost', svoboda, pravo* [Personality, Freedom, Right]. Moscow, 1978. 208 p. (In Russ.).
6. Lukasheva E. A. *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [The General Theory of Human Rights]. Moscow, 1996. 520 p. (In Russ.).
7. Khamaneva N. Yu. *Zashchita prav grazhdan v sfere ispolnitel'noy vlasti* [Citizens' Rights Protection in the Executive Branch]. Moscow, 1997. 216 p. (In Russ.).
8. Shirobokov S. A. *Pravovaya motivatsiya vzaimodeystviya grazhdan i gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Motivation of Interaction of Citizens and the State in the Course of Joint Development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 1(15). Pp. 53–60. (In Russ.).
9. Shirobokov S. A. *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii*: [Current Problems of Legal Regulation of Citizens' Participation in Managing State Affairs in the Russian Federation]. Perm, 2014. 212 p. (In Russ.).

III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Ананьева А. А. Целевая общность как основа построения системы договоров оперативного управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 165–174. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174.

Ananyeva A. A. Tselevaya obshchnost' kak osnova postroeniya sistemy dogovorov operativnogo upravleniya [Unity of Purposes as a Basis for the Formation of the System of Operative Management Contracts]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 165–174. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174.

УДК 347.463

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-165-174

**ЦЕЛЕВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ
СИСТЕМЫ ДОГОВОРОВ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ****А. А. Ананьева**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и международного частного права
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1

ORCID: 0000-0002-2018-9918**ResearcherID:** E-2364-2016

E-mail: annaslast@mail.ru

Введение: статья посвящена комплексному научно-практическому исследованию целевой общности, являющейся основой построения системы договоров оперативного управления. При этом система гражданско-правовых договоров оперативного управления рассмотрена с учетом многоуровневости данной системы, разделения ее на подсистемы, а также с учетом закономерностей целеобразования, присущих правовой системе в целом. **Цель:** определить, в чем заключается цель оперативного управления, так как это позволит уяснить, что является экономическим и юридическим результатом оказания услуг; смоделировать универсальную специальную конструкцию договора о передаче полномочий, отражающую его сущность. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** под целью оперативного управления, ориентированной на экономический результат, предложено понимать своевременное обеспечение согласованных с учетом потребностей и интересов учредителей управления значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени. Также обращается внимание на то, что договор о передаче полномочий и договор оперативного управления являются различными договорами: у каждого из них свой предмет и может быть неодинаковый субъектный состав. **Выводы:** система договоров оперативного управления имеет целевую направленность на регулирование общественных отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий (правомочий), переданных ему принципалом (ами), для обеспечения заданных значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени.

Ключевые слова: договор оперативного управления; оперативное управление; договор о передаче полномочий; управление; система; система договоров; целевая общность; целевая направленность

UNITY OF PURPOSES AS A BASIS FOR THE FORMATION OF THE SYSTEM OF OPERATIVE MANAGEMENT CONTRACTS

A. A. Ananyeva

Saratov State Academy of Law
1, Volskaya st., Saratov, 410056, Russia
ORCID: 0000-0002-2018-9918
ResearcherID: E-2364-2016
e-mail: annaslast@mail.ru

Introduction: the article is devoted to complex scientific and practical study of the unity of purposes, which is the basis for formation of the operative management contracts system. The system of operative management civil contracts is considered with regard to its multi-level structure, division into subsystems, as well as to the laws of goal formation in the legal system as a whole. **Purpose:** to determine the purpose of operative management, as this will allow one to understand the economic and legal result of providing services, to model a special universal design of the contract on delegation of authority, reflecting its essence. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectic logic; specific scientific methods (the legal dogmatic method and the method of legal norms interpretation). **Results:** it is proposed to understand the goal of operative management focused on economic results as timely provided values of parameters for the management object during a certain time, providing those values are agreed upon the needs and interests of the founders. The attention is drawn to the fact that the contract on delegation of authority and the contract of operative management are two separate contracts: each has its own subject matter and can have different contracting parties. **Conclusions:** the operative management contracts system is tailored to regulate public relations in providing services of timely implementation of the operator's authority given to them by the principal(s) in order to ensure the given values of parameters of the management object during a certain time.

Keywords: operative management; operative management contract; management; delegation of authority contract; system; system of contracts; unity of purposes; goal orientation

Введение

Несмотря на общность гражданско-правовых договоров оперативного управления, следует отметить, что они довольно разнообразны. Данное обстоятельство предполагает не только их единство, но и дифференциацию, что влечет за собой многоуровневость данной системы. Разделение системы на подсистемы, при котором исследование системы можно провести на основе исследования подсистем с учетом их влияния друг на друга и взаимодействия, происходит с применением метода декомпозиции (диакоптики) [12, с. 56]. Понятие «подсистема» подразумевает, что выделяется относительно независимая часть системы, обладающая свойствами системы и, в частности, имеющая подцель, на достижение которой ориентирована подсистема [3, с. 25]. Каждая подсистема может быть рассмотрена как самостоятельная система. Как отмечает Д. А. Керимов, правовое целое может выступать в виде части или подсистемы другой, более объемной системы, равно как и в границах своего органического единства рас-

членяться на внутренние подсистемы (или системы иного уровня) [7, с. 235]. Рассмотрим с этих позиций систему гражданско-правовых договоров оперативного управления.

Основной контент

Прежде всего обратим внимание на закономерности целеобразования (закономерности возникновения и формулирования целей, закономерности формирования структур целей). Правовые системы не бывают бесцельными. «Цель как философская категория лежит в основе исследования правовых явлений и процессов, детерминирует правотворчество, само право, законодательство и его реализацию, совершенствование и развитие правовой системы» [7, с. 270]. Это касается и системы договоров оперативного управления, которые в данном случае являются средствами достижения определенных целей и интересов участников договорных отношений. Б. И. Пугинский считает, что интерес определяет зону целей. Он может пониматься как форма проявления потребности, направленность на удовлетворение которой обеспечивает

ся через осознание и определение целей деятельности [11, с. 73].

Закономерность целеобразования не может быть оторвана от других закономерностей развития и функционирования системы. В частности, это касается закономерности эмерджентности, которая всегда обуславливает построение древа целей. Данная закономерность проявляется в том, что элемент, попадая в систему, утрачивает часть своих свойств и вынужден подчиняться целям системы, в то время как сама система не сводится к сумме свойств входящих в нее элементов и приобретает функции, которые каждый отдельный элемент выполнить не в состоянии. Свойство эмерджентности (целостности) систем позволяет выявить неочевидные цели. В. Н. Волкова обращает внимание на то, что, «если цель не задана в явном виде, а у отображаемого объекта наблюдаются целостные свойства, можно попытаться определить цель и выражение, связывающее цель со средствами ее достижения (целевую функцию), системообразующий критерий, путем изучения причин появления закономерности целостности» [4, с. 60].

Закономерность целеобразования взаимобусловлена с закономерностью иерархической упорядоченности систем. Цели одного уровня взаимосвязаны с целями другого уровня таким образом, что при изменении целей, расположенных на более высокой ступени системной иерархии, происходит изменение нижестоящих целей.

Д. А. Керимов отмечал, что «цель по необходимости реализуется в той или иной материально или духовно ощутимой форме, которая в итоге представляет собой результат реализации потребности» [7, с. 272]. Для определения цели исследуемой системы, необходимо выяснить, в чем заключается потребность субъектов в гражданско-правовых договорах. На наш взгляд, такая потребность выражается в необходимости правового регулирования общественных отношений, обладающих определенной спецификой. Между тем стоит отметить, что у самих гражданско-правовых договоров цели отсутствуют. Цель – категория субъективная и может быть только у субъектов, причем у каждой из сторон договора она своя [8, с. 42]. Договор же, будучи соглашением, является результатом согласования противоположных целей контрагентов, и характеризуется целевой направленностью. Поэтому далее при построении древа целей будем иметь в виду, что, на самом деле, речь идет об уровнях целевой направленности системы гражданско-правовых договоров. Слово «цель» вместо слова «направленность» будет использовано исключительно для соблюдения терминологии теории систем.

Итак, главной целью системы договоров оперативного управления является гражданско-правовое регулирование договорных отношений по оказанию услуг оперативного управления. Однако такое понимание цели является упрощенным, поскольку не раскрывает сущности оказываемых услуг, а также полностью не отражает экономического и юридического результатов. Поэтому следует более подробно остановиться на содержательном аспекте данной цели. Для этого следует понять, в чем заключается цель оперативного управления, так как это позволит уяснить, что является экономическим результатом оказания услуг. Кроме того, необходимо выявить юридический результат, на который направлена цель системы договоров оперативного управления.

При решении поставленных задач необходимо учитывать, что система договоров оперативного управления является открытой, а потому структурно и функционально связана с системами как более высокого уровня, так и с одноуровневыми системами. Одной из сфер оперативного управления, требующего внедоговорного гражданско-правового регулирования, является сфера банкротства. Система гражданско-правовых норм о несостоятельности (банкротстве) является одноуровневой по отношению к системе договоров оперативного управления. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений по оперативному управлению также находит отражение в вещном праве, а именно в гражданско-правовом институте оперативного управления [19]. Поэтому цели системы договоров оперативного управления должны соотноситься с целями других институтов, в том числе института оперативного управления в вещном праве, и учитывать юридический результат, на который они направлены.

Говоря об экономическом результате, следует отметить, что цель управления является составной частью процесса управления [15, с. 16]. «Можно сказать, что цель в управлении представляет собой идеальный образ (логическую модель) желаемого состояния субъекта или объекта управления, сформулированный на основе познания и учета их объективных закономерностей и организационных форм, потребностей и интересов» [1, с. 164]. Любое состояние характеризуется значениями параметров в определенный момент времени. Применительно к различным объектам оперативного управления набор параметров может быть разным. Например, Л. Ю. Михеева обоснованно отмечает, что доверительное управление имуществом может иметь своей целью не только извлечение доходов из этого имущества, но и увеличение

имущества или просто поддержание его в надлежащем состоянии [9, с. 12]. Следовательно, параметрами такого управления могут выступать размер полученных доходов, количество имущества, его качество. Данный вывод справедлив для всех договоров оперативного управления вещами.

Для договоров управления интеллектуальными правами в качестве основного параметра выступает размер полученных доходов. Основные управляемые параметры, характеризующие состояние такого управляемого объекта, как деятельность, зависят от ее существа. Так, для транспортной деятельности характерны такие параметры, как время и скорость доставки в пункт назначения. Целью оперативного управления транспортной деятельностью является обеспечение непрерывности, своевременности доставки грузов, пассажиров, багажа или транспортных средств в пункт назначения, а также согласованности действий участников транспортного процесса.

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать цель оперативного управления, ориентированную на экономический результат. Под ней следует понимать *своевременное обеспечение согласованных с учетом потребностей и интересов учредителей управления значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени*. Особое внимание нужно обратить на то, что одним из системообразующих моментов процесса выдвижения целей субъектом управления является знание потребностей и интересов тех, в чьих интересах происходит управление (объективация управления) [1, с. 166]. Цели управленческой деятельности не должны быть плодом оторванных от действительности фантазий транспортного оператора как субъекта управления. Его интересы и потребности должны признаваться вторичными по отношению к интересам тех участников транспортного процесса, поведением которых он управляет, а также по отношению к интересам и потребностям тех лиц, которые являются потребителями транспортных услуг (грузоотправителей, грузополучателей, пассажиров, владельцев буксируемых транспортных средств). Ориентация на интересы потребителя, учет и защита интересов слабой стороны договора, выравнивание юридического положения участников правоотношения, свойственны гражданско-правовому регулированию. Поэтому естественным выглядит вывод о приоритете интересов контрагентов субъекта управления.

Целевая направленность гражданско-правового договора должна быть ориентирована не только на экономический, но и на *юридический*

результат. Право оперативного управления представляет собой комплекс правовых возможностей. Правовая природа этих возможностей одинакова у системы гражданско-правовых договоров оперативного управления и иных гражданско-правовых институтов, регулирующих отношения оперативного управления, ввиду их целевой общности и системности. Поэтому вполне допустимо использовать те научные наработки и выводы цивилистов, относящиеся к несостоятельности (банкротству) и вещному праву оперативного управления, при исследовании системы договоров оперативного управления. Будем иметь это в виду при решении задачи определения юридических результатов, на которые ориентированы цели договоров оперативного управления.

Поскольку все договоры оперативного управления обладают общей направленностью, то следует обратить внимание на утверждение Ю. В. Романца, касающиеся договора доверительного управления. Автор отмечает, что нормы о данном договоре отражают именно направленность на оказание услуги по управлению имуществом. Далее он подчеркивает направленность договора доверительного управления имуществом на оказание услуг по осуществлению правомочий собственника в отношении договорного имущества в течение определенного срока в целях извлечения выгоды [13]. На наш взгляд, юридической предпосылкой оказания услуг по оперативному управлению является факт наделения субъекта управления правомочиями, в результате чего у последнего возникает правовая возможность совершения управляющих воздействий. Такая ситуация характерна для договоров оперативного управления имуществом либо интеллектуальными правами. В тех же случаях, когда договорами регулируется оперативное управление деятельностью, юридическая характеристика направленности гражданско-правовых договоров будет проявляться не в передаче субъекту управления правомочий, а в наделении его полномочиями.

Следует отметить, что в науке гражданского права высказаны два взаимоисключающих вывода о правовой природе полномочия. Одни ученые придерживаются мнения о том, что оно представляет собой субъективное право (О. А. Красавчиков) [17, с. 214], а другие категорически возражают против этого (см., например, [10, с. 76; 16, с. 34; 18, с. 107]). Ю. С. Харитонов предлагает считать полномочие секундарным правом [18, с. 154]. С этим выводом следует согласиться. Секундарное право – это возможность преобразовать субъективное право в конкретном правоотношении и, как следствие,

само правоотношение. В этом его отличие от гражданской правоспособности, которая представляет собой более абстрактные возможности по приобретению, осуществлению, обладанию и распоряжению правами вообще. Объектом секундарного права всегда является «единичное конкретное субъективное право» [18, с. 154]. Отсюда вывод о том, что секундарное право не может существовать в отрыве от субъективного гражданского права. Данное умозаключение важно для отражения специфики права оперативного управления в гражданском праве. На эту особенность обращает внимание В. Ф. Яковлев применительно к правовым возможностям, заложенным в нормах об ограниченных вещных правах. Автор подчеркивает: «Право оперативного управления не является коренным, оно строится как вторичное, производное от права собственности и по своему содержанию, по заключенным в нем правовым возможностям значительно уже права собственности» [19]. Таким образом, ***полномочие (правомочие) оператора, как субъекта управления, всегда производно от правоспособности лица, передающего полномочия (принципала).***

В этой связи важно отметить, что принципал является полноценным участником данного процесса наряду с субъектом управления. Это проявляется в гражданско-правовой природе властных полномочий оператора. В. Ф. Яковлев отмечает: «Следующее отличие выражается в том, что если право собственности осуществляется его субъектом “своей властью”, по “своему усмотрению”, то *право оперативного управления осуществляется не только властью его субъекта, но и властью собственника* (выделено нами. – А. А.). Государство как собственник, наделяя свои предприятия правом оперативного управления имуществом, определяет в нормативном порядке рамки правовой свободы по управлению имуществом, которым предприятие располагает» [19]. Подобное утверждение легко проецируется на порядок осуществления права оперативного управления, основанного на гражданско-правовом договоре. Лицо, передающее полномочие по договору, при согласовании договорных условий участвует в определении рамок правовой свободы оператора по оперативному управлению. Поэтому правомерным представляется вывод о том, что ***в гражданском праве границы властных полномочий субъекта оперативного управления всегда производны от воли лица, передающего полномочия.***

Подтверждает данные выводы о передаче властных полномочий и результат анализа совокупности норм права о несостоятельности

(банкротстве), которая является внешней системой более высокого уровня по отношению к системе договоров оперативного управления. Е. Г. Дорохина, обращая внимание на то, что управление в экономической сфере приобрело комплексный характер, отмечает, что с развитием рынка отношения управления, которые до недавнего времени регулировались административным правом, стали неотъемлемым спутником экономических (имущественных) отношений. По мнению автора, банкротство объективно нуждается в управляющем воздействии со стороны кредиторов и иных участников банкротства [5, с. 43]. Иная позиция высказана Конституционным Судом РФ в многочисленных своих постановлениях. В частности, отмечается: «Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 июля 2002 г. № 14-П по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций”, пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, процедуры банкротства носят публично-правовой характер, они предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством, а потому, вследствие невозможности выработки единого мнения иным образом, воля сторон формируется по другим, отличным от искового производства, принципам»¹.

Более убедительно, на наш взгляд, особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова, который обоснованно утверждает, что институт несостоятельности (банкротства) относится к отрасли частного (гражданского) права не только в силу доктрины и давней традиции, но, прежде всего, потому, что, по сути, является феноменом рыночной экономики, лежит в сфере хозяйственно-предпринимательской деятельности и связан с удовлетворением имущественных интересов и требований кредиторов как субъектов гражданского оборота. По справедливому замечанию судьи, нет никаких оснований утверждать, что «и арбитражный управляющий обладает какими-либо административными или иными государственно-властными полномочиями, и приписывать ему публично-правовой статус. Непонятно, почему Конституционный Суд полагает, что обязанности арбитражного управляющего, оп-

¹ По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева»: постановление Конституц. Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 335.

ределенные, в частности, пунктами 4 и 6 статьи 24 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», – принимать меры по защите имущества должника, анализировать его финансовое состояние, действовать добросовестно и разумно и т. д., – носят публично-правовой характер. Очевидно, это не так. Все эти требования прямо вытекают из Гражданского кодекса Российской Федерации».

Спорное, на наш взгляд, мнение по данному поводу высказывает М. А. Егорова. Она пишет: «Однако обязательность исполнения решений арбитражного управляющего иными лицами совершенно не означает того, что ему “делегированы” властные полномочия и он приобретает статус публично-правового субъекта, ибо его решения сами по себе являются результатом исполнения предписанных арбитражному управляющему обязанностей» [6, с. 15]. С одной стороны, можно согласиться с тем, что арбитражный управляющий не приобретает статуса публично правового субъекта. С другой стороны, это вовсе не означает, что ему не передаются властные полномочия. Если говорить о публично-властных полномочиях, то можно согласиться с позицией М. А. Егоровой. Иное дело, когда речь идет о передаче властных полномочий, основанных на частном праве.

Арбитражный управляющий осуществляет власть в отношении имущества должника [20, р. 12–13], поскольку обладает полномочиями, что «свидетельствует о властном характере деятельности соответствующего субъекта» [2, с. 79]. При этом отношения между должником и арбитражным управляющим являются имущественными, а само имущество в собственность арбитражному управляющему не поступает. Арбитражный управляющий наделяется возможностью совершать юридические действия от имени должника. Вопрос о том, каким образом это происходит, в данном случае не имеет значения, важен сам факт наделения полномочиями, производными от субъективных прав собственника имущества. Особо акцентируем внимание на том, что полномочия производны не от требований закона, т. е. не от обязанностей арбитражного управляющего, указанных в нормах права, а на субъективном праве должника, имеющем вещно-правовую природу. Поэтому форму гражданско-правовой связи между должником и арбитражным управляющим можно назвать секундарным правом. Тот факт, что наделение полномочиями производится на основании судебного акта, имеющего публично-правовую природу, не влияет на квалификацию складывающихся гражданских правоотношений.

Анализ норм права о несостоятельности и банкротстве и об ограниченном вещном праве оперативного управления, как о системах более высокого уровня по отношению к системе договоров оперативного управления, позволил выявить общую правовую природу полномочий учредителя управления. Однако для выявления особенностей механизма передачи полномочий управляющему на основе гражданско-правового договора этого явно недостаточно, поскольку применительно к указанным правовым институтам основаниями для наделения полномочиями являлись в одном случае решение собрания плюс судебный акт, а во втором, – решение собственника (государства).

Для выяснения *механизма передачи и реализации полномочий* на договорной основе следует определить: субъекты, участвующие в передаче полномочий; способ и объект передачи, структуру договорных связей и этапы механизма.

Субъектами, участвующими в передаче полномочий, являются лицо, передающее полномочие (принципал) и субъект управления (приобретатель). В зависимости от предполагаемого объекта оперативного управления в качестве лица, передающего полномочия, могут выступать различные субъекты права. Так, если речь идет о передаче полномочий исполнительного органа юридического лица, то в качестве принципала выступает юридическое лицо. Если полномочия передаются для управления залогом, то их передают кредиторы по обязательству, обеспечиваемому залогом. Доверительному управляющему полномочия передает собственник имущества. Передача полномочий по управлению авторскими правами осуществляется автором. Транспортному оператору полномочия передают те лица, деятельность которых подлежит управлению. К числу таковых применительно к различным схемам оперативного управления могут относиться перевозчики, владельцы транспортных инфраструктур, операторы подвижного состава, владельцы терминалов для хранения грузов и т. п.

В качестве объекта передачи выступает полномочие, имеющее правовую форму секундарного права. В качестве способа передачи полномочия – выступает гражданско-правовой договор о передаче полномочий.

Переходя к описанию структуры договорных связей, следует сделать важный, на наш взгляд, вывод о том, что *договор о передаче полномочий и договор оперативного управления являются различными договорами*, у которых отличные друг от друга предметы и может быть неодинаковый субъектный состав. Структура правоотношений, возникающих из этих догово-

ров, также различается. Например, договор оперативного управления смешанными перевозками грузов заключается между грузоотправителем и транспортным оператором, в качестве которого может выступать транспортный экспедитор. Предметом этого договора являются услуги оперативного управления перевозкой. Однако, для того, чтобы оператору выполнить свои обязанности по этому договору, требуется наделение его полномочиями по осуществлению управленческой деятельности. Для этого оператором заключаются договоры о передаче полномочий с субъектами, которых он привлекает к исполнению своих обязанностей (перевозчиками, владельцами транспортной инфраструктуры и т. п.). Предметом этого договора является передача полномочий. Таким образом, структура договорных связей является двухуровневой: первый уровень – договоры о передаче полномочий, второй уровень – договоры оперативного управления.

Вместе с тем не исключено заключение смешанного договора, включающего элементы как договора оперативного управления, так и договора о передаче полномочий. Примером могут служить договоры перевозчиков с операторами путей сообщения. В рамках таких смешанных договоров передаются полномочия транспортному оператору, на основании которых он осуществляет услуги оперативного управления движением.

К сожалению, в гражданском законодательстве отсутствует определение договора о передаче полномочий, что не мешает заключать такие соглашения на практике. Вместе с тем полагаем, что необходимо смоделировать универсальную специальную конструкцию договора о передаче полномочий, отражающую его сущность. При этом следует исходить из того, что переданное полномочие, с одной стороны, создает новые возможности для его приобретателя, а с другой – не порождает никакой субъективной обязанности у передающего его лица. Хотя в литературе и предпринимаются попытки обосновать наличие субъективной обязанности у представляемого и на этом основании объявить полномочие субъективной обязанностью, они явно несостоятельны. Во-первых, передача полномочий отнюдь не ограничивается случаями представительства, а к иным случаям приводимая аргументация неприменима. Во-вторых, субъективные обязанности представляемого (например, принятие исполненного по сделкам) корреспондируют не правомочиям, а субъективным правам, которые возникают в результате реализации этих правомочий. К тому же если признать данную позицию верной, то придется

согласиться с тем, что представляемым передается не полномочие, а субъективное право. Но для этого необходимо, чтобы представляемый таким правом обладал на момент передачи, а это не так.

Подчеркнем, что когда мы говорим об отсутствии у принципала обязанностей, то это относится к случаю, когда договор уже исполнен, а полномочие передано. До этого момента у должника существует обязанность передать полномочие. Если такое полномочие передается на безвозмездной основе, то **договор о передаче полномочий** будет являться односторонним, т. е.: *одна сторона (приобретатель) имеет право требовать передачи полномочий в согласованном объеме, а другая сторона (принципал) обязана передать полномочия.*

Подводя итог размышлениям о направленности системы договоров оперативного управления на юридический результат, напомним, что в случаях оперативного управления имуществом принципал может передавать правомочия, а не полномочия. Поэтому следует отметить, что секундарные права отличаются не только от правомочий, входящих в состав правоспособности, но и от правомочий, являющихся элементами субъективного гражданского права. Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: **осуществление переданных оператору полномочий представляет собой юридический результат, на который направлены договоры оперативного управления деятельностью.**

Заключение

Общность полномочий и правомочий проявляется в тех юридических возможностях, которыми гражданское право наделяет их обладателей. Исходя из этого и учитывая экономический и юридический результаты, можно сделать вывод, что система договоров оперативного управления имеет целевую направленность *на регулирование общественных отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий (правомочий), переданных ему принципалом (ами), в целях обеспечения заданных значений параметров объекта управления в течение определенного момента времени.*

Так выглядит главная цель исследуемой нами системы. Главную цель системы договоров оперативного управления (обозначим ее номером 1) отражает специальная договорная конструкция оперативного управления.

Главная цель может быть декомпозирована в зависимости от объекта управления. На этом основании можно выделить три цели более уз-

кого уровня: 1.1 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором правомочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *вещей* в целях обеспечения заданных значений размера полученных доходов, количества имущества, его качества; 1.2 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором правомочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *интеллектуальных прав* в целях обеспечения заданных значений размера полученных доходов; 1.3 – регулирование отношений по оказанию услуг своевременного осуществления оператором властных полномочий, переданных ему принципалом (ами), в отношении *деятельности* в целях недопущения ее отклонения от согласованных параметров.

При декомпозиции первых двух из названных подцелей выделяется только один уровень подчиненных целей, а при декомпозиции третьей подцели выделяются еще две ступени целевой классификации. Итак, в подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления (1.1) входят цели, направленные на регулирование отношений по оказанию следующих услуг: доверительного управления имуществом (1.1.1); управления залогом (1.1.2). В подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления интеллектуальными правами (1.2), входят юридические конструкции договоров о передаче интеллектуальных прав в управление (1.2.1).

В подгруппу целей, направленных на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью (1.3.) входит две подгруппы: 1.3.1 – цели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления по передаче вещей, выполнению работ и оказанию услуг; 1.3.2 – цели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью корпораций. Подгруппа целей (1.3.1) подразделяется на следующие подцели, направленные на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью по: 1.3.1.1 – передаче вещей; 1.3.1.2 – выполнению работ; 1.3.1.3 – оказанию услуг. Подгруппа целей (1.3.2) не декомпозируется и направлена на регулирование отношений по оказанию услуг оперативного управления деятельностью о передаче полномочий единичного исполнительного органа.

В заключение хотелось бы отметить, что договоры, направленные на оперативное управление, в настоящее время относятся к различ-

ным правовым институтам и даже к различным подотраслям гражданского права. По крайней мере, данный вывод следует из анализа структуры гражданского кодекса РФ. Однако, как мы видим, это вовсе не означает, что такие договоры бессистемны.

Библиографический список

1. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2004. 584 с.
2. *Белых В. С.* Правовые основы банкротства юридических лиц: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. 80 с.
3. *Богданов Е. В.* Правовое положение арбитражного (судебного) управляющего // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 8. С. 74–80.
4. *Волкова В. Н., Денисов А. А.* Теория систем: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 511 с.
5. *Дорохина Е. Г.* Регулирование отношений управления в системе банкротства // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом».* 2010. № 3. С. 43–47.
6. *Егорова М. А.* Обязательное саморегулирование как институт частного права // *Предпринимательское право.* 2014. № 4. С. 10–17.
7. *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 521 с.
8. *Колодуб Г. В.* Проблема соотношения правовых категорий (явлений) «исполнение гражданско-правовой обязанности», «исполнение гражданско-правового обязательства» и «исполнение договора» // *Юрист.* 2013. № 24. С. 38–43.
9. *Михеева Л. Ю.* Доверительное управление имуществом. М.: Юрист, 1999. 176 с.
10. *Нерсесов Н. О.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве // *Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве.* М.: Типолит. И. И. Смирнова, 1998. 191 с.
11. *Пугинский Б. И.* Теория и практика договорного регулирования. М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. 224 с.
12. *Разумов О. С., Благодатских В. А.* Системные знания: концепция, методология, практика. М.: Финансы и статистика, 2006. 400 с.
13. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 496 с.
14. *Рясенцев В. А.* Представительство в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. 265 с.

15. Салиева Р. Н. Государственное управление отношениями недропользования в Российской Федерации // Энергетическое право. 2014. № 2. С. 16–19.
16. Скловский К. И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // Хозяйство и право. 2004. № 11. С. 99–112.
17. Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1972. 56 с.
18. Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2011. 304 с.
19. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. М.: Статут, 2012. Т. 2, кн. 1. 976 с.
20. Breuer W. Das neue Insolvenzrecht. Munchen, 1998. 324 p.
21. Bridge M. Personal Property Law. London, 1993. 152 p.
22. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability // World Applied Sciences Journal. 2013. Issue 24(1). Pp. 31–34. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
23. Herbots J. Contract Law in Belgium. Deventer; Boston, 1995. 181 p.
24. Lehrbuch des Schuldrechts. Vol. 1. Allgemeiner Teil. Munchen, 1959. 440 p.
25. Marianne M. Jennings. Business: Its Legal, Ethical and Global Environment. Cengage Learning, 2010. 684 p.
26. Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G. The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction. Oxford, 1997. 487 p.
27. Marsh P. D. V. Comparative Contract Law. England, France, Germany, Hampshire, 1996. 331 p.
28. Pescatore Gustav. Die sogenannte alternative Obligation. Marb, 1880. 280 p.
29. Petersen L. L., Orgaard N. Danish Insolvency Law. Copenhagen, 1996. 94 p.
30. Principles of European Contract Law. Part I and II; ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, Boston, 2000. 83 p.
31. Recht Des Bürgerlichen Gesetzbuches – Allgemeiner Teil. Sammlung Göschen, Berlin, 1920. 150 p.
32. Samuel G., Rinkes J. The English law of obligations in comparative context. Nijmegen, 1991. 177 p.
33. Towards a European Civil Code; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hondius, C. E. du Perron, B. M. Vranken. Nijmegen, Dordrecht, Boston, London, 1994. 345 p.
34. Zakharkina A. V. Facultative Obligation Construction // World Applied Sciences Journal. 2014. 30 (10). Pp. 1214–1217. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.10.14149.
35. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Deventer, Boston, 1992. 246 p.
36. Wang Y. L., Wallace S. W., Shen B., Choi T. M. Service supply chain management: A review of operational models // European Journal of Operational Research. 2015. Issue 3. Pp. 685–698. DOI: 10.1016/j.ejor.2015.05.053.

References

1. Atamanchuk G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. Kurs lektsiy* [Theory of Public Administration. Course of Lectures]. Moscow, 2004. 584 p. (In Russ.).
2. Belykh V. S. *Pravovye osnovy bankrotstva yuridicheskikh lits: ucheb. posobie*. [Legal Framework for the Bankruptcy of Legal Entities: Textbook]. Ekaterinburg, 1996. 80 p. (In Russ.).
3. Bogdanov E. V. *Pravovoe polozhenie arbitrazhnogo (sudebnogo) upravlyayushchego* [The Legal Status of Arbitral (Judicial) Trustee]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2014. Issue 8. Pp. 74–80. (In Russ.).
4. Volkova V. N., Denisov A. A. *Teoriya sistem: ucheb. posobie* [Systems Theory: Textbook]. Moscow, 2006. 511 p. (In Russ.).
5. Egorova M. A. *Obyazatel'noe samoregulirovanie kak institut chastnogo prava* [Compulsory Self-Regulation as the Institution of Private Law]. *Predprinimatel'skoe pravo* – Business Law. 2014. Issue 4. Pp. 10–17. (In Russ.).
6. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Legal Philosophy]. Moscow, 2008. 521 p. (In Russ.).
7. Kolodub G. V. *Problema sootnosheniya pravovykh kategoriy (yavleniy) «ispolnenie grazhdansko-pravovoy obyazannosti», «ispolnenie grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva» i «ispolnenie dogovora»* [The Problem of Correlation of Legal Categories (Phenomena) “Enforcement of Civil Obligations” and “Enforcement of Civil Liabilities” and “Enforcement of Contracts”]. *Yurist* – Jurist. 2013. Issue 24. Pp. 38–43. (In Russ.).
8. Mikheeva L. Yu. *Doveritel'noe upravlenie imushchestvom* [Trust Management of Property]. Moscow, 1999. 176 p. (In Russ.).
9. Nersesov N. O. *Ponyatie dobrovol'nogo predstavitel'stva v grazhdanskom prave* [Concept of Voluntary Representation in Civil Law]. *Izbrannye trudy po predstavitel'stvu i tsennym*

- bumagam v grazhdanskom prave* – Selected Works on Representation and Securities in Civil Law. Moscow, 1998. 191 p. (In Russ.).
10. Puginskiy B.I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [The Theory and Practice of Contract Management]. Moscow, 2008. 224 p. (In Russ.).
11. Razumov O.S., Blagodatskikh V.A. *Sistemnye znaniya: kontsepsiya, metodologiya, praktika* [Systematic Knowledge: Concept, Methodology, Practice]. Moscow, 2006. 400 p. (In Russ.).
12. Romanets Yu. V. *Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii. 2-e izd., pererab. i dop.* [The System of Contracts in Civil Law of Russia: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow, 2013. 496 p. (In Russ.).
13. Ryasentsev V. A. *Predstavitel'stvo v sovetskom grazhdanskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Representation in the Soviet Civil Law: Synopsis of Dr. of jurid. sci. diss.]. Moscow, 1948. 265 p. (In Russ.).
14. Salieva R. N. *Gosudarstvennoe upravlenie ot-nosheniyami nedropol'zovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Public Relations Management of Subsoil Use in the Russian Federation]. *Energeticheskoe pravo* – Energy Law. 2014. Issue 2. Pp. 16–19. (In Russ.).
15. Sklovskiy K.I. *Pravomochie i polnomochie v mekhanizme vozniknoveniya grazhdanskikh prav* [Authority and Power in the Mechanism of the Emergence of Civil Rights]. *Khozyaystvo i parvo* – Business and Law. 2004. Issue 11. Pp. 99–112. (In Russ.).
16. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo / pod red. O. A. Krasavchikova.* [The Soviet Civil Law; ed. by O. A. Krasavchikov]. Moscow, 1972. 56 p. (In Russ.).
17. Kharitonova Yu. S. *Upravlenie v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki* [Management in Civil Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.).
18. Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy. Grazhdanskoe pravo: Istoriya i sovremennost'. Kn. 1: v 2-kh t.* [Selected Works. Civil Law: History and Modernity. Book 1: in 2 vols.]. Moscow, 2012. Vol. 2. 976 p. (In Russ.).
19. Breuer W. *Das neue Insolvenzrecht.* München, 1998. 324 p. (In Ger.).
20. Bridge M. *Personal Property Law.* London, 1993. 152 p. (In Eng.).
21. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal.* 2013. Issue 24 (1). Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
22. Herbots J. *Contract Law in Belgium.* Deventer, Boston, 1995. 181 p. (In Eng.).
23. *Lehrbuch des Schuldrechts. Bol. 1. Allgemeiner Teil.* 14, neubearb. Aufl. München, 1959. 440 p. (In Ger.).
24. Marianne, M. Jennings. *Business: Its Legal, Ethical and Global Environment.* Cengage Learning, 2010. 684 p. (In Eng.).
25. Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G. *The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction.* Oxford, 1997. 487 p. (In Eng.).
26. Marsh P. D. V. *Comparative Contract Law. England, France, Germany.* Hampshire, 1996. 331 p. (In Eng.).
27. Pescatore G. *Die sogenannte alternative Obligation.* Marb, 1880. 280 p. (In French).
28. Petersen L. L., Orgaard N. *Danish Insolvency Law.* Copenhagen, 1996. 94 p. (In French).
29. *Principles of European Contract Law. Part I and II;* ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, Boston, 2000. 83 p. (In Eng.).
30. *Recht Des Bürgerlichen Gesetzbuches – Allgemeiner Teil.* Sammlung Götschen, Berlin, 1920. 150 p. (In Ger.).
31. Samuel G., Rinkes J. *The English law of obligations in comparative context.* Nijmegen, 1991. 177 p. (In Eng.).
32. *Towards a European Civil Code;* ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Honius, C. E. du Perron, J. B. M. Vranken. Nijmegen, Dordrecht, Boston, London. 1994. 345 p. (In Eng.).
33. Zakharkina A. V. *Facultative Obligation Construction.* *World Applied Sciences Journal.* 2014. Issue 30 (10). Pp. 1214–1217. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.10.14149.
34. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition.* Deventer, Boston, 1992. 246 p. (In Eng.).
35. Wang Y. L., Wallace S. W., Shen B., Choi T. M. *Service supply chain management: A review of operational models.* *European Journal of Operational Research.* 2015. Vol. 3. Pp. 685–698. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.ejor.2015.05.053.

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 175–184. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.

Golubtsov V. G. Printsip dobrosovestnosti kak element pravovogo mekhanizma stimulirovaniya dolzhnika k nadlezhashchemu ispolneniyu obyazatel'stv i garantirovaniya interesov kreditorov: analiz sudebno-arbitrazhnoy praktiki [The Principle of Good Faith as an Element of the Legal Mechanism for Stimulating the Debtor to Proper Execution of Obligations and Guaranteeing Creditors' Interests: Analysis of Judicial and Arbitration Practice]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 175–184. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.

УДК 347.42

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ДОЛЖНИКА К НАДЛЕЖАЩЕМУ
ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ГАРАНТИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ
КРЕДИТОРОВ: АНАЛИЗ СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ¹**

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

e-mail: predprim.pravo@gmail.com

Введение: с 1 июня 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающий целый ряд новаций в правовом регулировании обязательственных правоотношений. **Цель** заключается в решении имеющей значение для развития российского гражданского права задачи – раскрытии принципа добросовестности как элемента правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов на основе анализа новейшей судебно-арбитражной практики. **Результаты:** сформулированы основные выводы, касающиеся закрепления в действующем законодательстве принципа добросовестности, и обозначены основные направления дальнейшего развития начал добросовестности в законодательстве и правоприменительной деятельности. **Методы:** общенаучный диалектический, универсальные научные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, формально-логический, системно-структурный), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, метод системного толкования, метод правового моделирования). **Выводы:** критерии добросовестности участников обязательственного права и их корректное практическое применение, безус-

© Голубцов В. Г., 2016

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

ловно, будут способствовать установлению оптимального баланса интересов кредитора и должника, что является необходимой гарантией поддержания делового сотрудничества, предотвращения юридических конфликтов и достижения наиболее полного удовлетворения интересов участников имущественного оборота. Принцип добросовестности нуждается и в дальнейшем поступательном внедрении в специальные нормы ГК РФ, поскольку является одной из существенных гарантий реализации субъективных гражданских прав.

Ключевые слова: принцип добросовестности; принцип содействия сторон; механизм стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств; надлежащее исполнение обязательств; критерии добросовестности

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AS AN ELEMENT OF THE LEGAL MECHANISM FOR STIMULATING THE DEBTOR TO PROPER EXECUTION OF OBLIGATIONS AND GUARANTEEING CREDITORS' INTERESTS: ANALYSIS OF JUDICIAL AND ARBITRATION PRACTICE

V. G. Golubtsov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

e-mail: predprim.pravo@gmail.com

Introduction: from June 1, 2015 came into force the Federal Law of the Russian Federation dated 8 March 2015, No. 42-FZ (hereinafter – Law № 42-FZ) «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation», providing a number of innovations in legal regulation of contractual relations. **Purpose:** to address the problem, important for the development of Russian civil law, connected with revealing the principle of good faith as an element of legal mechanism for stimulating the debtor to proper execution of obligations and guaranteeing interests of creditors on the basis of the latest court and arbitration practice analysis. **Methods:** the following methods were used in the course of research: a general scientific dialectic method, universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal logical, systemic-structural), methods specific to legal science (a comparative legal method, systemic interpretation, a method of legal modeling). **Results:** a number of fundamental questions concerning optional obligations have not received proper authorization in the civil law doctrine. Main vectors for further development of good faith principles in legislation and law enforcement activity have been specified. **Conclusions:** the criteria of good faith of contractual law participants and their correct practical application will certainly promote to the establishment of optimal balance of the creditors' and debtor's interests, which is an essential guarantee for the maintenance of business cooperation, as well as for prevention of legal conflicts. It will also help to satisfy interests of property turnover participants. The principle of good faith needs further implementation into the special norms of the Civil Code since it is one of the essential guarantees for the realization of subjective civil rights.

Keywords: principle of good faith; principle of promotion of the parties; mechanism of stimulating the debtor to proper execution of obligations; proper execution of obligations; good faith criteria

Введение

Трендом современной цивилистики стало пристальное внимание ученых-юристов к конкретным юридико-техническим приемам утверждения принципа добросовестности в законодательстве и его регулятивном потенциале.

Автономные исследования принципа добросовестности, его функциональной нагрузки, связанной с конструктивными, правоприменительными и правовосполнительными функциями указанного принципа, стали проводиться только в последнее время.

Об отраслевом принципе добросовестности

С 1 июня 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ (далее – Закон № 42-ФЗ) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, предусматривающий целый ряд новаций в правовом регулировании обязательственных правоотношений. Остановимся только на одной новелле, введенной этим законом, – критериях отраслевого принципа добросовестности применительно к обязательственному праву.

Важно отметить, что Федеральный закон РФ от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 302-ФЗ)², вступивший в силу 1 марта 2013 г., внес долгожданные изменения в гражданское законодательство: установил общий принцип добросовестности, ввел презумпцию добросовестности действий участников гражданских правоотношений и установил правило о применении способов защиты гражданских прав в случаях заведомо недобросовестного осуществления этих прав.

Так, принцип добросовестности получил выражение в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³ следующим образом: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Собственно презумпция добросовестности нормативно закреплена в п. 5 ст. 10 ГК РФ:

«Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

Данная норма закрепляет презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, в силу которой участники гражданско-правовых отношений освобождаются от обязанности доказывания своей добросовестности и разумности своих действий. Эта обязанность возлагается на органы и лица, оспаривающие разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений.

В п. 2 ст. 10 ГК РФ введено правило о применении способов защиты гражданских прав в случаях их заведомо недобросовестного осуществления: при наличии «заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав» суд «с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

Известно, что указанные изменения стали результатом последовательного воплощения в жизнь положений Концепции развития гражданского законодательства⁴, в которой неоднократно указывалось на необходимость усиления роли принципа добросовестности с учетом положительного опыта современных зарубежных стран.

Нельзя не отметить, что принцип добросовестности широко применялся в российском гражданском праве и судебно-арбитражной практике и до 1 марта 2013 г.

К примеру, рассматриваемый принцип нормативно закреплён в федеральных законах РФ «О рекламе»⁵, «О рынке ценных бумаг»⁶, «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁷, «Об акционерных обществах»⁸ и др.

⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента РФ от 18 июня 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июня 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29, ч. 1, ст. 3482.

⁵ О рекламе: Федер. закон Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.

⁶ О рынке ценных бумаг: Федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1918.

⁷ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (ред. от 26 июля 2006 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16, ст. 499.

⁸ Об акционерных обществах: Федер. закон Рос. Федерации от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29 июня

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 09.03.2015).

² Там же (дата обращения: 31.12.2012).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 янв. 2016 г.) / Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.01.2016).

Кроме того, принцип добросовестности получил фиксацию в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ). Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 11 сентября 2012 г. № 3378/12¹ установлено, что предоставление судебной защиты субъекту, длительное время совершавшему противоправные действия, которые влекли нарушение прав неопределенного круга лиц, и осознававшему противоправный характер своих действий, не соответствует принципам добросовестного ведения деятельности участниками гражданского оборота и баланса публичных и частных интересов.

Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, теперь для применения данного принципа появились «солидные юридические основания».

Принцип добросовестности сторон обязательства в судебно-арбитражной практике

Принцип добросовестности и ранее достаточно часто применялся судами при разрешении споров. Так, в одном из дел, рассмотренных арбитражным судом Поволжского округа, обнаруживаем указание на то, что в рамках исполнения договора об организации перевозок грузоотправитель, руководствуясь условиями подписанных в двустороннем порядке договоров-заявок, в которых стороны указали паспортные данные водителей, а также марки и регистрационные государственные номера автомобилей для перевозки груза, вручая груз водителю, действовал добросовестно и разумно, поскольку в указанных заявках стороны предусмотрели паспортные данные водителей, государственные регистрационные номера транспортных средств, а грузоотправитель проверил паспортные данные прибывшего водителя, удостоверился в правильности номера транспортного средства.

И в ситуации, когда направленный по заявкам товар был утрачен и грузополучателю не доставлен, суды взыскали стоимость утраченного груза с перевозчика, не приняв во внимание довод о том, что водители, осуществившие спорную перевозку, не являются его представителями. Он был отклонен судебными инстанциями со ссылкой на п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации, по-

скольку именно ответчик отвечал за утрату груза и обязан был возместить ущерб истцу на основании ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации².

Как видим из анализа данного правоприменительного акта, Арбитражный суд Поволжского округа не согласился с позицией ответчика, ссылаясь на п. 3 ст. 307 ГК РФ.

В цивилистической доктрине нередко встречаются сетования на то, что в гражданском законодательстве отсутствует легальная дефиниция термина «добросовестность». В этой связи понятие добросовестности видится во многом через призму отдельных гражданско-правовых институтов (например, приобретательной давности, злоупотребления правом, виндикации и т. д.).

К примеру, как отмечается в юридической литературе, «перевозчика, продающего билеты с условием об овербукинге, вряд ли можно рассматривать как добросовестного. Известно, что добросовестность в гражданском законодательстве понимается в объективном и субъективном смысле. В первом случае требование добросовестности предполагает должное поведение в ситуации правовой неопределенности. Во втором она понимается как уважительное незнание о том или ином обстоятельстве, наступление которого влекут те или иные юридически значимые последствия. Ни в первом, ни во втором понимании добросовестности в поведении перевозчика нет. Действия перевозчика по заключению договора, заведомо предусматривающего возможность его неисполнения, а также по отказу от исполнения обязательства договора с условием овербукинга могут быть квалифицированы как злоупотребление правом» [7, с. 13].

Согласно п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ)³.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 марта 2016 г. № Ф06-5050/2015 по делу № А12-29394/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.

2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 11 сент. 2012 г. № 3378/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Крупномасштабная реформа гражданского законодательства, способствовавшая внесению существенных изменений, в частности, в часть первую ГК РФ, оказала значительное влияние на обязательственное право в целом. Так, Законом №42-ФЗ ст. 307 ГК РФ была дополнена п. 3 следующего содержания: «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию».

По состоянию на сегодня, т. е. спустя год, как указанная норма вступила в силу, можно говорить о первых итогах реформирования обязательственного права на основе, прежде всего, анализа правоприменительной практики.

К примеру, показательным можно назвать дело, рассмотренное арбитражным судом города Москвы о взыскании задолженности и неустойки по договору возмездного оказания услуг, по условиям которого истец обязался оказать ответчику услуги по составлению бизнес-плана реализации инвестиционного проекта, конечным итогом оказания услуг являлся бизнес-план, составленный на русском языке.

При рассмотрении указанного дела суды установили, что стороны, заключая договор, определили порядок оказания услуг определенным способом, включающим: первоначальное предоставление ответчику предварительного бизнес-плана без подписи уполномоченного лица истца и печати истца в целях ознакомления ответчика с данным бизнес-планом и его согласования и последующее предоставление истцом ответчику итогового бизнес-плана, подписанного уполномоченным лицом истца и скрепленного печатью истца, идентичного предварительному бизнес-плану с учетом представленных возражений ответчика.

Истец направил на электронный адрес ответчика предварительный бизнес-план, что было подтверждено электронным письмом и, не получив в пятидневный срок, предусмотренный договором письменных возражений, направил на почтовый адрес ответчика итоговый бизнес-план в бумажном виде, а также акт сдачи-приемки оказанных услуг и счет, который ответчик не подписал и не оплатил второй части стоимости услуг истца.

При этом в техническом задании установлено, что бизнес-план должен быть составлен по состоянию на определенную дату. Далее, ответчик, спустя несколько месяцев после исполнения истцом обязательств по договору, направил

последнему письмо о том, что предоставленный бизнес-план является не актуальным на дату его рассмотрения с требованием его актуализации.

Истец указал на то, что услуги по актуализации ранее подготовленного бизнес-плана не входят в стоимость услуг, а актуализация бизнес-плана на новую отчетную дату предполагает проведение новых расчетов, изменение финансовой модели, анализ вновь представленных документов по проекту, что ведет к увеличению объема работ и сроков оказания услуг. Вместе с тем истец провел актуализацию бизнес-плана, что было подтверждено электронной перепиской, и отправил его ответчику электронной почтой. При этом ответчик не представил возражений, акт сдачи-приемки оказанных услуг ответчик не подписал и оплату не производил.

Согласно п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса РФ, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Истец проявил в полной мере заботливость и осмотрительность, при исполнении обязательств действовал добросовестно и предпринял все необходимые и разумные меры при исполнении своих обязательств перед ответчиком по договору¹.

По нашему убеждению, в данном случае суд, удовлетворяя требования истца в полном объеме, корректно применил нормы материального права. Анализ предложенного казуса позволяет уверенно говорить о невероятной значимости предоставления актуальной информации в актуальный срок сторонами обязательства. Так, в данном случае со стороны истца были совершены все возможные действия, направленные на своевременное предоставление необходимой информации ответчику: направление предварительного бизнес-плана в электронном виде; направление итогового бизнес-плана в бумажном виде; актуализация бизнес-плана по требованию ответчика. В то же время нельзя не обратить внимания и на недобросовестное, по нашему мнению, поведение ответчика, который не предоставил истцу письменных мотивированных возражений по проекту предварительного бизнес-плана: после

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 окт. 2015 г. № 09АП-36743/2015 по делу № А40-24447/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

его актуализации никаких возражений, комментариев от ответчика не поступало, акт сдачи-приемки оказанных услуг ответчик не подписал и оплату не производил.

Несмотря на популярность исследования принципа добросовестности, в юридической доктрине отсутствует системное представление о собственно критериях добросовестности. Особый интерес в этой связи представляет рассмотрение критериев добросовестности участников обязательственного права. Необходимость их исследования обусловлена не только потребностями теоретических основ обязательственного права, но и практической значимостью более эффективного использования исследуемого принципа в целях совершенствования гражданского оборота.

Как верно отмечено в письме Роспотребнадзора, п. 3 ст. 307 ГК РФ «дополняет и развивает принцип изначально подразумеваемой добросовестности любых гражданских правоотношений, в целом сформулированный в статье 10 ГК РФ»¹.

Критерии добросовестного поведения сторон обязательства

Анализ п. 3 ст. 307 ГК РФ позволяет сделать следующие важные выводы. Критериями добросовестности поведения участников обязательственного права выступают:

- учет прав и законных интересов друг друга;
- оказание необходимого содействия друг другу;

- предоставление необходимой информации.

Научно-консультативный совет при Федеральном арбитражном суде Уральского округа разъяснил применение принципа добросовестности на конкретном примере.

В силу п. 2 ст. 327 ГК РФ, добровольное внесение должником денежной суммы или ценных бумаг на депозит нотариуса или суда считается исполнением обязательства.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

С учетом изложенного при внесении денег на депозит должник должен представить креди-

тору исчерпывающую информацию, необходимую для получения исполнения, если только это не связано для него с несоразмерными расходами или поисками адресата.

В случае изъятия должником, на основании п. 3 ст. 327 ГК РФ, денежной суммы или ценных бумаг, внесенных на депозит нотариуса или суда, исполнение обязательства считается несостоявшимся².

Как представляется, анализ названных рекомендаций свидетельствует о том, что принцип добросовестности, а вернее, один из его компонентов – предоставление сторонами обязательства необходимой информации друг другу – имеет не только сугубо теоретическое, но и прикладное назначение, так как получает содержательное наполнение в том числе через иные нормы обязательственного права.

Так, А. Г. Архипова предлагает следующие критерии «добросовестности» применительно к отношениям, возникающим из договора страхования:

- «а) обязанность страховщика соблюдать добросовестность при заключении договора страхования, в частности обязанность сообщить страхователю о явном и известном страховщику несоответствии предлагаемого страхового покрытия потребностям страховщика, предупредить страхователя о предусмотренных договором и неочевидных для страхователя случаях отказа в выплате, об изъятиях из страхового покрытия;

- б) обязанность страхователя не сообщать страховщику ложной информации при извещении о страховом случае, а также в ходе расследования страхового случая;

- в) обязанность страховщика провести надлежащее (всестороннее и сбалансированное) расследование заявленного страхового случая;

- г) обязанность обеих сторон действовать добросовестно при сборе документов, на основе которых принимается решение о выплате (об отказе в выплате), в частности избегать изготовления актов экспертизы, оценки и т. п. с результатом, заведомо известным стороне, заказывающей соответствующие документы;

- д) обязанность сторон после наступления страхового случая предоставлять друг другу запрашиваемую информацию: со стороны страхователя – о причинах и последствиях страхово-

¹ О вступающих в силу 1 июня 2015 года изменениях в Гражданский кодекс Российской Федерации: письмо Роспотребнадзора от 5 мая 2015 г. URL: <http://rosпотребнадзор.ru> (дата обращения: 05.04.2016).

² Вопросы правоприменения по гражданским делам, подведомственным арбитражным судам: рекомендации Науч.-консультат. совета при Федер. арбитражном суде Уральского округа (по итогам заседания, состоявшегося 10 июня 2015 г. в г. Ижевске) // Экон. правосудие в Урал. округе. 2015. № 3.

го случая, со стороны страховщика – о ходе расследования, в том числе обязанность страховщика заранее, до принятия окончательного решения, сообщить страхователю о выявленных обстоятельствах, позволяющих страховщику отказать в выплате возмещения или сократить его сумму;

е) обязанность страхователя (выгодоприобретателя) воздерживаться от предъявления заведомо необоснованных (заведомо завышенных по объему) требований к страховщику, а также обязанность страховщика воздерживаться от принятия заведомо необоснованных и немотивированных решений об отказе в выплате страхового возмещения» [1, с. 34].

Оказание необходимого содействия как один из критериев добросовестности сторон обязательства

Обратим особое внимание на такой критерий, как оказание необходимого содействия друг другу. Следует поддержать Т. В. Богачеву, которая заметила, что «особенно ярко принцип содействия сторон в договорных обязательствах характеризуется совершением сторонами в интересах друг друга дополнительных действий, не предусмотренных договором, а предписываемых сложившейся конкретной ситуацией» [2, с. 10]. Действительно, необходимое содействие – это не только и не столько строгое следование условиям обязательства, сколько проявление необходимой инициативы сторонами обязательства, которые должны руководствоваться, в первую очередь, принципами справедливости и разумности.

Интересно отметить, что некоторые ученые, толкуя положения п. 3 ст. 307 ГК РФ, говорят об установлении законодателем принципа делового сотрудничества [3, с. 44], принципа солидарности, принципа содействия сторон при исполнении обязательства.

Не вызывает сомнений, что некоторые начала сотрудничества как обязательные требования, адресованные участникам гражданского оборота, находят свое воплощение в отдельных нормах ГК РФ. Например, в соответствии с п. 1 ст. 959 ГК РФ, страхователь (выгодоприобретатель) обязан незамедлительно сообщать страховщику о ставших ему известными значительных изменениях в обстоятельствах после заключения договора страхования, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска. Кроме того, в информационном письме Президиума ВАС РФ отмечено, что неисполнение стороной по договору строительного подряда обязанности по сотрудничеству может учитываться при применении

меры ответственности за неисполнение договорного обязательства¹.

По меткому замечанию В. А. Хохлова, «обязательственная модель регулирования основана не столько на противопоставлении интересов кредитора и должника, сколько на единстве, общности результата, который предстоит достичь (в этом смысле выражение “противная сторона” применительно к обязательствам следует признать архаизмом)» [9, с. 188].

Безусловно прав В. В. Кулаков, определивший принципы права «квинтэссенцией многовекового опыта правового регулирования определенной сферы общественных отношений» [6, с. 50]. При этом важно отметить, что ценность принципа гражданского права заключается в его адекватности современным экономическим отношениям.

Предоставление необходимой информации как один из критериев добросовестности сторон обязательства

Полагаем, что появление в гражданском законодательстве такого критерия добросовестности поведения сторон обязательства, как предоставление необходимой информации, имеет огромную правоприменительную ценность с учетом значения информации в современном гражданском обороте. Своевременное обладание информацией, корректно отражающей действительность, – одно из необходимых условий эффективной реализации права.

Так, А. А. Чумаков предлагает включать в содержание определения недобросовестности участия в переговорах такой компонент, как «предоставление стороне неполной или недостоверной информации (в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны)» [10, с. 77].

Вслед за ним А. Г. Карапетов обращает внимание на то, что «...в форме заверений одна из сторон сообщает ту или иную информацию, имеющую важное значение для другой стороны и стимулирующую последнюю заключить договор на определенных условиях... Соответствующая информация может предоставляться в форме заверений, данных до заключения договора (например, в инвестиционном меморандуме или меморандуме о взаимопонимании), включаться в текст договора непосредственно или предоставляться в ходе исполнения догово-

¹ Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 24 янв. 2000 г. № 51 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

ра. Принципиального значения это не имеет. Сообщать ложную информацию, обманывать партнера нельзя» [4, с. 56].

Учет прав и интересов друг друга – это наиболее общее правило поведения в обществе. Поэтому, когда недостаточно конкретных норм, необходимо обращаться к принципу социальной справедливости.

Обратимся к анализу судебной-арбитражной практики, в которой принцип добросовестности, предусмотренный п. 3 ст. 307 ГК РФ, уже получил последовательное применение, в частности в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда.

Сторонами был заключен договор страхования непредвиденных расходов граждан на время путешествий, в соответствии с которым страхователь предоставляет страховщику реестр застрахованных лиц за отчетный месяц. При этом форма реестра предполагает наличие подписей представителей страховщика и страхователя, печати юридических лиц. В материалы дела были представлены реестры застрахованных, в которых отсутствуют подписи представителей страхователя (ответчика), печати страхователя.

Договором было предусмотрено, что общая страховая премия уплачивается страхователем (ответчиком) на основании счета, выставленного в соответствии с согласованным реестром застрахованных лиц, которые отсутствуют, при этом ответчик причастность к реестрам и счетам отрицает. В материалах рассматриваемого дела отсутствуют доказательства того, что ответчик уклонялся от подписания реестров, получения счетов, что ответчик действовал недобросовестно в рамках договора страхования.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ, при исполнении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Подписывая договор страхования на определенных условиях, истец и ответчик должны соблюдать эти условия, в соответствии с положениями п. 1 ст. 420, п. 1 ст. 421, п. 1 ст. 929, п. 3 ст. 307 ГК РФ.

С учетом изложенного апелляционный суд установил, что из имеющихся в материалах дела доказательств невозможно с достоверностью установить факт задолженности ответчика перед истцом по уплате страховой премии и размер страховой премии. Реестры застрахованных лиц представлены не страхователем, а страховщиком, при этом реестр застрахованных лиц

является основным документом, на основании которого определяется конкретный размер страховой премии.

Как следует из договора страхования, страховая премия уплачивается на основании счета, выставленного страховщиком. В материалах дела отсутствуют доказательства выставления счетов страхователю (ответчику). При изложенных обстоятельствах отсутствуют правовые основания для взыскания с ответчика заявленной суммы¹.

Как видим из анализа представленного случая, между сторонами возникли обязательственные правоотношения, основанные на договоре имущественного страхования, одним из условий которого явилось предоставление страхователем страховщику реестра застрахованных лиц за каждый отчетный месяц. Поскольку на основании предоставленного реестра страховщик должен был осуществлять проверку обоснованности величины общей страховой премии за отчетный месяц, постольку стороны предусмотрели серьезные требования к форме реестра – наличие подписей представителей страховщика и страхователя, печати юридических лиц.

Суд установил, что представленные истцом реестры не соответствовали установленной договором форме, так как не были подписаны со стороны страхователя, т. е. ответчика. Следовательно, страхователь вообще не имел возможности осуществить проверку обоснованности величины страховой премии, поскольку не обладал необходимой в данном случае информацией. Получается, что истец нарушил требования п. 3 ст. 307 ГК РФ, в рамках возникших между сторонами правоотношений вел себя недобросовестно, не предоставлял необходимую ответчику информацию, что послужило основанием для отказа в удовлетворении исковых требований истцу. Нельзя не согласиться с выводами суда апелляционной инстанции, руководствуясь вышеизложенными аргументами.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее. Гражданский кодекс Российской Федерации – это поистине «экономическая конституция» Российской Федерации, требующая регулярного обновления с целью актуализации и адекватного соответствия изменяющимся общественным отношениям. Достижение указанной цели возможно только при условии соответст-

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 окт. 2015 г. № 09АП-35355/2015 по делу № А40-48482/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вующего доктринального осмысления вводимых изменений законодательства. Только правильное понимание содержания принципа добросовестности и в особенности критериев добросовестного поведения позволит эффективно использовать посвященные данному принципу гражданско-правовые нормы и избежать противоречивой судебной практики.

Общепризнано, что негативной тенденцией применения принципа добросовестности является потенциальная опасность расширения сферы судебного усмотрения, что может привести к тому, что судебные решения станут непредсказуемыми. Полагаем, что введение в гражданское законодательство критериев добросовестности применительно к обязательственному праву способно снять указанную проблему.

Отметим, что предложенные критерии ранее были разработаны в доктрине на основе обобщения международной и национальной правоприменительной практики, что свидетельствует о развитии законодательства в правильном направлении и даст возможность судебной практике в процессе формирования опереться на науку гражданского права.

Критерии добросовестности участников обязательственного права и их корректное применение в практической плоскости, безусловно, будут способствовать установлению оптимального баланса интересов кредитора и должника, что является необходимой гарантией поддержания делового сотрудничества, предотвращения юридических конфликтов и достижения наиболее полного удовлетворения интересов участников имущественного оборота.

Принцип добросовестности нуждается и в дальнейшем поступательном внедрении в специальные нормы ГК РФ, поскольку является одной из существенных гарантий реализации субъективных гражданских прав.

Усиление солидаристского императива в сфере договорных отношений свидетельствует о дальнейшей социализации гражданского права России.

Библиографический список

1. *Архипова А. Г.* Доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 7–35.
2. *Богачева Т. В.* Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 24 с.
3. *Богданов Д. Е.* Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и за-

явлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.

4. *Каранетов А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43–56.
5. *Кузнецова О. А.* Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–40.
6. *Кулаков В. В.* О роли принципов гражданского права в правовом регулировании общественных отношений // Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.) / под ред. Д. Х. Валеева, К. Рончки, З. Ф. Сафина, М. Ю. Чельшева. М.: Статут, 2014. С. 50–52.
7. *Кулаков В., Филиппова С.* Поиграем в перевозку // ЭЖ-Юрист. 2015. № 44. С. 13–20.
8. *Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности* / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.
9. *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.
10. *Чумаков А. А.* Ведение переговоров по новым правилам: новеллы Закона № 42-ФЗ // Закон. 2015. № 6. С. 77–82.
11. *Herbots J.* Contract Law in Belgium. Deventer. Boston, 1995. 181 p.
12. *Marianne M. Jennings.* Business: Its Legal, Ethical and Global Environment. Cengage Learning, 2010. 684 p.
13. *Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G.* The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction. Oxford, 1997. 487 p.
14. *Marsh P. D. V.* Comparative Contract Law. England, France, Germany. Hampshire, 1996. 331 p.
15. *Pescatore G.* Die sogenannte alternative Obligation. Marb, 1880. 280 p.
16. *Petersen L. L., Orgaard N.* Danish Insolvency Law. Copenhagen, 1996. 94 p.
17. *Principles of European Contract Law. Part I and II.* / ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, 2000. 83 p.
18. *Samuel G., Rinkes J.* The English law of obligations in comparative context. Nijmegen, 1991. 177 p.
19. *Towards a European Civil Code*; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hon-

dius, C. E. du Perron, J. B. M. Vranken. L., 1994. 345 p.

20. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Boston, 1992. 246 p.

References

1. Arkhipova A. G. *Doktrina uberrima fides v strakhovanii i ee voploshchenie v rossiyskom prave* [The Doctrine Of Uberrima Fides in Insurance and Its Embodiment in the Russian Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 4. Pp. 7–35. (In Russ.).
2. Bogacheva T. V. *Printsipy vzaimnogo sodeystviya storon i ekonomichnosti v dogovornykh obyazatel'stvakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Principles of Mutual Assistance of The Parties and Efficiency in the Contractual Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1982. 24 p. (In Russ.).
3. Bogdanov D. E. *Novelly grazhdanskogo kodeksa RF s pozitsii kontseptsii dobrosovestnoy posledovatel'nosti v deystviyakh i zayavleniyakh* [Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in Terms of the Concept of Conscientious Sequence in the Actions And Statements]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Law And Economics*. 2016. Issue 2. Pp. 44–49. (In Russ.).
4. Karapetov A. G. *Zavereniya ob obstoyatel'stvakh i usloviya o vozmeshchenii poter' v novoy redaktsii GK RF* [Assurance of Circumstances and Provisions for Loss Recovery in the New Version of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakon – Zakon*. 2015. Issue 6. Pp. 43–56. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Pryamoe (neposredstvennoe) deystvie printsipov grazhdanskogo prava* [Direct (Immediate) Application of Civil Law Principles]. *Notarius – Notary*. 2006. Issue 1. Pp. 37–40. (In Russ.).
6. Kulakov V. V. *O roli printsipov grazhdanskogo prava v pravovom regulirovanii obshchestvennykh otnosheniy* [About the Role of Civil Law Principles in Legal Regulation of Social Relations]. *Nauchnye vozzreniya professora G. F. Shershenevicha v sovremennykh usloviyakh konvergentsii chastnogo i publichnogo prava (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan', 1–2 marta 2013 g.) / pod red. D. Kh. Valeeva, K. Ronchki, Z. F. Safina, M. Yu. Chelysheva*. [Scientific Views of Professor G.F. Shershenevitch in the Current Context of Convergence of Private and Public Law (to the 150th birth anniversary): Proceedings of

- Intern. Science and Practice Conf. (Kazan, March 1–2, 2013); ed. by D. Kh. Valeev, K. Rocki, Z. F. Safin, M. Y. Chelysheva]. Moscow, 2014. Pp. 50–52. (In Russ.).
7. Kulakov V., Filippova S. *Poigraem v perevozku* [Let's Play a Transportation Game]. *EZh-Yurist – EJ-Lawyer*. 2015. Issue 44. Pp. 13–20. (In Russ.).
8. *Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoy deyatel'nosti / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov i dr.; otv. red. V. A. Vaypan, M. A. Egorova*. [V. K. Andreev, L.V. Andreeva, K. M. Arslanov et al. Problems of Implementation of the Law Principles in Entrepreneurial Activity; resp. eds.: V. A. Vipan, M. A. Egorova]. Moscow, 2016. 340 p. (In Russ.).
9. Khokhlov V. A. *Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh: ucheb. posobie*. [General Provisions On Obligations: Textbook]. Moscow, 2015. 288 p. (In Russ.).
10. Chumakov A. A. *Vedenie peregovorov po novym pravilam: novelly Zakona № 42-FZ* [The Negotiation on New Rules: Amendments to Law № 42]. *Zakon – Zakon*. 2015. Issue 6. Pp. 77–82. (In Russ.).
11. Herbots J. *Contract Law in Belgium*. Deventer, Boston, 1995. 181 p. (In Eng.).
12. Marianne, M. *Jennings. Business: Its Legal, Ethical and Global Environment*. Cengage Learning, 2010. 684 p. (In Eng.).
13. Markesinis B.S., Lorenz W., Dannemann G. *The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction*. Oxford, 1997. 487 p. (In Eng.).
14. Marsh P. D. V. *Comparative Contract Law. England, France, Germany*. Hampshire, 1996. 331 p. (In Eng.).
15. Pescatore G. *Die sogenannte alternative Obligation*. Marb., 1880. 280 p. (In French).
16. Petersen L. L., Orgaard N. *Danish Insolvency Law*. Copenhagen, 1996. 94 p. (In Eng.).
17. *Principles of European Contract Law. Part I and II*; ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, 2000. 83 p. (In Eng.).
18. Samuel G., Rinkes J. *The English law of obligations in comparative context*. Nijmegen, 1991. 177 p. (In Eng.).
19. *Towards a European Civil Code*; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hondius, C. E. du Perron, J.B.M. Vranken. London, 1994. 345 p. (In Eng.).
20. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Deventer, Boston, 1992. 246 p. (In Eng.).

Информация для цитирования:

Комиссарова Е. Г., Пермяков А. В. Эволюция кредиторских прав в отношениях с наследниками, принявшими наследство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 185–192. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

Komissarova E. G., Permyakov A. V. *Evolutsiya kreditorskikh prav v otnosheniyakh s naslednikami, pri-nyavshimi nasledstvo* [Evolution of Creditors' Rights in Relations with Successors Who Have Accepted Succession]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 185–192. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

УДК 347.6347.6

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕДИТОРСКИХ ПРАВ В ОТНОШЕНИЯХ С НАСЛЕДНИКАМИ, ПРИНЯВШИМИ НАСЛЕДСТВО

Е. Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-4257-5673
ResearcherID: E-9302-2016
e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

А. В. Пермяков

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Тюменский государственный университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38
ORCID: 0000-0003-4541-6846
ResearcherID: E-4642-2016
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.1163/15730352-00000024
e-mail: permyakov.antony@gmail.com

Введение: сохраняющееся в законодательстве разбалансированное отношение к разным кредиторам наследодателя, имеющим претензии к наследственной массе, проблемность норм, регулирующих отношения с участием нескольких кредиторов, попадающих в состояние конкуренции при недостаточности наследственной массы, и отсутствие сформированного доктринального обоснования по этим вопросам обусловили авторское внимание к теме статьи. **Цель:** проведение научно-теоретического сопоставительного анализа прав разных кредиторов на удовлетворение их притязаний за счет наследственной массы. **Методы:** общенаучные методы анализа, обобщения, сравнения, описания, интерпретации; частноправовые методы: формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** правовой анализ положений об ответственности по долгам наследодателя позволил выявить как терминологические нестыковки в регулировании «долговых отношений», так и отсутствие реальной законодательной концепции в этих вопросах. До недавнего времени законодатель ориентировался преимущественно на обобщенную концепцию защиты прав наследников, вопрос же о правах кредиторов, имеющих претензии к наследственной массе, решался больше по умолчанию. Часть вопросов была снята благодаря законодательным новшествам, введенным в ГК РФ принятием раздела пятого и недавних изменений законодательства о банкротстве. Однако вопрос о разбалансированности прав отдельных кредиторов не утратил своей остроты. Отсут-

ствие последовательности и достаточности правового регулирования отношений, связанных с вопросами ответственности по долгам наследодателя в общем порядке, затрудняет реализацию кредиторами наследодателя своих прав и законных интересов и их защиты. **Вывод:** для целей формирования законодательной концепции о правах кредиторов наследодателя необходим предметно-теоретический анализ последних законодательных новшеств, связанных с банкротством наследственной массы, главным образом с точки зрения соотношения этой конструкции с предметом и содержанием правового регулирования отношений в части как института банкротства в целом, так и отношений, возникающих по поводу долгов наследодателя.

Ключевые слова: наследственное правопреемство; претензии кредиторов; наследственная масса; долги наследодателя; ответственность наследников; банкротство умершего гражданина; персонификация наследственной массы

EVOLUTION OF CREDITORS' RIGHTS IN RELATIONS WITH SUCCESSORS WHO HAVE ACCEPTED SUCCESSION

E. G. Komissarova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-4257-5673
ResearcherID: E-9302-2016
e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

A. V. Permyakov

Tyumen State University
38, Lenina st., Tyumen, 625000, Russia
ORCID: 0000-0003-4541-6846
ResearcherID: E-4642-2016
Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.1163/15730352-00000024in
e-mail: permyakov.antony@gmail.com

Introduction: the article considers the unbalanced attitude towards different creditors of a testator that is present in legislation, the absence of rules governing relations with participation of several creditors, who get into the state of competition in case inheritance is insufficient, and the lack of doctrinal foundation for these questions. **Purpose:** to carry out a scientific theoretical comparative analysis of different creditors' rights aimed at the satisfaction of their claims at the expense of inheritance. **Methods:** the author uses general scientific methods of analysis, generalization, comparison, description, interpretation, as well as methods specific to legal science: formal legal method and legal comparison. **Results:** the legal analysis of regulations on liability for a testator's debts has allowed us to reveal terminological disagreements in regulation of the "debt relations" and lack of a visible legislative concept concerning these questions. Until recently, the legislator has been mainly guided by the generalized concept of successors' rights protection, while the question of creditors' rights having claims to inheritance has been mainly solved by default. A part of questions were withdrawn due to the legislative innovations introduced into the Civil Code of the Russian Federation with the adoption of the 5th section and recent changes in the bankruptcy legislation. However, the question of certain creditors' rights being unbalanced has not lost its edge. The absence of consistency and sufficiency in legal regulation of relations connected with questions of liability for a testator's debts results in difficulty in realization of rights and legitimate interests of a testator's creditors and their protection. **Conclusions:** in order to formulate the legislative concept concerning rights of a testator's creditors, it is necessary to perform a theoretical analysis of the last legislative innovations connected with inheritance

bankruptcy. The innovations should be first of all analyzed in terms of the ratio between this concept and the subject and content of legal regulation of both relations within the institute of bankruptcy and relations connected with a testator's debts.

Keywords: hereditary succession; claims of creditors; inheritance, testator's debts; responsibility of successors; bankruptcy of the deceased; personification of the inheritance

Введение

С учетом собственного опыта и опыта европейских стран, проводивших долгую работу по унификации национальных правовых порядков в сфере наследственного права¹, современный российский законодатель признал, что наследство – это «хорошо и справедливо». Ответом на это признание стали гл. 61–65 раздела пятого Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), включившие в свое содержание многочисленные новации, но и не избежавшие законодательских промахов. К числу последних можно отнести терминологические нестыковки, относящиеся к конструкции «ответственность по долгам наследодателя», в то время как на деле нередко речь идет не только об ответственности в ее юридическом значении, но и не исполненных наследодателем при жизни действий в рамках обычных обязательственных отношений, не связанных с гражданским правонарушением. Можно бы и не считать данную погрешность значимой, если бы она не служила одним из способов отвлечения доктринального внимания от тех проблем, которые на самом деле сегодня находятся в ряду актуальных применительно к долгам наследодателя, сохраняющим свою юридическую жизнь и после его смерти.

Законодательная архаичность в затронутом терминологическом моменте вынуждает доктрину прибегать к бессмысленному феноменологическому анализу такого гражданско-правового понятия, как «долг», чье юридическое наполнение применительно к сфере имущественных отношений можно считать предопределенным и без специальных дефиниций. Как представляется, более эффективными могут

стать исследования, связанные с вопросами о посмертных обязанностях наследодателя, их персонификации, порядку реализации наследниками своих прав в случае предъявления к ним претензий кредиторов. Нельзя забывать, что и законодатель и доктрина долгое время были сосредоточены в первую очередь на защите прав наследников, в то время как состояние доктринальной составляющей по такому ответвлению, как наследники – кредиторы наследодателя, не выглядит удовлетворительным. Причину такого положения можно усмотреть и в привычно негласном «нотариальном оттенке» самой проблемы обременения наследственной массы обязанностями наследодателя, в то время как наука нотариального права оказалась не столь активна в исследовании этой проблематики как до, так и после принятия пятого раздела ГК РФ. И это тоже одна из причин того сложившегося положения, при котором предпринимаемые сегодня законодателем шаги в регулировании отношений по поводу долгов, входящих в наследственную массу, в меньшей мере основаны на добротном и достаточном теоретическом материале, которому еще только предстоит появиться. Потребность в нем ощущается довольно остро хотя бы потому, что еще не «опознаны» те концептуальные идеи, которым должны соответствовать нормы, направленные на урегулирование отношений наследников, принявших наследство и кредиторов наследодателя. В частности, какой принцип должен быть положен в основу регулирования этих отношений: кредиторской справедливости, основанный на равенстве и соразмерности прав всех заявившихся кредиторов, или принцип очередности при удовлетворении их прав (по аналогии с очередностью кредиторов при ликвидации юридического лица). Необходим также и предметно-теоретический анализ последних законодательных новшеств, связанных с банкротством наследственной массы. Достижение оптимальности этой юридической конструкции, как по содержанию, так и по объему, – это вопрос времени. Однако уже сегодня надлежит провести ее анализ по поводу соотношения с предметом и содержанием правового регулирования отношений как в сфере института банкротства в целом, так и отношений, возникающих по поводу долгов наследодателя.

¹ Эта работа в итоге завершилась принятием Регламента о юрисдикции и применимом праве по вопросам наследования. См.: Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции и применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании». Принят в Страсбурге 4 июля 2012 г. Применяется с 17 августа 2015 г. Текст официально опубликован не был. На английском языке опубликован: Официальный журнал Европейского Союза. 2012. № L 201 P. 107.

Основное содержание

Универсальность и посмертность наследственного преемства приводит в движение прижизненные активы (права) наследодателя и его пассивы (обязанности). Как образно заметил Г. Ф. Шершеневич, на наследника «падают не только права, но и обязанности по всем долгам умершего» [9]. Вся эта совокупность при включении в наследственную массу имеет одну общую юридическую судьбу в виде одновременного преемства всех прав и всех обязанностей.

Такой (экономический) подход в значительной степени упрощает процедуру наследования и вполне работает на эффективность гражданского оборота, нуждающегося в стабильности и непрерывности не только вещных, но и обязательственных отношений, что достигается заменой выбывшего должника на его правопреемника – наследника.

Как известно, долги в виде законно возникшей обязанности, можно исполнять в рамках существующего договорного обязательства или отвечать по ним согласно правилам о гражданско-правовой ответственности. В пункте 1 статьи 1175 ГК РФ законодатель употребил сочетание: наследник «отвечает по долгам наследодателя». На самом деле смысловое наполнение нормы намного шире, поскольку речь идет не только об ответственности в том правовом смысле, который вкладывается в термин «юридическая ответственность», но и об «обычных» имущественных обязанностях, не связанных с возникновением спорности в отношениях с прижизненным участием наследодателя. В этом смысле термин «ответственность» применительно к наследственному правопреемству по воле законодателя оказался более широким в отличие от своего истинно правового значения – отвечать, т. е. нести бремя дополнительных имущественных обязанностей в связи с совершенным правонарушением для восстановления имущественной сферы кредитора-потерпевшего. Можно предположить, что в этой части законодатель действовал по инерции, используя обобщающую терминологию прежних кодексов, чьи нормативные конструкции в большей мере опирались на постулат о том, что «у советского человека и долгов-то нет». Но современный рыночный оборот с его классическим инструментарием, в числе которого многообразные долговые обязательства (займ, кредит, факторинг, поручительство и т. д.), уже давно свидетельствует об обратном – долги в виде неисполненных обязательств, не всегда «дорастающие» до категории «ответственность», у российского человека есть, и много, что многократно увеличивает частоту случа-

ев предъявления кредиторских претензий к наследственной массе.

Как представляется, требуемое терминологическое соответствие в вопросах наследственного правопреемства в нормах ГК РФ можно было бы обеспечить путем использования наряду с термином «ответственность» (там, где это действительно юридически оправдано) такого понятия, как «обязательства по долгам наследодателя». В этой части вынужденным корректором нормативной терминологии стала выступать судебная практика, которая в силу разнообразия обязанностей, оставшихся после смерти наследодателя, вполне обоснованно разграничивает отношения «из ответственности» и «обязательства по долгам наследодателя»¹.

В нормах ГК РФ «долговыми отношениям», оставшимся после наследодателя, отведено две статьи: ст. 1174 о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, и расходов на охрану наследства и управление им; ст. 1175 об ответственности наследников по долгам наследодателя. Обе нормы являются результатом рецепции аналогичных положений из Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.² (ст. 549 и 553 соответственно), подтверждая в целом справедливое утверждение о том, что «наследственное право – это наиболее консервативная часть гражданского права с преобладанием специфических национальных правил» [5, с. 400].

Общее правило универсального правопреемства, при котором имущество умершего гражданина как единое целое в неизменном виде и в один момент переходит к его наследникам, гласит о том, что наследник, принявший наследство, «... отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества» (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Из данного установления можно вывести презумпцию, которая гласит: если наследственное имущество отсутствует полностью, то ответственность наследников исключена. Если имущество есть и наследники его приняли, то в объеме стоимости полученного имущества наследники отвечают по претензиям кредиторов, предъявленным в пределах сроков исковой давности. Правило достаточно простое и понятное, если общественные отношения, подпадающие под сферу его регулирования, не отягощаются такими обстоятельствами, как недос-

¹ О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9. П. 60 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2012. № 7.

² Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).

таточность наследственной массы для удовлетворения требований кредиторов, и когда кредиторов оказывается «несть числа». Остро встает вопрос об объеме воли наследника или наследников при недостатке наследственной массы и/или множественности на стороне кредиторов, заявивших свои претензии к наследственной массе. Пока никаких зримо принципиальных законодательных идей на этот счет не сложилось. А потому практика сталкивается со случаями разбалансированного законодательного отношения к тем случаям, когда у наследодателя не один, а несколько кредиторов и они оказываются в положении конкуренции между собой в силу недостаточности наследственной массы.

До недавнего времени в этом вопросе господствовало усмотрение наследника: либо не принимать наследство вообще либо заявить об ограничении ответственности по долгам наследодателя. Понятно, что такой регулятор в этом непростом вопросе в виде усмотрения наследника носит исключительно субъективный характер и не вполне соответствует идее наследования. Ведь наследник (в силу завещания или закона) лишь юридически заменяет наследодателя в его правах и обязанностях, а потому ограничение участия законодателя установлением баланса того, что обязанности, оставшиеся после наследодателя, действительны только в той части, какой на них приходится оставшиеся права, явно недостаточно.

На случай спора закон и акты судебной практики установили, что при отсутствии (недостаточности) наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет имущества наследников и обязательства по долгам наследодателя прекращаются невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества¹.

Такой универсальный исход наступал до принятия Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве). Согласно вступив-

шим в силу с 1 октября 2015 г. нормам Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (параграф 4 гл. 4)³, оставшаяся после смерти гражданина наследственная масса может быть объявлена банкротом.

Состоявшееся новшество дает возможность распределить оставшееся после наследодателя имущество между кредиторами с соблюдением их прав и законных интересов в строго установленной законом последовательности, которая определена законодателем исходя из социального и иного положения кредиторов, а также их связи с должником (ст. 213.27 Закона о банкротстве). Указанные критерии: соблюдение прав и законных интересов; последовательность; социальное и иное положение кредиторов; связь с должником – направлены на соблюдение баланса интересов различных кредиторов и наследников наследодателя. Условием их учета является факт обнаружения признаков несостоятельности наследственной массы, оставшейся после наследодателя (ст. 213.3 Закона о банкротстве). В любых иных ситуациях положения Закона о банкротстве не подлежат применению. Это касается таких случаев, когда 1) имущества, переданного по наследству, недостаточно, но сама наследственная масса не обнаруживает признаков банкротства, установленных в ч. 2 ст. 213.3 Закона о банкротстве (например, сумма требований кредиторов составляет менее пяти-сот тысяч рублей); 2) гражданин (до момента наступления смерти), конкурсный кредитор, уполномоченный орган не реализовали право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом (ч. 1 ст. 213.3 Закона о банкротстве); 3) когда на момент принятия наследства общий размер требований кредиторов не известен наследникам. Во всех указанных ситуациях действуют нормы ГК РФ, не содержащие специальных правил о порядке и сроках предъявления требований, о лице, которое должно вести реестр соответствующих требований и отвечать за соблюдение порядка удовлетворения.

Существующие положения Основ законодательства о нотариате⁴ (ст. 63) о праве кредиторов заявить о своих требованиях нотариусу, по сути, являют собой лишь формально обозначенное стремление хоть как-то соблюсти их

¹ О судебной практике по делам о наследовании (п. 60); п. 1 ст. 416 ГК РФ.

² Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

³ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

⁴ Основы законодательства о нотариате: постановление Верхов. Суда РФ от 11 февр. 1993 г. № 4463-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

права¹. Единственным последствием получения нотариусом такого требования является доведение соответствующей информации о наличии долгов наследодателя до наследников. Информированность наследников об имеющихся претензиях к наследственной массе и механизм их погашения – по понятным причинам это не одно и то же. При ином восприятии этих актов сохраняется то положение, при котором в роли «главного распорядителя» выступает наследник, а удовлетворение требований кредиторов осуществляется по мере обращения, пока не будет достигнут предел ответственности [6]. Ясно, что при таком подходе удовлетворение получает более настойчивый кредитор или тот, который ранее других заявил о своих требованиях, или же тот, чьи требования обеспечены залогом имущества должника. Не исключается и ситуация удовлетворения требований кредиторов сугубо по усмотрению наследников². Это приводит к конкуренции кредиторов, которую вряд ли можно считать справедливой.

При добросовестности наследника (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ) он не сможет должным образом преодолеть конкуренцию кредиторов наследодателя, поскольку его ответственность ограничена пределами стоимости наследственного имущества, что объективно препятствует удовлетворению требований всех кредиторов, у него отсутствует законный интерес в решении вопроса о первенстве удовлетворения.

Решение этого вопроса скорее носит не юридический, а технический характер. Лицом, уполномоченным на ведение соответствующего реестра кредиторов и соблюдения порядка удовлетворения требований, вполне может быть нотариус, поскольку, в соответствии со ст. 63 Основ законодательства РФ о нотариате, именно он уполномочен на принятие претензий кре-

диторов, либо сам наследник, либо иное лицо, например финансовый управляющий, по аналогии с Законом о банкротстве. В то же время вменять наследникам в обязанность обращение в судебные органы в целях установления всех кредиторов нецелесообразно, поскольку выяснение таких обстоятельств может быть осуществлено несудебными органами³. Однако введение данных положений должно быть произведено одновременно с закреплением в ГК РФ правил о сроках и последовательности удовлетворения требований кредиторов.

Отсутствие единого законодательного подхода к вопросу о порядке и условиях удовлетворения требований кредиторов приводит к тому, что судьба схожих требований кредиторов может быть решена по-разному, в зависимости от наличия или отсутствия признаков несостоятельности наследственной массы. В частности, это касается вопроса о персонификации прав и обязанностей, вошедших в состав наследственной массы, который оказывается важным в долговых обязательствах наследодателя. Персонификация связана с их привязкой к личности, а потому речь идет об удовлетворении требований, связанных с личностью кредитора (уплата алиментов, возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью).

Общеустановленным является правило о том, что личные права и обязанности наследодателя прекращаются с его смертью и к другим лицам не переходят. Наличие таких прав и обязанностей уменьшает объем наследственной

¹ Думается, что такое условие перешло из советского законодательства. В частности, в ст. 554 ГК РСФСР 1964 г. также было предусмотрено право кредиторов в течение шести месяцев со дня открытия наследства предъявить свои претензии принявшим наследство наследникам или исполнителю завещания, или нотариальной конторе по месту открытия наследства либо предъявить иск в суде к наследственному имуществу. Однако смысловое наполнение данного требования было несколько иным, поскольку данный срок являлся пресекательным и его пропуск влек за собой утрату кредиторами принадлежащих им прав требования.

² Естественным образом отстраненным от данной ситуации является залоговый кредитор, поскольку преимущественное право на удовлетворение его требований за счет заложенного имущества наследодателя не позволяет наследнику игнорировать его требования (п. 1 ст. 334 ГК РФ).

³ Процедуру установления кредиторов можно закрепить, позаимствовав положительный опыт Германии и Франции. В Германии, например, кредиторам наследодателя в порядке вызывного производства может быть предложено заявить свои требования (§ 1970 Германского гражданского уложения). Указанное правило, правда, не затрагивает залоговых кредиторов и кредиторов, которые пользуются равными с первыми правами в случае конкурса, а также кредиторов, которые при принудительном исполнении в отношении недвижимого имущества имеют право на удовлетворение за счет этого имущества, если речь идет об удовлетворении за счет предметов, несущих ответственность по обязательствам относительно их. То же правило действует в отношении кредиторов, требования которых обеспечены путем предварительной регистрации, или тех, которые вправе требовать выделения из конкурсной массы предмета своего права (§ 1971 Германского гражданского уложения). При этом во Французском гражданском кодексе отдельно установлен срок для предъявления требований, не обеспеченных наследственным имуществом, – пятнадцать месяцев со дня публикации заявления о принятии наследства в пределах чистого имущества (ст. 788, 792 Французского гражданского кодекса).

массы, поскольку они с наступлением смерти лица, являющегося их носителем, прекращаются (ст. 418 ГК РФ). В то время как по Закону о банкротстве, наоборот, требования кредитора по обязательствам, связанным с личностью должника, подлежат удовлетворению в рамках первой очереди реестра требований кредиторов (ч. 3 ст. 213.27 Закона о банкротстве).

Такая разбалансированность положения кредиторов наследодателя в зависимости от применяемой процедуры проистекает из разных законодательных подходов к установлению пределов ответственности по долгам наследодателя. По общему правилу, ограничение ответственности наследников происходит путем применения стоимостного критерия к наследственной массе. Наследники отвечают в пределах стоимости наследственного имущества, но удовлетворение требований кредиторов может быть осуществлено не только за счет имущества наследодателя, но и за счет имущества самих наследников. При банкротстве наследственной массы удовлетворение требований кредиторов осуществляется исключительно за счет имущества наследодателя (ч. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве)¹, т. е. в основу положены не только стоимостной, но и предметный критерии.

Имущественная увязка требований кредиторов исключительно с имуществом наследодателя (персонификация наследственной массы) в рамках банкротства приводит к юридически обоснованной возможности удовлетворить требования кредиторов-граждан, перед которыми наследодатель несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, и требований о взыскании алиментов. По смыслу законодательства о банкротстве, речь идет лишь о тех кредиторах первой очереди, перед которыми на момент смерти наследодатель имел непогашенную задолженность, т. е. возникновение задолженности во времени предшествовало наступлению смерти. Такой подход приводит к устранению привычно сложившегося неравенства между кредиторами по «личным» обязательствам, задолженность перед которыми не была погашена на момент смерти наследодателя, и иными кредиторами, но пока только в рамках производства по делу о банкротстве.

¹ Удовлетворение требований кредиторов исключительно за счет имущества наследодателя допускалось римским правом. Для этого кредиторы наследодателя были вправе обратиться к претору, управителю провинции или суду с целью выделения наследственной массы из собственного имущества наследника и использования ее исключительно для удовлетворения требований кредиторов наследодателя [4, с. 56, 58].

Выстраивание зависимости удовлетворения требований, связанных с личностью наследодателя, от состоятельности или несостоятельности наследственной массы (наследодателя) не приводит к равенству нормативного регулирования и не свидетельствует о его последовательности. Нельзя ограничить действие права только областью отношений в рамках банкротства, лишая всех иных обладателей права преимуществ, которые оно предоставляет. Если кредиторы по «личным» долгам наследодателя вправе получить удовлетворение своих требований за счет наследственной массы (в рамках дела о банкротстве именуемой конкурсной – п. 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве), такое право должно быть предоставлено «личным» кредиторам наследодателя в общем порядке. Преодоление возникшей разности в правовом регулировании позволит уравнивать правовые возможности кредиторов наследодателя вне зависимости от наличия или отсутствия признаков несостоятельности наследственной массы.

Заключение

Поступательное развитие любого отношения, в котором участвует гражданин, невозможно без обеспечения действенного, понятного для всех механизма перехода прав и обязанностей в случае его смерти. Наличие такового есть необходимое условие обеспечения равных правовых возможностей для всех участников гражданского оборота, что соответствует идеям и ценностям гражданского права.

Выстраивание в гражданском законодательстве стройной системы норм, скоординированных с законодательством о банкротстве способно обеспечить реальное равенство всех участников гражданского оборота, непрерывности и стабильности гражданских правоотношений. Следствием станет возрастание уверенности кредиторов в получении того, на что они справедливо рассчитывают, вступая в прижизненные отношения с наследодателем.

Библиографический список

1. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2: Права исключительные, личные и наследственные: учебник для академического бакалавриата и магистратуры М.: Юрайт, 2015. 443 с.
2. Белов В. А. Наследование и наследственное правопреемство: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1. С. 6–16.
3. Гаврилов В. Н. Ответственность наследников по российскому и зарубежному законо-

- дательству // Наследственное право. 2010. № 3. С. 23–31.
4. *Мальшев К. И.* Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. 460 с.
 5. *Наследственное право: учебник для магистров / М. С. Абраменков, П. В. Чугунов; отв. ред. В. А. Белов.* М.: Юрайт, 2015. 423 с.
 6. *Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е. Ю. Петрова.* М.: Статут, 2015. 271 с.
 7. *Останина Е. А.* Банкротство наследственной массы: пробелы гражданского законодательства и возможности их восполнения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 12. С. 74–81.
 8. *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсное право. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 509 с.
 9. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 462 с.
 10. *Шушмарева Т. П.* Особенности несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя в случае его смерти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 47–50.
 3. *Gavrilov V. N.* *Otvetstvennost' naslednikov po rossiyskomu i zarubezhnomu zakonodatel' stvu* [Responsibility of Successors According to the Russian and Foreign Legislation]. *Nasledstvennoe pravo* – Inheritance Law. 2010. Issue 3. Pp. 23–31. (In Russ.).
 4. *Malyshev K. I.* *Istoricheskiy ocherk konkursnogo protsessa* [Historical Sketch of the Bankruptcy Process]. St. Petersburg, 1871. 460 p. (In Russ.).
 5. *Nasledstvennoe pravo: uchebnik dlya magistrantov / M. S. Abramenzkov, P. V. Chugunov. Otv. red. V. A. Belov.* [Inheritance Law: Textbook for master degree students; ed. by V. A. Belov]. Moscow, 2015. 423 p. (In Russ.).
 6. *Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Germanii, Frantsii / Yu. B. Gongalo, K. A. Mikhailev, E. Yu. Petrov i dr.; pod obshch. red. E. Yu. Petrova* [Basics of Inheritance Law in Russia, Germany, France; ed. by E. Yu. Petrov]. Moscow, 2015. 271 p. (In Russ.).
 7. *Ostanina E. A.* *Bankrotstvo nasledstvennoy massy: probely grazhdanskogo zakonodatel' stva i vozmozhnosti ikh vospolneniya* [Bankruptcy of Inheritance: Gaps of Civil Legislation and Possibilities for Their Completion]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – The Herald of Economic Justice. 2014. Issue 12. Pp. 74–81 (In Russ.).
 8. *Shershenevich G. F.* *Konkursnoe pravo* [Bankruptcy Law]. Kazan, 1898. 509 p. (In Russ.).
 9. *Shershenevich G. F.* *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law: in 2 vols.]. Moscow, 2005. Vol. 2. 462 p. (In Russ.).
 10. *Shishmareva T. P.* *Osobennosti nesostoyatel' nosti (bankrotstva) individual' nogo predprinimatel' ya v sluchae ego smerti* [Specific Features of Insolvency (Bankruptcy) of an Individual Entrepreneur in Case of Their Death]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015. Issue 9. Pp. 47–50. (In Russ.).

References

1. *Belov V. A.* *Grazhdanskoe pravo. T. 3. Osobennaya chast'. Absolyutnye grazhdansko-pravovye formy. Kn. 2. Prava isklyuchitel' nye, lichnye i nasledstvennye* [Civil Law. Vol. 3. Special Part. Absolute Civil Law Forms. Book 2. Exclusive, Personal and Hereditary Rights]. Moscow, 2015. 443 p. (In Russ.).
2. *Belov V. A.* *Nasledovanie i nasledstvennoe pravopreemstvo: fakticheskoe otnoshenie i ego pravovaya forma* [Inheritance and Hereditary Succession: De-facto Relationship and Its Legal Form]. *Nasledstvennoe pravo* – Inheritance Law. 2014. Issue 1. Pp. 6–16. (In Russ.).

Информация для цитирования:

Коротков Д. Б. Признаки общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 193–198. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-193-198.

Korotkov D. B. *Priznaki obshchego imushchestva sobstvennikov pomeshcheniy v mnogokvartirnom dome* [The Signs of Common Property of Owners in an Apartment House]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 193–198. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-193-198.

УДК 347.21

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-193-198

ПРИЗНАКИ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

Д. Б. Коротков

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-8664-4928**ResearcherID:** E-1699-2016

e-mail: korotkov-dmitry@mail.ru

Введение: значимость общего имущества для собственников помещений в многоквартирном доме сложно переоценить. От его надлежащей эксплуатации во многом зависят комфорт и безопасность пребывания в жилых и нежилых помещениях дома. Кроме того, содержание и эксплуатация общедомового имущества напрямую влияют на соответствующие материальные затраты собственников. Перечень общедомового имущества в многоквартирном доме нормативно регламентирован. В то же время на практике возникают споры в части отнесения того или иного имущества к числу общего. **Цель:** проанализировать признаки общедомового имущества; дать свой ответ на вопрос, является ли факт финансирования общедомового имущества сторонним инвестором самостоятельным основанием признания за этим инвестором права единоличной собственности на это имущество. **Методы:** использованы общенаучные методы познания и специально-юридические методы исследования. **Результаты:** по мнению автора, невозможно исключать имущество из числа общедомового в ситуации, когда оно хоть и предназначено для обслуживания более чем одного помещения в доме, но при этом являлось самостоятельным объектом инвестирования при строительстве дома. Видится спорной судебная практика, признающая имущество не относящимся к общедомовому по тому основанию, что его создание финансировалось за счет средств стороннего инвестора. **Выводы:** имущество, предназначенное для обслуживания нескольких или всех помещений в многоквартирном доме и не имеющее самостоятельного назначения, относится к общему имуществу собственников вне зависимости от того, кто (собственники или сторонние инвесторы) финансировал его строительство или приобретение.

Ключевые слова: собственник; Жилищный кодекс; Гражданский кодекс; многоквартирный дом; общее имущество; инвестиционный договор; долевое участие в строительстве; проектная декларация

THE SIGNS OF COMMON PROPERTY OF OWNERS IN AN APARTMENT HOUSE

D. B. Korotkov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-8664-4928

ResearcherID: E-1699-2016

e-mail: korotkov-dmitry@mail.ru

Introduction: it is hard to overestimate the importance of common property for owners of premises in an apartment house. Comfort and safety of stay in residential and non-residential premises of a house depend on its proper use. Questions of common property maintenance and use directly affect the relevant expenditures of owners. The list of common property in an apartment house is regulated by the law. At the same time, in practice, there are disputes regarding referring particular property objects to the category of common property. **Purpose:** to analyze signs of common property in an apartment building and to attempt to answer the question whether the fact that common property has been financed by the third party investor appears to be a stand-alone ground for recognition of this investor's right of sole proprietorship. **Methods:** general scientific methods of cognition and methods specific to legal science have been used. **Results:** according to the author, it is impossible to exclude any property from common property in case it was an independent investment during the house construction. **Conclusions:** the author concludes that the property intended to serve for some or all premises in an apartment house and having no independent purpose refers to common property owners regardless of who (owners or third-party investors) have financed its construction or acquisition.

Keywords: owner; Housing Code; Civil Code; apartment house; residential property; community property; investment agreement; equity participation in the construction; project declaration

Введение

Значимость общего имущества для собственников помещений в многоквартирном доме сложно переоценить. От его надлежащей эксплуатации во многом зависят комфорт и безопасность пребывания в жилых и нежилых помещениях дома. Кроме того, вопросы содержания и эксплуатации данного имущества напрямую влияют на материальные затраты собственников, которые обязаны в силу прямого указания закона (ст. 39 Жилищного кодекса РФ¹, далее – ЖК РФ) содержать данное имущество пропорционально размеру принадлежащей им на праве собственности площади.

Перечень имущества в многоквартирном доме, относящегося к числу общего, нормативно регламентирован. В то же время на практике возникают споры в части отнесения того или иного имущества к числу общего, при которых собственники помещений вынуждены доказывать наличие у них права собственности на это имущество.

Зачастую проблема признания имущества в многоквартирном доме общим зарождается еще на стадии проектирования многоквартирного дома и решения вопроса об источниках финансирования его строительства. Так, при возведении новых многоквартирных домов застройщики стремятся привлечь денежные средства за счет предложения невысоких цен за квадратный метр площади. Одним из практикуемых вариантов снижения стоимости квадратного метра жилья является «выведение» застройщиком некоторого имущества из числа общедомового за счет привлечения для его финансирования средств сторонних инвесторов, которые после сдачи дома в эксплуатацию получают возможность зарегистрировать за собой право единоличной собственности на указанное имущество. Юридически введение стороннего инвестора в процесс финансирования строительства общего имущества оформляется посредством указания в проектной декларации на дом и в договорах с будущими собственниками жилья на то, что некоторые конструктивные элементы дома не входят в число общедомового имущества, а являются «отдельными объектами инвестирования», право собственности на которые возникает непосредственно у финансировавшего

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31 янв. 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14.

их строительство инвестора. В итоге после сдачи дома в эксплуатацию нередко возникает судебный спор, в котором собственники помещений в многоквартирном доме доказывают наличие у них в силу закона права общей собственности на общедомовое имущество, в то время как инвесторы доказывают наличие у них права единоличной собственности, ссылаясь на факт самостоятельного финансирования данного имущества.

В настоящей статье мы проанализируем признаки общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме и предпримем попытку ответа на вопрос: является ли факт финансирования общедомового имущества сторонним инвестором самостоятельным основанием признания на это имущество права единоличной собственности инвестора. Для наглядности в качестве примера нами будет приведена распространенная в России практика привлечения застройщиками сторонних инвесторов для строительства в многоквартирных домах крышных блочно-модульных котельных¹, которые по указанным в проектной декларации условиям передаются в единоличную собственность инвесторов и исключаются из числа общедомового имущества.

Основное содержание

Согласно ст. 290 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ), собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры.

Согласно ст. 36 ЖК РФ, собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации,

иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы), а также крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения, земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства и иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома объекты, расположенные на указанном земельном участке.

Как верно в связи с этим отмечают в науке [3, с. 8], общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме являются те части дома, которые имеют вспомогательное, обслуживающее значение и не являются объектами индивидуальной собственности. Также обоснованно указывают на то, что общее имущество в многоквартирном доме не подлежит отчуждению, оно не участвует в гражданском обороте в качестве самостоятельного объекта. Не подлежат отчуждению и отдельные части общедомового имущества [2, с. 219].

Судебная практика в основе своей также идет по пути признания общедомовым имуществом такого, которое по своим признакам отвечает критериям, заложенным в ст. 290 ГК РФ и 36 ЖК РФ.

Согласно позиции Пленума Высшего Арбитражного суда РФ³, к общему имуществу здания относятся, в частности, помещения, предназначенные для обслуживания более одного помещения в здании, а также лестничные площадки, лестницы, холлы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном здании оборудование (технические подвалы), крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции этого здания, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения. Право общей долевой собственности на общее имущество принадлежит собственникам помещений в здании в силу закона вне зависимости от его

¹ Крышная блочно-модульная котельная представляет собой комплекс оборудования (газовые горелки, водяные котлы, насосы и т. п.), смонтированного в техническом помещении дома и предназначенного для его автономного теплоснабжения без присоединения к централизованной газовой магистрали.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 янв. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

³ О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64. П. 2, 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Указанная позиция поддерживается и в англо-американском правопорядке [3, с. 21].

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ¹, если внутри помещений, не являющихся частями квартир, расположено оборудование, предназначенное для обслуживания нужд владельцев помещений, т. е. общее имущество в многоквартирном доме, то и сами эти помещения, также предназначенные для обслуживания нескольких или всех помещений в этом доме и не имеющие самостоятельного назначения, относятся к общему имуществу собственников.

Таким образом, законодательство РФ и складывающаяся на его основе судебная практика определяют общедомовое имущество через его главный признак – особое целевое назначение, т. е. использование для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме.

В связи с этим нельзя не согласиться с высказываемым в юридической литературе мнением о том, что «при решении вопроса об отнесении того или иного элемента к общему имуществу следует руководствоваться признаками назначения этих элементов: первым признаком является предназначенность элемента для обслуживания более чем одного помещения, вторым признаком выступает предназначенность элемента для обслуживания всего многоквартирного дома» [1].

В итоге нам представляется невозможным исключение имущества из числа общедомового в ситуации, когда оно хоть и предназначено для обслуживания более чем одного помещения в доме, но при этом являлось самостоятельным объектом инвестирования при строительстве дома. В связи с этим видится спорной судебная практика², признающая, например, крышные блочно-модульные котельные в многоквартир-

ных домах не относящимися к общему имуществу собственников помещений лишь по тому основанию, что их создание финансировалось за счет средств стороннего инвестора, а не за счет собственников помещений.

Результаты

В обоснование заявленного довода укажем следующее.

Во-первых, считаем несостоятельными ссылки инвесторов на различные инвестиционные договоры о возведении имущества как на основания его исключения из числа общедомового. Полагаем, что данные инвестиционные договоры должны квалифицироваться как договоры купли-продажи недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем. Так, согласно правовой позиции Пленума ВАС РФ³, при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам глав 30 («Купля-продажа»), 37 («Подряд»), 55 («Простое товарищество») ГК РФ и др.

В соответствии с п. 1 ст. 549 ГК РФ, по договору купли-продажи недвижимости продавец обязуется передать в собственность покупателя недвижимое имущество. При этом продавец должен обладать правом на отчуждение имущества, а покупатель – правом на его приобретение.

При таких условиях заключенный между застройщиком и инвестором договор в отношении общего имущества многоквартирного дома является в силу ст. 168 ГК РФ недействительной сделкой, как нарушающий требования ст. 290 ГК РФ и ст. 36 ЖК РФ. С учетом того, что данная сделка посягает на охраняемые законом интересы третьих лиц (собственников помещений в многоквартирном доме), она может быть квалифицирована как ничтожная на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Следовательно, даже если инвестор осуществлял самостоятельное финансирование строительства общедомового имущества, он должен был понимать (презумпция предпринимательского риска), что регистрация единоличной собственности на это имущество будет невозможна

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб товариществ собственников жилья «Невский 163» и «Комсомольский проспект 71» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 290 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 мая 2009 г. № 489-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение ВАС РФ от 23 мая 2013 г. № ВАС-5796/13 по делу № А43-25007/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из информ. системы «Картотека арбитражных дел». URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).

³ О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54. П. 54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в силу прямого указания закона. Ссылаться при этом на принцип свободы договора инвестору недопустимо, поскольку данный принцип имеет свои границы, обусловленные не только защитой интересов третьих лиц, но и концепцией поддержания справедливости правового регулирования, на что неоднократно указывалось не только в отечественной, но и в зарубежной литературе [4, с. 31].

Кроме того, согласно правовой позиции Президиума ВАС РФ¹, факт финансирования создания общедомового имущества третьими лицами не наделяет последних правом единоличной собственности на данное имущество. Президиум указал, что необходимо учитывать особенности правового режима, установленного действующим законодательством в отношении общего имущества в многоквартирном доме. Критерием для отнесения того или иного оборудования дома к общему имуществу является его функциональное назначение, предполагающее его использование для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме. Недопустимо признание за сторонним инвестором единоличной собственности на общедомовое имущество со ссылкой на п. 1 ст. 218 ГК РФ, согласно которому право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом. После своего создания общедомовое имущество становится конструктивным элементом инженерного оборудования дома, утрачивает свойства самостоятельного объекта права собственности и в силу своего функционального назначения по окончании строительства дома подлежит передаче застройщиком (инвестором) собственникам помещений в доме вместе с иным инженерным оборудованием вне зависимости от каких-либо условий. Следовательно, фактическое выполнение сторонним инвестором за счет собственных средств работ по монтажу общедомового имущества само по себе не имеет правового значения для третьих лиц (собственников помещений в доме) и не может изменять правовой режим общедомового имущества, прямо определенный законом.

Во-вторых, считаем недопустимым указывать в проектной декларации многоквартирного дома на исключение из числа общедомового

такого имущества, которое по своим техническим признакам предназначено для обслуживания более чем одного помещения в доме.

Согласно ст. 19 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»², проектная декларация включает в себя информацию о застройщике и информацию о проекте строительства.

Проектная декларация публикуется застройщиком в средствах массовой информации и (или) размещается в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (в том числе в сети Интернет) не позднее чем за четырнадцать дней до дня заключения застройщиком договора с первым участником долевого строительства, а также представляется в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, и в контролирующий орган.

Застройщик обязан внести в проектную декларацию изменения, касающиеся сведений о застройщике и проекте строительства, а также фактов внесения изменений в проектную документацию, в течение трех рабочих дней со дня изменения соответствующих сведений.

Таким образом, проектная декларация заполняется на основе документации о застройщике и об объекте строительства. В частности, информация об объекте строительства вносится в проектную декларацию на основании документов, указанных в ст. 21 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», а именно:

- разрешение на строительство;
- технико-экономическое обоснование проекта строительства многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости;
- заключение экспертизы проектной документации, если проведение такой экспертизы установлено федеральным законом;
- проектная документация, включающая в себя все внесенные в нее изменения;
- документы, подтверждающие права застройщика на земельный участок.

Следовательно, проектная декларация должна соответствовать документации о за-

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 22 янв. 2013 г. № 10545/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В постановлении содержится указание о возможности пересмотра по новым обстоятельствам.

² Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Рос. газета. 2004. 31 дек.

стройшике и об объекте строительства и не может искажать сведения, содержащиеся в разрешении на строительство и в проектной документации.

С учетом того, что в разрешении на строительство и в проектной документации на многоквартирный дом те же самые крышные блочно-модульные котельные описываются как общедомовое имущество, то последующее искажение их статуса в проектной декларации должно признаваться нарушением застройщиком норм ФЗ «Об участии в долевом строительстве...»

Заключение

В итоге приходим к выводу о том, что имущество, предназначенное для обслуживания нескольких или всех помещений в многоквартирном доме и не имеющее самостоятельного назначения, относится к общедомовому имуществу вне зависимости от того, кто финансировал строительство или приобретение данного имущества. Требования к порядку отнесения имущества в многоквартирном доме к числу общего указаны в ст. 290 ГК РФ и 36 ЖК РФ, которые не содержат такого квалифицирующего признака, как «источник финансирования». В противном случае стало бы возможным отнесение к единоличной собственности третьих лиц, желавших понести соответствующие капиталовложения, лестничных маршей, лифтового оборудования, канализационных стояков многоквартирного дома и др.

Библиографический список

1. *Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации* / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. 720 с.
2. *Тихомиров М. Ю.* Общее имущество в многоквартирном доме: практ. пособие. М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2014. 110 с.
3. *Craswell R.* Contract Law // Handbook of Law and Economics. Vol. I; ed. by A. M. Polinsky and S. Shavell. 2007. 886 p.
4. *Laura S. Underkuffler.* Property: A Special Right, 71 // Notre Dame Law Review. 1995. Vol. 71. № 5. Pp. 1033–1047.

References

1. *Postatejnyj kommentarij k Zhilishchnomu kodeksu Rossijskoy Federatsii* / pod red. P. V. Krashenninnikova [Itemized Commentaries to the Housing Code of the Russian Federation; ed. by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2010. 720 p. (In Russ.).
2. *Tihomirov M. Yu.* Obshchee imushchestvo v mnogokvartirnom dome: prakticheskoe posobie [Common Property in an Apartment Building: Practical Handbook]. Moscow, 2014. 110 p. (In Russ.).
3. *Craswell R.* Contract Law. Handbook of Law and Economics. Vol. I; ed. by A. M. Polinsky and S. Shavell. 2007. 886 p. (In Eng.).
4. *Laura S. Underkuffler.* Property: A Special Right, 71. *Notre Dame Law Review*. 1995. Vol. 71, № 5. Pp. 1033–1047. (In Eng.).

ОТОЗВАНА / RETRACTED 26.06.2017

Информация для цитирования:

Морозов С. Ю. Правовые инструменты организации и самоорганизации отношений в сфере автомобильных перевозок: гражданско-правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 199–207. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207.

Morozov S. Yu. *Pravovye instrumenty organizatsii i samoorganizatsii otnosheniy v sfere avtomobil'nykh perevozok: grazhdansko-pravovoy aspekt* [Legal Tools for Organization and Self-Organization of Relations in the Sphere of Motor Transportation: Civil Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 199–207. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207.

УДК 374.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-199-207

**ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ И САМООРГАНИЗАЦИИ
ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

С. Ю. Морозов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой гражданского права и процесса
Ульяновский государственный университет
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 40
ORCID: 0000-0002-1522-8046
ResearcherID: D-6939-2016
e-mail: contact@ulsu.ru

Введение: в статье рассмотрены проблемы выбора гражданско-правовых средств, используемых для организации и самоорганизации общественных отношений в транспортной сфере. **Цель:** обосновывать возможность применения гражданско-правового договора как правового инструмента самоорганизации общественных отношений в сфере автомобильных перевозок. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический). Для получения новых знаний автор использовал также системный и инструментальный подходы. **Результаты:** по мнению автора, под правовыми средствами самоорганизации отношений в сфере автомобильных пассажирских перевозок следует понимать совокупность ненормативных правовых инструментов, позволяющих формировать синергетические связи, и на основе договора и конструктивного моделирования общественных отношений преодолевать препятствия на пути удовлетворения потребностей пассажиров в бесперебойных, своевременных, комфортных и безопасных перевозках за приемлемую плату. Автор настаивает на том, что для наиболее оптимальной организации пассажирских перевозок автомобильным транспортом необходимо разумное сочетание индивидуальных и нормативных правовых средств. В первую очередь следует применять такие индивидуальные (ненормативные) средства, как организационные гражданско-правовые отношения и гражданско-правовой договор. Также сделан вывод о том, что самоорганизация имеет неоспоримые преимущества перед нормативной организацией и управлением. Самомоделирование гражданских правоотношений с помощью индивидуальных правовых регуляторов возможно благодаря особенностям метода гражданско-правового регулирования. Нормам гражданского права отводится хотя и очень важная, но в то же время вспомогательная роль – направления синергетических процессов в

нужное русло и недопущения разрушения системы правовых связей. Только гражданско-правовые договоры и организационные правоотношения пригодны для регулирования синергетических процессов. **Выводы:** наиболее эффективными средствами самоорганизации общественных отношений между автомобильными перевозчиками и пассажирами являются гражданско-правовые организационные отношения и организационные гражданско-правовые договоры.

Ключевые слова: правовые средства; организация; самоорганизация; организационный договор; гражданско-правовые организационные отношения; автомобильный транспорт; пассажирские перевозки; правовая цель; правовой результат; синергетический потенциал

LEGAL TOOLS FOR ORGANIZATION AND SELF-ORGANIZATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF MOTOR TRANSPORTATION: CIVIL ASPECT

S. Yu. Morozov

Ulyanovsk State University
40, Goncharova st., Ulyanovsk, 432017, Russia
ORCID: 0000-0002-1522-8046
ResearcherID: D-6939-2016
e-mail: fgslaw@mail.ru

Introduction: the article considers problems of selection of civil tools used for organization and self-organization of public relations in the transport sphere. **Purpose:** the author proves the possibility to apply a civil contract as a legal instrument for self-organization of social relations in the sphere of motor transportation. **Methods:** the methodology of the research comprises a set of scientific methods, with a dialectic method playing the leading role. The author uses general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and specification) and specific scientific methods of research (technical, comparative law). Moreover, to obtain new knowledge the author uses both system and tool approaches. **Results:** according to the author, legal tools for self-organization of passenger transportation should be treated as a set of non-legislative instruments, able to generate synergistic relations and to overcome obstacles by means of mutual co-operation and effective modeling of public relations to meet passengers' needs in regular, timely, comfortable, and safe transportation at a reasonable price. The author insists on efficient combining both individual and legal means for the most optimal organization of passenger transportation. First of all it is necessary to use such individual (non-normative) tools, as organizational civil relations and a civil contract. Self-organization is concluded to have advantages over regulatory organization and management. Self-modeling of civil relations by means of individual legal regulators is possible due to characteristic features of the method of civil regulation. Civil law is considered to play a very important but still a secondary role in proper managing synergistic processes and preventing destruction of the system of legal relations. Only civil contracts and organizational relationship are appropriate to regulate synergistic processes. **Conclusions:** the most effective remedies for self-organization of public relations between automobile carriers and passengers are civil organizational relations and organizational civil contracts.

Keywords: legal tools; organization; self-organization; organizational contract; civil organizational relations; automobile transport; passenger transportation; legal purpose; legal result; synergistic potential

Введение

Вопрос о понятии «правовые средства» не является новым для отечественной науки. Этимологически слово «средство» происходит от лат. «средний», «серединный», поскольку в логической цепочке «цель – средство – результат» оно занимает промежуточное положение.

А. И. Экимов справедливо утверждает: «Цель существует только в связи со средством. Именно в средстве своей реализации та или иная цель получает свою определенность и конкретность. Поэтому определение специфически правовой цели предполагает обнаружение специфического средства ее осуществления» [29, с. 4].

Основной контент

В настоящее время применяется несколько методологических подходов для исследования понятия «правовые средства». Один из них называется инструментальным. М. А. Костенко поясняет: «С позиций инструментальной теории само право может быть рассмотрено и как система правовых средств, поскольку при помощи них формируются элементарные частицы правовой системы, из которых состоят такие правовые образования, как нормы, институты, подотрасли и отрасли» [13, с. 8]. Е. П. Губин видит ценность подхода Б. И. Пугинского к правовым средствам в том, что он показал «возможности правовых средств в процессе их использования в хозяйственной деятельности, принципиальные подходы к порядку их применения» [9, с. 262–263]. Ученый утверждает, что инструментальное учение представляется методологически и философски продуктивным и обоснованным [21, с. 24]. Б. И. Пугинский настаивает на том, что «правовые средства представляют собой сочетание (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению этих целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [20, с. 87]. Правовые средства, по мнению автора, хотя и используются в непосредственной связи с нормами права, но не охватываются ими и не сводятся к ним [20, с. 6].

Сторонником данной теории является С. Ю. Филиппова: «Нужда в применении правового инструментария возникает у субъектов правореализационной деятельности. Для того чтобы установленная правом возможность заработала, необходимо, чтобы предлагаемое правом решение субъект присвоил и облек в объективную форму фактического поведения. Так появляются правовые средства в деятельности субъекта» [25, с. 34–35].

Не согласен с таким подходом Н. А. Баринов, отмечающий, что «правовые средства потому и называются правовыми, что они предусматриваются правом. То, о чем пишет Б. И. Пугинский – свобода усмотрения субъектов хозяйственных отношений, само проистекает из факта наличия диспозитивных норм» [3, с. 91]. Вслед за Н. А. Бариновым выражает несогласие с позицией Б. И. Пугинского Я. С. Гришина, которая сомневается в нецелесообразности отнесения правовых норм к правовым средствам [8, с. 6–7]. Н. А. Баринов под правовыми средствами понимает «юридические возможности, заложенные в нормах гражданского законодательства, которые используются в процессе реализации этих норм» [4, с. 49].

По справедливому утверждению А. В. Малько, понятие «правовые средства» позволяет обобщить те явления (процессы и инструменты), которые призваны обеспечить достижение поставленных целей. Главное в теории правовых средств, «какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значимых результатов» [17, с. 42]. Важным назначением правовых средств, по мнению автора, является связывание результата и цели. Исходя из этого для правовых средств парными категориями следует считать правовую цель и правовой результат.

Мы разделяем мнение Б. И. Пугинского и С. Ю. Филипповой, называющих удовлетворение человеческих потребностей смыслом категории «правовые средства». В этой части имеет место общность взглядов названных ученых и Н. А. Баринова, полагающего, что «характерным для всех указанных средств является то, что они имеют своей целью удовлетворение имущественных потребностей граждан» [3, с. 102]. Следовательно, понятие «правовой результат» означает результат, который удовлетворяет либо не удовлетворяет человека, а потому может быть оценен только человеком. Если же взглянуть на данную проблему под другим ракурсом, то способность постановки правовых целей присуща только человеческому сознанию. Следовательно, человек стоит и в начале и в конце логической цепочки «цель – средство – результат». Таким образом, вывод Б. И. Пугинского и С. Ю. Филипповой о неразрывной связанности правовых средств с человеческим поведением представляется логичным. Правовые возможности, о которых говорит Н. А. Баринов, можно реализовать только посредством человеческой деятельности, которая зачастую связана с применением правовых норм. В таком случае правовые нормы вполне могут играть роль правового инструмента. Поэтому сомнительным видится аргумент С. Ю. Филипповой о неспособности права удовлетворять правовые цели субъектов. На взгляд автора, любой правовой инструмент представляет собой человеческую деятельность, что, с нашей точки зрения, реальной действительности не соответствует. Нельзя же отождествлять ключ и открывание замка. Конечно, инструмент является «мертвым» без приложения усилий человека, но от этого он не теряет качества инструмента. К тому же относимые Б. И. Пугинским к правовым средствам правоспособность и дееспособность [20, с. 92–93] к действиям не относятся. Они обозначают

лишь потенциальную возможность совершения действий, предусмотренных правом.

Вряд ли можно поддержать точку зрения Б. С. Монгуш, определяющей правовые средства как совокупность нормативных установлений, институтов, приемов и деятельность субъектов права по их реализации [18, с. 43]. Правовые инструменты нельзя смешивать с деятельностью по применению правовых средств, так же как нельзя отождествлять молоток с забиванием гвоздей.

Нельзя отождествлять понятия «правовые средства» и «правовые способы», несмотря на их тесную связь, поскольку можно применять различные правовые инструменты одним и тем же способом. И наоборот, используя один и тот же инструмент, можно достичь результата разными способами. Известны, например, различные способы воздействия норм права на одни и те же общественные отношения (императивным и диспозитивным методами). Однако не следует скидывать со счетов случаи «совпадения» средств и способов (иск, претензия, жалоба и др.). При этом, наши рассуждения не опровергают существования средств-деяний. Никто, например, не сомневается в том, что договор одновременно является и правовым средством и действием, направленным на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Резюмируя сказанное, отметим, что в качестве правовых средств следует рассматривать далеко не все способы достижения правовых целей. Примером может служить самоорганизация отношений по перевозке пассажиров. Она является лишь способом достижения правового результата – систематического получения услуг по перевозке пассажиров и багажа.

Использование инструментального подхода в теории правовых средств породило многообразие позиций по данной проблеме. Так, С. С. Алексеев к системе правовых средств относил (правовой инструментарий) воздействия на общественные отношения такие элементы механизма правового регулирования, как юридические нормы, правовые отношения, акты реализации прав и обязанностей и факультативно – индивидуальное предписание и акты применения права [1, с. 319–320]. В общетеоретическом плане автор под правовыми средствами понимал институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную суть права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров [2, с. 218]. При таком подходе не нашлось места среди правовых инструментов средствам-деяниям. По мнению К. В. Шундикова, к правовым средствам следует относить нормы права,

правовые принципы и презумпции, субъективные права и юридические обязанности, запреты и санкции, льготы и поощрения, юридические факты, правовые отношения, правовые институты, процедуры, режимы и механизмы, договоры и правоприменительные акты, разнообразные правореализационные действия и операции и проч. [28, с. 13–17]. Придерживаясь аналогичной позиции и О. Н. Бобровская, но уже применительно к гражданско-правовым средствам удовлетворения потребностей граждан в жилье [5, с. 43]. Следует обратить внимание, что названные авторы к числу правовых средств относят правовые отношения.

Не ставя перед собой задачу рассмотрения всех проблемных вопросов, связанных с правовыми средствами, мы считаем важным вопрос о выделении и анализе гражданско-правовых средств, которые можно применять для самоорганизации правоотношений по перевозке пассажиров автомобильным транспортом. Ввиду того, что гражданскому праву присущи диспозитивные начала, оно представляет собой благоприятную среду для самоорганизации общественных отношений. Возможность участников общественных отношений использовать возможности выбора вариантов своего поведения, действовать по своему усмотрению и проявлять разумную инициативу связаны с особенностями метода гражданско-правового регулирования, на важную роль которого обращал внимание В. Ф. Яковлев. Именно он (метод), по мнению ученого, позволяет раскрыть юридические черты каждой отрасли права в их органическом единстве и своеобразии ее воздействия на поведение людей. Само моделирование гражданских правоотношений с помощью индивидуальных правовых регуляторов также возможно благодаря особенностям метода гражданско-правового регулирования. Учет самоорганизационных начал гражданского права, отмечает В. Л. Яроцкий, «в значительной мере влияет и на процессы нормативного закрепления юридических конструкций, применение которых обусловлено диспозитивностью метода гражданско-правового регулирования» [31, с. 100]. В транспортном праве, представляющем собой комплексное правовое образование, органично сочетаются частноправовые и публично-правовые начала. Поэтому невозможно удовлетворить потребности граждан в систематических перевозках автомобильным транспортом без помощи как гражданско-правовых средств, так и средств публично-правового воздействия. Следует также отметить, что самоорганизация имеет неоспоримые преимущества перед нормативной организацией и управлением.

Мнения о неэффективности командного стиля хозяйствования в литературе высказывались не один раз. По мнению Р. А. Ханнанова, «практика хозяйствования последних лет показала, что страна не была готова к преобразованиям. ...В результате такого поспешного ненаучного подхода к будущему экономики снова стал реанимироваться субъективный, командный стиль в хозяйствовании» [26, с. 1234]. Соответственно данный вывод проецируется и на публично-правовые средства. Применительно к сфере образования С. В. Куров отмечает, что «публично-правовые средства обеспечения качества образования, закрепленные в нормативных актах, обнаруживают свою неполноту, отсутствие системы (разрозненность), противоречивость» [16, с. 52]. Можно сказать то же самое и в отношении правовых инструментов, применяемых в сфере пассажирских перевозок. Для самоорганизации общественных отношений необходимы специфические правовые средства. «Практика показывает, – отмечает И. В. Цветков, – что правовые средства-установления мало пригодны для самоорганизации деятельности хозяйствующих субъектов. Конечно, они содействуют самоорганизации, но не более того. Реальная самоорганизация достигается посредством активного задействования доступных многочисленным субъектам рынка индивидуальных (ненормативных) частноправовых средств-деяний и никак иначе» [27, с. 44].

По виду правового регулирования правовые средства классифицируются следующим образом: «Средства бывают нормативные (установленные в нормах права запреты, поощрения, обязанности и т.п.) и индивидуальные (акты непосредственной реализации права)» [23, с. 123]. Наиболее оптимально организовать пассажирские перевозки автомобильным транспортом позволит разумное сочетание индивидуальных и нормативных правовых средств, под которыми понимается применение в первую очередь индивидуальных (ненормативных) средств деяний, таких как организационные гражданско-правовые отношения и гражданско-правовой договор. Нужда в нормативных средствах проявляется при определении рамок применения правовых средств самоорганизации и направления синергетического процесса по правильному пути. Следует согласиться с В. Ф. Яковлевым в том, что «нормы гражданского права, как правило, рассчитаны на дополнение нормативного регулирования индивидуальной регламентацией отношений по усмотрению соучастников гражданско-правовых связей» [30, с. 41]. Однако в данном конкретном случае акценты необходимо поменять. Индиви-

дуальная регламентация отношений должна выйти на первый план, поскольку правовая самоорганизация общественных отношений возможна только в ее рамках. Нормам гражданского права отводится хотя и очень важная, но в то же время вспомогательная роль направления синергетических процессов в нужное русло и недопущения разрушения системы правовых связей. Только гражданско-правовые договоры и организационные правоотношения пригодны для регулирования синергетических процессов. Именно этим обусловлен их выбор в качестве правовых средств самоорганизации гражданско-правовых отношений по перевозке пассажиров автомобильным транспортом. К самоорганизующимся системам (подсистемам), к которым относится и современная рыночная экономика, отмечает И. В. Цветков, обычные методы внешнего линейного управления, в т. ч. и правового, неприменимы, поскольку это вызывает возникновение в управляемой подсистеме процессов, противодействующих внешнему управляющему воздействию [27, с. 51]. Это обуславливает необходимость краткой характеристики каждого из названных средств-деяний.

Одной из форм относительно бесконфликтного развития, в которой, в частности, реализуется действие закона динамического равновесия, является договор [11, с. 35–41]. О том, что гражданско-правовой договор играет значительную роль в регулировании гражданско-правовых отношений в условиях рыночной экономики, в юридической и экономической литературе внимание обращалось не раз. По свидетельству Р. А. Ханнанова, «в условиях рыночной организации экономики договорное регулирование приобретает силу саморегулирования, отражающего естественное первоначало как инстинктивно возникающую потребность человека, общества в согласительном регулировании их взаимных связей» [26, с. 1240]. Гражданско-правовой договор обоснованно называют универсальным средством самоорганизации гражданско-правовых отношений. Дело в том, что высокую адаптивность системы правового регулирования к вызовам внешней среды, нормативные правовые средства обеспечить не способны. Объяснение такому положению дел дает В. В. Залесский, по мнению которого развитие гражданско-правовых договорных отношений всегда «обгоняет законотворческую деятельность, подталкивая законодателя к фиксации и регулированию стихийно сложившегося порядка взаимоотношений. Противостоять этому процессу невозможно. Это – процесс самоорганизации общественных отношений, отражающий складывающийся на данный момент переход от хаоса бесчисленного множества отноше-

ний неопределенного числа субъектов права к порядку» [10, с. 91]. Поэтому обеспечиваемая гражданско-правовыми договорами самоорганизация позволяет гражданскому праву оперативно реагировать на динамику изменяющихся рыночных отношений.

В развитие данной темы следует затронуть вопрос о соотношении гражданско-правового договора с аналогичными конструкциями, используемыми другими отраслями права, например, с нормативным договором. Данный правовой инструмент, по мнению М. А. Нечитайло, представляет собой «совместный правовой акт, так как он выражает два или множество обособленных волеизъявлений. Тогда как посредством единоличного одностороннего волеизъявления порождается нормативно-правовой акт. В этом основное отличие указанных источников права – нормативно-правового акта и нормативного договора» [19, с. 37]. Ю. Ю. Кулакова одним из важнейших признаков нормативного договора называет наличие в тексте договора правовой нормы. По утверждению автора, «договорная норма – это согласованная норма, нормативное установление, выработанное посредством соглашения. В этом и, по сути, только в этом заключается специфика договорного нормативного установления» [15, с. 6]. Встречаются также суждения о том, что «нормативные договоры по содержанию – правовые акты, а по форме – договоры» [24, с. 5]. На наш взгляд, при отождествлении нормы права и условий договора, совокупность которых признается правовым актом, происходит выхолащивание сущности договора как индивидуального регулятора правовых отношений. Нормативный договор, в отличие от гражданско-правового договора, устанавливает права и обязанности для неопределенного круга лиц. Он выражает публичные интересы, поэтому непригоден для регулирования частных отношений по перевозке пассажиров.

Представляется, что заключение договора организации перевозок пассажиров должно происходить не в целях придания другого смысла административно-правовым отношениям, а для реализации возможности использовать синергетический потенциал гражданского права и предоставления перевозчикам возможности на основе сотрудничества с органами местного самоуправления выступать равноправными соорганизаторами транспортного процесса. Практика, к сожалению, свидетельствует о многочисленных злоупотреблениях органами местного самоуправления при заключении и исполнении договоров об организации перевозок пассажиров. Так, например, муниципальное образование город Пермь на основании своего решения № 138 незаконно требовало с перевозчика ООО «Тех-

строй-Авто» уплаты в бюджет 8 963 605 руб. за право заключения договора об организации пассажирских перевозок. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что орган местного самоуправления издал не соответствующий закону акт, чем нанес перевозчику убытки¹.

Гражданско-правовые организационные отношения можно рассматривать в качестве средства самоорганизации правоотношений по перевозке пассажиров наряду с гражданско-правовым договором. О. А. Красавчиков организационными отношениями называл «построенные на началах координации или субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований» [14, с. 163]. До того как концепция О. А. Красавчикова стала достоянием юридической общественности, организационные отношения рассматривались исключительно как административные. С. Н. Братусь, например, полагал, что организационные отношения, понимаемые как отношения управления (административные), не сливаются с отношениями имущественными [6, с. 61]. Ученый также подчеркивал, что управление и организационная деятельность – это не метод правового регулирования, а особый вид общественных отношений [6, с. 64]. О. А. Красавчиков говорил именно о горизонтальных организационных отношениях, построенных на началах координации, на которые право воздействует методом юридического равенства сторон.

Выделим из всего многообразия организационных отношений только те, которые являются одновременно относительными, договорными и внешними. Такой избирательный подход обусловлен тем, что только гражданско-правовой договор способен породить организационные и самоорганизационные правоотношения и обладает синергетическим потенциалом. Он «вносит юридически выражаемую и закрепляемую организованность во взаимосвязанную деятельность контрагентов» [22, с. 55]. Никакие иные частно-правовые, а тем более публично-правовые средства, отмечает Б. И. Пугинский, синергетическим эффектом не обладают [20, с. 88].

Организационные договоры направлены на организацию иных договорных правоотношений. О. Ю. Скворцов полагает, что выделение организационных договоров в качестве особой разновидности гражданско-правовых договоров обусловлено характером определенного рода

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № ВАС-8440/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

системных связей, складывающихся между субъектами гражданского оборота и имеющих целью такую организацию отношений, которая в дальнейшем позволит достичь некий экономический результат [7, с. 850–851]. В. В. Ровный объясняет усиление организационного компонента в предмете гражданского права «непосредственной связью с переходом от государственно регулируемой к многоукладной рыночной экономике, ее демократизацией и централизацией всего хозяйственного механизма, развитием хозяйственной самостоятельности, предпринимательства, а вместе с этим – и самого гражданского (частного) права» [7, с. 25].

Организационные договоры, как правовые инструменты, ценны тем, что они позволяют самоорганизовать не только правоотношения, возникающие непосредственно из них, но и обязательственные правоотношения, возникающие из организуемых договоров. Учитывая эту их двойную ценность, полагаем, что перевозка пассажиров автомобильным транспортом может быть эффективно организована только при помощи этих правовых средств. О. В. Карпеев, оценивая эффект применения организационных договоров для организации перевозок, отмечает, что порождаемые ими «организационные отношения направлены на упорядочение деятельности исполнителей по оказанию услуги по перевозке, они придают этой деятельности новое качество, и в этом смысле оказывают определенное влияние и на формирование отношений между перевозчиками и ... пассажиром» [12, с. 49]. Между тем в сфере пассажирских перевозок автомобильным транспортом гражданско-правовой организационный договор остается явно недооцененным правовым инструментом. Вместо того чтобы налаживать двойное сотрудничество (в организационных и организуемых обязательствах), органы местного самоуправления продолжают применять административно-правовые договоры, которые пригодны лишь для целей линейного управления, но не для организации, а тем более самоорганизации перевозочного процесса.

Выводы

1. Под правовыми средствами самоорганизации автомобильных пассажирских перевозок следует понимать совокупность ненормативных правовых инструментов, способных формировать синергетические связи и позволяющих путем взаимного сотрудничества и самомоделирования общественных отношений преодолевать препятствия на пути удовлетворения потребностей пассажиров в бесперебойных, своевременных, комфортных и безопасных перевозках за приемлемую плату.

2. Наиболее эффективными средствами самоорганизации общественных отношений между автомобильными перевозчиками и пассажирами являются гражданско-правовые организационные отношения и организационные гражданско-правовые договоры. Нормативные средства правового воздействия, в том числе на административные отношения в данной сфере хозяйственной деятельности, должны играть вспомогательную роль, а именно устанавливать рамки самоорганизации общественных отношений.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
3. Баринов Н. А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. 396 с.
4. Баринов Н. А., Калмыков Ю. Х. Правовые средства обеспечения потребностей граждан // Гражданское право и сфера обслуживания: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 47–55.
5. Бобровская О. Н. Система гражданско-правовых средств удовлетворения потребностей граждан в жилье // Гражданское право. 2012. № 6. С. 43–47.
6. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. 197 с.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2010. Т. 1. 1008 с.
8. Гришина Я. С. Средства правового регулирования отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей граждан // Гражданское право. 2012. № 6. С. 5–8.
9. Губин Е. П. Средства государственного регулирования рыночной экономики и правовые формы их опосредования в Российской Федерации // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и Республике Македонии: сб. науч. ст. М.: Статут, 2006. Вып. 1. С. 261–272.
10. Залесский В. В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 85–92.
11. Залесский В. В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2007. № 10. С. 35–41.
12. Карпеев О. В. Правовое регулирование организации перевозки в прямом смешанном сообщении: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2012. 223 с.

13. Костенко М.А. Классификация правовых средств правовой политики // Современное право. 2010. № 8. С. 7–9.
14. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. 431 с.
15. Кулакова Ю.Ю. Место нормативно-правового договора в системе форм права // История государства и права. 2007. № 8. С. 5–7.
16. Куров С.В. Правовые средства обеспечения качества образования // Право и образование. 2003. № 5. С. 44–56.
17. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. М.: Юрист 2000. 255 с.
18. Монгуш Б.С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Жилищное право. 2002. № 2. С. 43–44.
19. Нечитайло М.А. Нормативный договор как источник прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 188 с.
20. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с.
21. Пугинский Б.И. Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2011. № 3. С. 22–31.
22. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. 224 с.
23. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Норма, 2003. 528 с.
24. Трошина С.М. Совершенствование системы юридических источников регулирования трудовых отношений в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 23 с.
25. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.
26. Ханнанов Р.А. Саморегулирование социально-экономических отношений: теоретические основы и значение для инновационного развития России // Право и политика. 2010. № 7. С. 1234–1249.
27. Цветков И.В. Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 336 с.
28. Шундилов К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
29. Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. 16 с.
30. Яковлев В.Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных

отношений // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 360–379.

31. Яроцкий В.Л. Правовая система Украины: история, состояние и перспективы: в 5 т. Харьков: Право, 2011. Т. 3. 680 с.

References

1. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascension to the Law. Searches and Decisions]. Moscow, 2001. 752 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Teoriya prava*. [The Theory of Law]. Moscow, 1995. 320 p. (In Russ.).
3. Barinov N. A. *Grazhdansko-pravovye problemy udovletvoreniya imushchestvennykh potrebnostey sovetskikh grazhdan: diss. kand. jurid. nauk*. [Civil Law Problems of Meeting Soviet Citizens' Needs for Property: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1987. 396 p. (In Russ.).
4. Barinov N. A., Kalmykov Yu. Kh. *Pravovye sredstva obespecheniya potrebnostey grazhdan* [Legal Means of Meeting Citizens' Needs]. *Grazhdanskoe pravo i sfera obsluzhivaniya: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Civil Law and the Service Sector: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk, 1984. Pp. 47–55. (In Russ.).
5. Bobrovskaya O. N. *Sistema grazhdansko-pravovykh sredstv udovletvoreniya potrebnostey grazhdan v zhil'ye* [The System of Civil Law Means for Meeting Citizens' Housing Needs]. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 2012. Issue 6. Pp. 43–47. (In Russ.).
6. Bratus' S. N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Subject and the System of the Soviet Civil Law]. Moscow, 1963. 197 p. (In Russ.).
7. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A. P. Sergeeva* [Civil Law: Textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev]. Moscow, 2001. Vol. 3. 1008 p. (In Russ.).
8. Grishina Ya. S. *Sredstva pravovogo regulirovaniya otnosheniy po udovletvoreniiu sotsial'no-imushchestvennykh potrebnostey grazhdan* [Means of Legal Regulation of the Relations on Meeting Citizens' Social and Property Needs]. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 2012. Issue 6. Pp. 5–8. (In Russ.).
9. Gubin E. P. *Sredstva gosudarstvennogo regulirovaniya rynochnoy ekonomiki i pravovye formy ikh oposredovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Means of State Regulation of Market Economy and Legal Forms of Their Mediation in the Russian Federation]. *Aktual'nye voprosy gosudarstva i prava v Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Makedonii: sb. nauch. statey* – Current Issues of the State and Law in the Russian Federation and the Republic of Macedonia.

- Collection of Scientific Articles. 2006. Issue 1. Pp. 261–272. (In Russ.).
10. Zalesskiy V. V. *Veroyatnost' i samoorganizatsiya v grazhdanskom prave* [Probability and Self-Organization in Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2005. Issue 10. Pp. 85–92. (In Russ.).
11. Zalesskiy V. V. *Zakony prirody i zakony yuridicheskie* [Laws of Nature Jurisprudence]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2007. Issue 10. Pp. 35–41. (In Russ.).
12. Karpeev O. V. *Pravovoe regulirovanie organizatsii perevozki v pryamom smeshannom soobshchenii: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Legal Regulation of Transportation Organization in Direct Mixed Connection: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2012. 223 p. (In Russ.).
13. Kostenko M. A. *Klassifikatsiya pravovykh sredstv pravovoy politiki* [Classification of Legal Means of Legal Policy]. *Sovremennoe pravo* – The Modern Law. 2010. Issue 8. Pp. 7–9. (In Russ.).
14. Krasavchikov O. A. *Organizatsionnye grazhdansko-pravovye otnosheniya. Antologiya ural'skoy tsivilistiki: 1925–1989* [Organizational Civil Law Relations. Anthology of Ural Civil Law]. Moscow, 2001. 431 p. (In Russ.).
15. Kulakova Yu. Yu. *Mesto normativno-pravovogo dogovora v sisteme form prava* [The Place of the Regulatory Agreement in the System of Law Forms]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of the State and Law. 2007. Issue 8. Pp. 5–7. (In Russ.).
16. Kurov S. V. *Pravovye sredstva obespecheniya kachestva obrazovaniya* [The Legal Means of Quality Assurance in Education]. *Pravo i obrazovanie* – Law and Education. 2003. Issue 5. Pp. 44–56. (In Russ.).
17. Malko A. V. *Politicheskaya i pravovaya zhizn' Rossii* [The Political and Legal Life of Russia]. Moscow, 2000. 255 p. (In Russ.).
18. Mongush B. S. *Kategoriya «pravovye sredstva» primenitel'no k zashchite sub'ektivnogo grazhdanskogo prava* [The Category of “Legal Means” in Relation to the Protection of Subjective Civil Law]. *Zhilishchnoe parvo* – Housing Law. 2002. Issue 2. Pp. 43–44. (In Russ.).
19. Nechitaylo M. A. *Normativnyy dogovor kak istochnik prav: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [The Normative Contract as a Source of Rights: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2002. 188 p. (In Russ.).
20. Puginskiy B. I. *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh* [Civil Law Means in Economic Relations]. Moscow, 1984. 224 p. (In Russ.).
21. Puginskiy B. I. *Instrumental'naya teoriya pravovogo regulirovaniya* [Instrumental Theory of Legal Regulation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 11: Pravo* – MSU Vestnik. Series 11. Law. 2011. Issue 3 Pp. 22–31. (In Russ.).
22. Puginskiy B. I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [Theory and Practice of Contractual Regulation]. Moscow, 2008. 224 p. (In Russ.).
23. *Rossiyskaya pravovaya politika: Kurs lektiy / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Malko* [Russian Legal Policy: Course of Lectures; ed. by N. I. Matuzov and A. V. Malko]. Moscow, 2003. 528 p. (In Russ.).
24. Troshina S. M. *Sovershenstvovanie sistemy yuridicheskikh istochnikov regulirovaniya trudovykh otnosheniy v RF: avtoref. dis. ...kand. jurid. nauk.* [Improving the System of Legal Sources of Labour Relations Regulation in the Russian Federation: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1993. 23 p. (In Russ.).
25. Filippova S. Yu. *Instrumental'nyy podkhod v nauke chastnogo prava* [The Instrumental Approach to the Science of Private Law]. Moscow, 2013. 350 p. (In Russ.).
26. Khamanov R. A. *Samoregulirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy: teoreticheskie osnovy i znachenie dlya innovatsionnogo razvitiya Rossii* [Self-Regulation of Socio-Economic Relations: Theoretical Foundations and Importance for the Innovative Development of Russia]. *Pravo i politika* – Law and Politics. 2010. Issue 7. Pp. 1234–1249. (In Russ.).
27. Tsvetkov I. V. *Dogovornaya distsiplina v predprinimatel'skoy deyatel'nosti: dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Contractual Discipline in Entrepreneurship: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 336 p. (In Russ.).
28. Shundikov K. V. *Tseli i sredstva v prave (obshcheteoreticheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [The Purposes and Means in Law (General Theoretical Aspect): Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 24 p. (In Russ.).
29. Ekimov A. I. *Kategoriya «tsel'» v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Category “Purpose” in the Soviet Law: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1970. 16 p. (In Russ.).
30. Yakovlev V. F. *K probleme grazhdansko-pravovogo metoda regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy.* [On the Issue of Civil Law Method of Social Relations Regulation]. *Antologiya ural'skoy tsivilistiki. 1925–1989* [Anthology Ural Civil Law in 1925–1989]. Moscow, 2001. Pp. 360–379. (In Russ.).
31. Yarotskiy V. L. *Pravovaya sistema Ukrainy: istoriya, sostoyanie i perspektivy: v 5 t.* [The Legal System of Ukraine: History, Current State and Prospects: in 5 vols.]. Kharkov: Pravo, 2011. Vol. 3. 680 p. (In Russ.).

Информация для цитирования:

Ниязова А. Н. Пределы и ограничения права собственности на землю: анализ подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 208–215. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-208-215.

Niyazova A. N. *Predely i ogranicheniya prava sobstvennosti na zemlyu: analiz podkhodov* [Limits and Limitations of the Title to Land: Analysis of Approaches]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 208–215. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-208-215.

УДК 347.235.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-208-215

**ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
НА ЗЕМЛЮ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ**

А. Н. Ниязова

Кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского права и процесса, и. о. профессора

Кыргызско-Российский Славянский университет

720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

ORCID: 0000-0003-0926-6174

ResearcherID: G-3102-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-68-73

e-mail: a_niazova@mail.ru

Введение: статья посвящена обзору и анализу существующих в теории права и гражданском праве подходов и позиций по вопросу о содержании и соотношении понятий «ограничения», «пределы», «обременения». Указанные правовые категории имеют различное функциональное значение, что очевидно как при анализе их содержания, так и реализации субъективного права собственности. В связи с этим понимание анализируемых категорий приобретает особое значение. **Цель:** сформировать представление о существующих различных воззрениях на содержание категорий «ограничения», «пределы», «обременения» и обозначить собственную авторскую позицию. **Методы:** совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимают диалектический метод; эмпирические методы описания, сравнения; методы аналогии, абстракции, структурно-функциональный метод. **Результаты:** пределы и ограничения имманентно присущи праву собственности. Пределы права собственности представляются автору общими, законодательно очерченными рамками, за которые управомоченное лицо не вправе выходить, чтобы не причинить вред интересам других лиц. Под ограничениями понимаются изъятия из содержания права собственности, связанные с наложением на собственника запретов, формулируемых, как правило, через императивные нормы. **Выводы:** пределы (вне зависимости от отнесения их к категории общих или частных) представляют собой обьективированную, сравнительно более статичную категорию, а природа, характер и содержание обременений и ограничений вполне способны варьировать с изменением и развитием как самих общественных отношений, так и условий, а также предпосылок для осуществления субъективного права собственности. Предлагается установление законодателем принципов пределов и ограничений как субъективного права собственности, так и права собственности на землю.

Ключевые слова: право собственности; правомочия; пределы, ограничения; обременения; субъективное право; интересы; правовые стимулы; собственник; запреты

LIMITS AND LIMITATIONS OF THE TITLE TO LAND: ANALYSIS OF APPROACHES

A. N. Niyazova

Kyrgyz Russian Slavic University
44, Kievskaya st., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic

ORCID: 0000-0003-0926-6174

ResearcherID: G-3102-2016

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-68-73

e-mail: a_niazova@mail.ru

Introduction: the article reviews and analyzes the existing legal theory and civil law approaches and positions on the content and relationships of the concepts of “restriction”, “limit”, “encumbrance”. These legal categories have different functional importance, which is evident from both analysis of their content and implementation of the subjective property right. Therefore, understanding the categories under consideration is of particular importance. **Purpose:** to form the idea of the existing different views on the content of the categories of “restriction”, “limit”, “encumbrance” and to present our own position on the issue. **Methods:** methodological framework of the research is based on a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical method is the leading one; also, empirical methods of descriptions, comparison, as well as methods of analogy, abstraction, and the structural-functional method have been used. **Results:** limits and restrictions are inherent to the right of ownership. According to the author, limits of the right of ownership appear to be general frameworks determined by law, and the authorized person cannot go beyond them in order not to harm interests of other persons. Restrictions are understood as exemptions from the content of the property right associated with the imposition of restrictions on the owner, those being as a rule formulated through mandatory rules. **Conclusions:** limits (regardless of whether they belong to public or private ones) appear to be an objectified and relatively more static category, while the nature and content of encumbrances and restrictions can vary in the course of changes and development of both public relations themselves and conditions, as well as prerequisites for the implementation of the property right. It is proposed that the legislator should establish the principles of limits and restrictions for both subjective property rights and the title to land.

Keywords: property right; legal powers, limits; restrictions;
encumbrances; subjective right; interests; legal incentives; owner; bans

Введение

Одним из ключевых актуальных и дискуссионных в гражданском праве современного Кыргызстана является вопрос о возможных пределах, ограничениях и обременениях права собственности в целом и права собственности на землю в частности. Это объясняется тем, что рассматриваемый институт в значительной степени подвержен проникновению так называемого внешнего мира, в т. ч. публичного права.

В свою очередь, научный анализ возможных стеснений, устанавливаемых различными обременениями и ограничениями, представляется необходимым начать с исследования собственно самой «материи», подлежащей подобного рода правовым манипуляциям.

Напомним о существующей презумпции. Осуществление собственником своих существующих правомочий, заложенных в праве соб-

ственности, возлагается на его собственное усмотрение и не может быть подвергнуто какому-то дополнительному правовому регулированию, поскольку будет являться необоснованным вмешательством в сферу хозяйственного господства лица над принадлежащей ему собственностью (вещью).

Полнота господства собственности при этом верифицируется как в поведении носителя субъективного права, так и в действующих нормах объективного права. Необходимо отметить, что субъективное право представляет собой установленные законом определенную меру и вид возможного поведения или создаваемую и гарантированную государством (через нормы объективного права) особую юридическую возможность совершать какие-либо необходимые действия, позволяющую субъекту (как носителю такой возможности) вести себя

определенным образом, пользоваться существующими социальными благами, требовать соответствующего поведения от других лиц, общества, обращаться при необходимости к компетентным органам государства за соответствующей защитой в целях полноценного удовлетворения своих личных потребностей и интересов, никак не противоречащих общественным [15, с. 22].

По-нашему мнению, все существующие в юридической литературе дефиниции субъективного права могут быть объяснены, прежде всего, тем, что субъективное право рассматривается одновременно и как средство, и как объект правового воздействия.

Осуществляя свое субъективное право собственности, субъект обычно преследует достижение каких-либо собственных социально-экономических или юридических целей. Процесс удовлетворения субъектом собственных потребностей (будучи реальными, конкретными действиями управомоченного лица) неизбежно имеет волевой характер. Субъект права собственности, обладая некоей автономией воли, а также личной инициативностью, вправе самостоятельно выбирать из множества существующих вполне определенные, конкретные способы и средства достижения обозначенной цели.

В то же время вполне закономерным видится вопрос о том, насколько совместимы воля собственника и его мера свободы с подобными же условиями и предпосылками осуществления права всех иных субъектов, действующих в общественном пространстве. Некоторыми исследователями индивидуальная свобода и собственность нередко рассматриваются как однопорядковые общественные явления. При этом свобода трактуется как осознанная необходимость, в то же время, в понятии и содержании собственности нет элементов «необходимостей», «долженствований» или «ограничений», обусловленных имеющимися общественными потребностями и интересами, а также определенными особенностями объектов права собственности.

Основное содержание

Безусловно, власть и свобода собственника имеют действие до определенных границ, установленных, прежде всего, в интересах общества, т. е. третьих лиц. При этом собственник также является составной частью самого общества и поэтому соглашается на определенные для себя «ограничения» и «стеснения». Поэтому субъективное право собственности, характерное для частных лиц, выстраивается в соответствии с нуждами всего гражданского оборота и всех

потребностей общества, в котором субъект-собственник осуществляет реализацию права, и не только с точки зрения интересов субъектов права собственности. Собственно говоря, ограничения выступают имманентно частью самой структуры права собственности.

Ряд норм относительно возможных ограничений существующих прав и свобод отдельного гражданина содержатся в Основном законе – Конституции Кыргызской Республики. Так, согласно конституционной норме, отдельные права и свободы гражданина в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц могут быть ограничены Конституцией и законами. При этом вводимые ограничения должны быть полностью соразмерными указанным целям. Установлено, согласно норме ст. 12 Конституции, что пределы и порядок осуществления собственником своих имеющихся прав и гарантии их защиты определяют только законом.

В отношении права собственности на землю рассмотрение и исследование в различных существующих правовых системах законодательных подходов к установлению определенных пределов и ограничений четко свидетельствует о том, что в целом, имеющаяся выраженная тенденция к росту удельного веса различных ограничений права собственности, лишь отражает диалектику движения от принципа «неограниченной свободы» к принципу «ограниченной свободы» Это положение релевантно и продолжает сохраняться и действовать и в настоящее время. Причем в отношении права собственности на землю было установлено особенно много подобных ограничений [10, с. 227].

Идея о допустимости и необходимости различных ограничений права собственности известна и действует довольно давно, а сегодня она фактически стала общепризнанной. Это явление можно объяснить только осознанием обществом того, что земля, одновременно будучи объектом гражданских прав и товаром, имеющим определенный стоимостной характер, а кроме того природным ресурсом, также выступает важнейшим, существеннейшим производственным капиталом для всей нации и местом ее обитания (домом нации).

Исходя из этого основания, существующий ресурс земли не может рассматриваться собственностью отдельного лица, группы людей, государства в целом и даже живущих одновременно на планете всех поколений человечества. В первом приближении можно говорить о принадлежности всей совокупности природных ре-

сурсов (в том числе, и земли) в целом человечеству, причем не только живущим в настоящее время, но и грядущим поколениям [14, с. 8].

Справедливость этой мысли подтверждается глобальными повестками развития, в частности концепцией и целями устойчивого развития, результативность которых обеспечит в интересах справедливости будущие поколения ресурсами развития.

Согласимся с мнением о том, что XIX век, влекомый максимой «мобилизации землевладений», насколько было возможно, облегчил переход земельных участков от собственника к собственнику. В настоящее время этот маятник движется в обратную сторону: вновь выдвигаются требования все большей «иммобилизации», «упрочения» земельной собственности и ограничения свободы и передачи и залога сельскохозяйственных земель. При этом предполагается, что рынок и экономическая стихия не ведут автоматически к оптимальной аграрной структуре и что обязательно необходимо бороться против некоторых отклонений с помощью государственного вмешательства [2, с. 59].

Попытки поставить интересы отдельно взятой личности над интересами всего общества привели к тому, что вначале от этого несло потери общество, а затем страдал и сам индивид, лишенный необходимой защиты своих существующих прав со стороны ослабленного такими процессами государства [19, с. 79]. От провозглашения сверхлиберального принципа «позволено все, что не запрещено прямо законом» практика и наука стали обосновывать необходимость и разумность неизбежного вмешательства в частные дела государства [1, с. 68]. Ученые и практики стали осознавать, что с развитием современных производительных сил и повышением зрелости общественных отношений государство все больше стало брать на себя функции определенного контроля за использованием и распоряжением землей [7, с. 423].

Диапазон высказывания мнений ученых демонстрирует, что подавляющее большинство цивилистов (независимо от правовой системы, которую они представляют) едины во мнении, что право собственности, особенно на такой специфический объект, как земля, нуждается в установлении соответствующих реальных ограничений и пределов с тем, чтобы обязательно гарантировать рациональное использование имеющихся ограниченных земельных ресурсов управомоченными лицами.

Изложенное позволяет заключить, что существующий в настоящее время постулат об органической связи права собственности и его ограничений не подвергается сомнениям. Взаимосвязь

правил (свободы) и исключений из него (ограничений) является ключевым, важным аспектом отношений собственности как правового института, единственно способного обеспечить эффективное развитие рыночной экономики [11, с. 179].

Актуальной представляется на сегодняшнем этапе развития правового регулирования отношений собственности на землю необходимость установления адекватной и естественной взаимосвязи между дозволением и обязыванием управомоченного лица.

Интересной видится позиция, раскрывающая категорию пределов и ограничений через понятие стимулов в праве. Речь идет, вопреки устоявшемуся мнению об исключительно положительном векторе их воздействия, о правовых нормах, поощряющих развитие востребуемых и необходимых в настоящий момент для общества и государства общественных отношений. При этом указанные нормы стимулируют как процессы – деятельность людей, так и результаты ее [5, с. 51].

Стимулирование, таким образом, осуществляется через ограничения в широком смысле этого слова. Сдерживающие правовые стимулы рассматриваются в качестве:

- правовых ограничений противозаконной деятельности, создающих условия для субъектов и общественных интересов в охране и защите;
- установленных в праве границ, в пределах которых субъекты должны действовать;
- исключений определенных возможностей в деятельности лиц [17, с. 26].

Анализ юридической литературы о возможных и необходимых пределах и ограничениях права собственности демонстрирует ситуацию с довольно часто встречающимся серьезным смешением этих категорий. В частности, исследователи русского гражданского права, как правило, отождествляли понятия ограничений и пределов права собственности. К примеру, К. П. Победоносцев характеризует пределы (ограничения) как отрицательную часть права собственности, приравнивая их друг к другу по юридическому значению, форме и последствиям [16, с. 345].

Следующее определение ограничения субъективного права собственности дает С. В. Скрябин: это предел осуществления субъективного права собственности на индивидуально определенную вещь, основанный на различных запретах, которые были установлены ранее позитивным правом или же оказались связаны с правами других лиц на ту же вещь.

На основании такого определения этот автор выделяет следующие признаки возможных ограничений [18, с. 268]:

- законный характер ограничений;
- расширение объема права собственности при устранении ограничения;
- ограничения представляют собой предел в осуществлении права собственности;
- ограничения в большинстве своем касаются недвижимого имущества.

Заметим, что во многом высказанные суждения этого автора перекликаются с позицией Д. И. Мейера: игнорирование разграничений между понятиями обременения, ограничения и пределы права собственности.

Имеется устойчивое мнение, согласно которому понятие «обременение» находится в рамках понятия «пределы осуществления гражданских прав», так как пределы осуществления представляют собой такое определенное ограничение прав или даже некоторые рамки, за которые при осуществлении своего законного права нельзя выходить. Но это общие ограничения, которые изначально присущи всем гражданским правам (в том числе, вещным) и они определены законом. Обременение же – это некое дополнительное ограничение прав, налагаемое на собственника или иного обладателя вещного права в соответствии с заключенным договором, либо более конкретной статьей законодательства.

Ввиду изложенного предлагаются следующие основные признаки обременений (ограничений) [13, с. 228–229]:

- «отрицательность», т. е. наличие обременения (ограничения), предполагающее субъектом воздержания от совершения тех или иных действий;
- обременения (ограничения) не входят в содержание права;
- при прекращении обременения (ограничения) право на имущество восстанавливается в полном объеме либо полностью прекращается;
- обременения (ограничения) носят временный характер (в отличие от пределов права);
- обременения (ограничения) возникают на основании разнообразных юридических фактов, вытекающих из действующего законодательства или соглашения сторон, а их границы определяются законодательством;

– обременения (ограничения), в отличие от границ права, обычно имеют гражданско-правовой, а не публично-правовой характер.

И понятие «ограничения», и понятие «пределы», как утверждает некоторыми исследователями в области права, должны предполагать определенные границы, в которых собственник владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим имуществом по своему усмотрению.

Природа этих границ довольно различна. Законодатель, рассматривая такие ограничения, отсылает к воле собственника, основанной на законе, и субъекта, вступающего с ним в соглашение, или к воле судебных органов.

Исходя из этого делаются следующие выводы:

– пределы всегда объективны в том смысле, что они не зависят от воли собственника или иных лиц, а предопределены действующим законом;

– ограничения субъективны потому, что зависят от основанной на законе воли субъектов или судебных органов.

Поскольку пределы осуществления права собственности имеют объективный характер, постольку только в этих пределах также возможны и ограничения права собственности. Изложенное позволяет считать пределы общими основаниями стеснения права собственности, а ограничения – частными [8, с. 78].

Кроме того, пределы могут также определяться как некоторые границы, в которых собственник обладает всей полнотой господства в отношении принадлежащего ему имущества. Ими определяется круг конкретных прав, которыми, как правило, обладает собственник. Ограничения же, напротив, в какой-либо мере стесняют, т. е. сдерживают, собственника [3, с. 175].

Обременения и ограничения, по мнению О. В. Шведковой, представляют собой некоторые стеснения, установленные в рамках пределов осуществления права собственности. При этом различие выступает то, что обременения могут устанавливаться в отношении объекта собственности (например, сервитут), а ограничения являются лишь определенными стеснениями прав.

При этом и обременениям, и ограничениям, по ее мнению, свойственны практически одинаковые признаки [20, с. 115–117]:

- они установлены в рамках пределов осуществления права собственности;
- связаны с какими-либо неблагоприятными условиями;
- влекут за собой уменьшение объема возможностей субъекта права собственности при осуществлении им своего права на собственность;
- направлены на защиту общественных отношений (выполняя, таким образом, охранную функцию).

Формулируя собственную позицию по вопросу о соотношении категорий «пределы», «обременения» и «ограничения» применительно к праву собственности, мы считаем, что необходимо различать эти категории. Так, пределы

права собственности представляются нам определенными рамками, являющимися, по сути, условиями должного функционирования механизма правового регулирования или общими законодательно очерченными рамками, за которые управомоченное лицо не вправе выходить с тем, чтобы не причинить вред интересам других лиц (обществу).

В подобном случае ограничениями, в их традиционном понимании, являются изъятия из содержания права собственности, связанные с наложением на собственника запретов, формулируемых, как правило, через императивные нормы. При этом, по нашему мнению, спектр законодательных пределов права собственности включает в себя как пределы (относящиеся к любому имуществу), так и пределы права собственности (касающиеся конкретного объекта, например, земельного участка). Основаниями возникновения таковых является только закон.

Примером пределов права собственности можно привести п. 3 ст. 222 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, где говорится о том, что собственник по своему усмотрению вправе совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие действующему законодательству и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц или общества в целом.

Требование использования земельных участков без причинения вреда окружающей среде является частным пределом осуществления права собственности (п. 2, 3 ст. 222 Гражданского кодекса Кыргызской Республики).

Под ограничением, в широком смысле этого термина, необходимо понимать некоторое стеснение правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом, а также требования к нему как к субъекту права собственности. Ограничения права собственности на землю, по своей юридической природе, предполагают обязанности собственника воздерживаться от определенных действий, либо совершать их при наличии определенных условий. Вследствие ограничения права собственности собственник относительно своей вещи лишается возможности совершать то или иное действие, тогда как без такого ограничения он по праву собственности мог бы совершить это действие [12, с. 22–23].

Под ограничением прав лиц, использующих земельные участки, О. И. Крассов понимает установление в административном порядке запретов на отдельные виды хозяйственной деятельности по использованию земли, либо требований о воздержании от совершения определенных действий или предоставление ограничен-

ной возможности использования для строго определенных целей чужого земельного участка [9, с. 266]. В этом смысле ограничение права, в отличие от субъективного права как меры возможного поведения управомоченного лица, представляет собой только определенные затруднения, стеснения или сдерживания в осуществлении конкретного субъективного права.

Ограничения права отнюдь полностью не исключают возможность совершения какого-либо действия, а лишь допускают возможность осуществления этих действий при наличии определенных условий, которые необходимо предварительно соблюсти, либо предоставляют возможность действовать в определенных рамках, полагает Т. Б. Станкевич. По ее мнению, ограничение права представляет собой явление, отражающее необходимость воздержания субъектов ограничиваемых субъективных прав от определенных действий [19, с. 82–83].

В свою очередь, обременения права собственности на земельный участок должны устанавливаться в отношении объектов (например, предоставление сервитута собственнику соседнего земельного участка). В данном случае сервитут выступает в качестве обременения земельного участка, которое вызывает определенные затруднения в осуществлении собственником соседнего участка своих правомочий. Таким образом, основным видом обременения, как вытекает из его определения, является наличие определенных прав третьих лиц на имущество.

Таким образом, тот факт, что все вещные права (кроме права собственности) являются правами на чужую вещь, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что обременением права собственности являются все ограниченные вещные права. Более того, эти вещные права сами могут обраться различными обременениями [4, с. 213].

Данной позиции в целом придерживаются и другие авторы [1, с. 70], утверждая, что отдельные вещные права (формально не относимые к обременениям) по существу представляют собой особую разновидность производных, зависимых вещных прав, обременяющих право собственности. С такой точкой зрения можно вполне согласиться, с тем лишь уточнением, что они выступают обременением только для субъекта права собственности, в то время как для субъекта ограниченного вещного права – это субъективное право. Эти права существуют и действуют самостоятельно. Для собственника недвижимого имущества, в отношении прав которого установлен сервитут, последний выступает в качестве некоторого обременения. Причем по

закону сервитут одновременно выступает и как вещное право, и как обременение (в зависимости от того, на какого субъекта распространяется действие сервитута) [6, с. 455].

Выводы

Определяя соотношение понятий «пределы», «обременения» и «ограничения», следует отметить то, что все пределы (вне зависимости от отнесения их к категории общих или частных) представляют собой объективированную, сравнительно более статичную категорию. При этом природа, характер и содержание обременений и ограничений вполне способны варьировать с изменением и развитием как самих общественных отношений, так и условий, а также предпосылок для осуществления субъективного права собственности. Кроме этого, имеет значение объект собственности и, соответственно, те интересы и потребности, которые он удовлетворяет (будь то частный или публичный интерес субъекта).

Рассмотренные правовые категории являются ключевыми для обеспечения стабильности правоотношений за счет гарантированности их участникам неприкосновенности прав и свобод. В то же время имеет важное значение установление законодателем принципов пределов и ограничений как субъективного права собственности, так и права собственности на землю. Предложенное позволит, в свою очередь, установить адекватный (соразмерный, разумный, пропорциональный) баланс интересов как субъекта права и общества.

Библиографический список

1. Аккуратов И. Ю., Кориунов Н. М., Хорев А. А. К вопросу об ограничениях и обременениях права собственности // Государство и право. 2000. № 10. С. 68–72.
2. Аксененок Г. А., Кикоть В. А., Фомина Л. П. Критика современной буржуазной аграрно-правовой теории. М: Наука, 1972. 320 с.
3. Александрова М. А. Содержание права собственности по современному российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 172 с.
4. Басин Ю. Г. Обременения вещных прав в гражданском обороте // Избранные труды по гражданскому праву. Алматы: АЮ-ВШП «Эдилет»; НИИ частного права КазГЮУ, 2003. 732 с.
5. Ведяхин В. М. Правовые стимулы: понятие, виды // Правоведение. 1992. № 1. С. 51–55.
6. Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2005. Т. I. 455 с.

7. Комов Н. В. Российская модель землепользования и землеустройства / Ин-т оценки природ. ресурсов. М., 2001. 423 с.
8. Крашенинников П. В. Жилищное право. М.: Статут, 2010. 413 с.
9. Краснов О. И. Право частной собственности на землю. М.: Наука, 2000. 379 с.
10. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. М.: Статут, 2004. 363 с.
11. Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М.: Юрист, 1999. 384 с.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
13. Муканова Д. Понятия обременений прав на недвижимое имущество // Защита гражданских прав: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Казахского гуманит.-юрид. ун-та (в рамках ежегодных цивилист. чтений). Алматы: НИИ частного права, КАЗГЮУ, 2005 г. С. 226–230.
14. Ниязова А. Н. Гармонизация частных и публичных интересов в реализации права собственности на землю // Право собственности в Кыргызской Республике: вопросы развития / под ред. А. Н. Ниязовой. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2004. С. 4–20.
15. Ниязова А. Н. Субъективное право и интерес // Проблемы осуществления и защиты субъективных прав в Кыргызской Республике. Бишкек, 2012. С. 35–39.
16. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 3. 345 с.
17. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. 245 с.
18. Скрябин С. В. Право собственности и иные вещные права // Гражданское право: сб. ст. Общая часть: учеб. пособие / под ред. А. Г. Диденко. Алматы, 2006. С. 14–31.
19. Станкевич Т. Б. Ограничения права собственности на земельные участки: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 184 с.
20. Шведкова О. В. Приобретение и осуществление права собственности на жилые помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 179 с.

References

1. Akkuratov I. Yu., Korshunov N. M., Khorev A. A. K voprosu ob ogranicheniyakh i obremeneni-yakh prava sobstvennosti [On the Issue of Limitations and Burdens of Ownership]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2000. Issue 10. Pp. 68–72. (In Russ.).

2. Aksenonok G. A., Kikot' V. A., Fomina L. P. *Kritika sovremennoy burzhuaznoy agrarnopravovoy teorii* [Criticism of Modern Bourgeois Agrarian Legal Theory]. Moscow, 1972. 320 p. (In Russ.).
3. Aleksandrina M. A. *Soderzhaniye prava sobstvennosti po sovremennomu rossiyskomu zakonodatelstvu: diss. ... kand. jurid. nauk* [The Content of Ownership According to Modern Russian Legislation: Dr. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2002. 172 p. (In Russ.).
4. Basin Yu. G. *Obremeneniya veshchnykh prav v grazhdanskom oborote* [Property Rights Encumbrance in Civil Circulation]. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Almaty, 2003. 732 p. (In Russ.).
5. Vedyakhin V. M. *Pravovyye stimuly: ponyatiye, vidy* [Legal Incentives: Concept, Types]. *Pravovedeniye* – *Pravovedenie*. 1992. Issue 1. Pp. 51–55. (In Russ.).
6. *Grazhdanskoye pravo: uchebnik / pod red. A. P. Sergeyeva, Yu. K. Tolstogo* [Civil Law: Textbook; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 1. 455 p. (In Russ.).
7. Komov N. V. *Rossiyskaya model zemlepolzovaniya i zemleustroystva* [The Russian Model of Land Use and Land Management]. Moscow, 2001. 423 p. (In Russ.).
8. Krashenninikov P. V. *Zhilishchnoye pravo* [Housing Law]. Moscow, 2010. 413 p. (In Russ.).
9. Krassov O. I. *Pravo chastnoy sobstvennosti na zemlyu* [The Private Property Right for Land]. Moscow, 2000. 379 p. (In Russ.).
10. Kulagin M. I. *Izbrannyye trudy po aktsionernomu i torgovomu pravu* [Selected Works on Joint Stock and Commercial Law]. Moscow, 2004. 363 p. (In Russ.).
11. Mattei U., Sukhanov E. A. *Osnovnyye polozheniya prava sobstvennosti* [The Main Provisions of Ownership]. Moscow, 1999. 384 p. (In Russ.).
12. Meyer D. I. *Russkoye grazhdanskoye pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, 2003. 831 p. (In Russ.).
13. Mukanova D. *Ponyatiye obremeneniya prav na nedvizhimoye imushchestvo* [The Concept of Encumbrances on Real Estate]. *Zashchita grazhdanskikh prav* – *Protection of Civil Rights*, 2005. Pp. 226–230. (In Russ.).
14. Niyazova A. N. *Garmonizatsiya chastnykh i publichnykh interesov v realizatsii prava sobstvennosti na zemlyu* [Harmonization of Private and Public Interests in Exercising Property Rights for Land]. *Pravo sobstvennosti v Kyrgyzskoy Respublike: voprosy razvitiya* [Ownership in the Kyrgyz Republic: Development Issues]. Bishkek, 2004. Pp. 4–20. (In Russ.).
15. Niyazova A. N. *Subyektivnoye pravo i interes* [Legal Right and Interest]. *Problemy osushchestvleniya i zashchity subyektivnykh prav v Kyrgyzskoy Respublike* [Issues of Implementation and Protection of Legal Rights in the Kyrgyz Republic: Development Issues]. Bishkek, 2012. Pp. 35–39. (In Russ.).
16. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava: v 3 t. / pod red. V. A. Tomsinova* [The Course on Civil Law: in 3 vol.; ed. by V. A. Tomsinov]. Moscow, 2003. Vol. 3. 345 p. (In Russ.).
17. Porotikova O. A. *Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom* [The Problem of Abuse of Civil Rights]. Moscow, 2002. 206 p. (In Russ.).
18. Skryabin S. V. *Pravo sobstvennosti i inyye veshchnyye prava* [The Ownership Right and other Property Rights]. *Grazhdanskoye pravo: sb. st. Obshchaya chast: ucheb. posobiye* [Civil Law: Collected Articles: Textbook]. Almaty, 2006. Pp. 14–31. (In Russ.).
19. Stankevich T. B. *Ogranicheniya prava sobstvennosti na zemelnyye uchastki: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Land Ownership Restrictions: Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2003. 184 p. (In Russ.).
20. Shvedkova O. V. *Priobreteniya i osushchestvleniya prava sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya. dis. ... kand. jurid. nauk* [Acquisition and Implementation of Property Rights to Residential Premises: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 179 p. (In Russ.).

IV. ТРУДОВОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Дистанционная работа в России: проблемы правоприменения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 216–225. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216-225.

Vasilyeva Yu. V., Shuraleva S. V. Distantionnaya rabota v Rossii: problemy pravoprimeneniya [Remote Work in Russia: Issues of Law Enforcement]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 216–225. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225.

УДК 349.2: 341.9

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225

**ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА В РОССИИ:
ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ¹**

Ю. В. Васильева

Доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-8010-340X
ResearcherID: F-7864-2016
e-mail: vasilyev95@list.ru

С. В. Шуралева

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-1220-1179
ResearcherID: F-7659-2016
e-mail: shura_leva@rambler.ru

Введение: в статье рассмотрены позиции судов, федеральных органов исполнительной власти в части применения норм о дистанционной работе. **Цель:** исследовать особенности применения законодательства о дистанционной работе на примере судебной практики и разъяснений компетентных органов. **Методы:** методологическую основу исследования составляют всеобщие, общенаучные методы, а также системно-структурный, формально-юридический методы. **Результаты:** правовое регулирование дистанционной работы в России развивается. В спорных ситуациях работники и работодатели обращаются к судебным решениям, доктрине, разъяснениям Минтруда России, Роструда, Минфина России, ФНС России. Разъяснения, которые издаются указанными органами в форме писем, можно отнести к актам официального неаутентичного толкования. Они имеют рекомендательный характер, помогают работникам и работодателям уяснить содержание права, способствуют формированию единообразной практики. Анализ писем и некоторых судебных решений по дистанционной работе показал: в основном письма посвящены отдельным вопросам заключения трудового договора о дистанционной работе и условиям данного договора, а судебная практика – преимущественно основаниям и порядку расторжения договора. **Выводы:** критически оценивается позиция Минтруда о невозможности заключения договора о дистанционной работе с иностранным работником, поскольку ограничивается свобода сторон трудового договора и понижается значение преимуществ дистанционной работы. Разъяснение Рост-

руда о том, что в договоре о дистанционной работе следует указывать место работы, является справедливым для тех случаев, когда дистанционному работнику предоставляются дополнительные гарантии по заработной плате или социальному страхованию. Судебная практика о расторжении трудового договора о дистанционной работе только формируется. Но уже обозначена важная позиция: установление дополнительных оснований расторжения договора по инициативе работодателя должно быть согласовано сторонами, что подтверждается подписью работника. При отсутствии подписи работника договор не может быть принят в качестве доказательства права работодателя на его расторжение по дополнительным основаниям, указанным в договоре.

Ключевые слова: трудовой договор о дистанционной работе; дистанционные работники; судебная практика; письма федеральных органов исполнительной власти; условия трудового договора; место работы

REMOTE WORK IN RUSSIA: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-8010-340X
ResearcherID: F-7864-2016
e-mail: vasilyev95@list.ru

S. V. Shuraleva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-1220-1179
ResearcherID: F-7659-2016
e-mail: shura_leva@rambler.ru

Introduction: the article considers the positions of courts and federal executive authorities on the application of norms on remote work. **Purpose:** to study the specific features of the application of legislation on remote work basing on judicial practice and explanations from the competent authorities. **Methods:** the methodology comprises universal and general research methods, as well the method of system and structure analysis and the technical method. **Results:** legal regulation of remote work is developing in Russia. In disputes, employees and employers advert to judicial decisions, doctrine, explanations by the Russian Ministry of Labor, Federal Service for Labor and Employment, Ministry of Finance, Federal Tax Service. Explanations, which are issued by these bodies in the form of letters, can be referred to acts of formal inauthentic interpretation. They are of an advisory nature and help employees and employers to understand the content of law, foster the formation of a uniform practice. Analysis of letters and some court decisions on remote work has showed that letters are mainly focused on specific issues concerning conclusion of remote work employment contracts and their contractual clauses, while legal practice is primarily focused on the grounds and procedure for termination of the contract. **Conclusions:** The position of the Ministry of Labor on the impossibility of concluding a remote work employment contract with a foreign worker is critically evaluated. This interpretation limits the freedom of parties of the employment contract and reduces the benefits of remote work. The explanation of the Federal Service for Labor and Employment that the remote work employment contract should indicate the place of work is only valid for the cases when remote workers are provided with additional guarantees on wages or social insurance. Judicial practice on termination of remote work employment contracts is being formed now. However, an important point has already been designated: the establishment of additional grounds for termination of a contract by the employer must be agreed by the parties, which should be confirmed by the signature of the employee. In the absence of the employee's signature a contract cannot be accepted as a proof of the employer's right to its termination on additional grounds specified in the contract.

Keywords: remote work; remote workers; law enforcement; conditions of the employment contract; place of work

Введение

«The Sandwich Generation» (или «поколение сэндвича») – так называют достаточно многочисленную группу взрослых людей трудоспособного возраста, которым необходимо найти баланс между карьерой, заботой о стареющих родителях и воспитанием собственных детей. Зарубежные корпорации и органы государственной власти успешно применяют стратегии «гибкой» занятости, которые помогают таким работникам совмещать работу и семейные обязанности, среди них: бессрочный отпуск; среда, ориентированная только на результаты работы; «гибкое» расписание; разделение одной работы между двумя работниками; дистанционная работа [7]. Этот вид нетипичной занятости уже стал популярным в США, странах Европы и других странах, ему посвящено значительное количество научных исследований [6; 8; 9; 10].

В России общественные отношения в сфере дистанционной работы только «настраиваются» и, как часто случается с чем-то новым, наталкиваются на сдержанное сопротивление правоприменителей, не спешащих менять сложившуюся практику. В условиях законодательной свободы правоприменители ищут привычные «точки опоры», которыми становятся: судебная практика, позиции компетентных федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ), прежде всего Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд) и Федеральной службы по труду и занятости (далее – Роструд). Имеющиеся разъяснения данных ФОИВ по вопросам дистанционной работы посвящены аспектам заключения трудового договора о дистанционной работе и его условий. Некоторые трудовые вопросы дистанционной работы в контексте исчисления и уплаты налогов затрагиваются в документах Министерства финансов Российской Федерации (далее – Минфин) и Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России).

Практика судов общей юрисдикции по существу вопроса пока еще небольшая и в основном касается споров о расторжении трудового договора. Арбитражные суды также высказывались по вопросу о возможности осуществления труда дистанционно при рассмотрении отдельных споров о зачете расходов на выплату страхового возмещения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством¹.

За невозможностью рассмотреть все имеющиеся материалы в рамках одной статьи мы выбрали наиболее интересные, с нашей точки зрения, правовые позиции. Но прежде обратимся к вопросу о их правовой природе.

О правовой природе официальных позиций судов и отдельных федеральных органов исполнительной власти

Всякое «общение» с правом, всякая его реализация и особенно такая форма, как применение права, предполагают уяснение правовых требований и дозволений. Как правило, в этом помогают специальные разъяснения нормативных правовых актов, которые даются в официальном и неофициальном порядке. И уяснение требований норм как внутренний интеллектуальный процесс, и разъяснение их как выражение воле своих заключений чаще всего объединяют одним понятием – «толкование права» [4, с. 392]. По субъекту разъяснения правового акта обычно различают официальное и неофициальное толкование. При этом под официальным толкованием понимается толкование, которое дается уполномоченными на то компетентными органами и должностными лицами и для всех, кого это касается, является юридически обязательным и имеет определенные последствия. Неофициальное толкование исходит от субъектов, деятельность которых не является официальной, государственной, а стало быть, оно не имеет юридической силы и не влечет правовых последствий. Важной его особенностью является то, что оно не связано с властью, принуждением, наказанием. Какие-либо санкции здесь исключены [5, с. 356–357].

В литературе существует несколько классификаций официального толкования. Приведем лишь один из вариантов такой классификации: официальное толкование подразделяется на нормативное (общее) и казуальное (индивидуальное), аутентичное (авторское) и легальное (разрешенное, делегированное); судебное [5, с. 356].

В этой связи судебное толкование в форме постановлений Верховного Суда Российской Федерации можно рассматривать в качестве акта официального нормативного толкования, а правовые позиции, изложенные в иных судебных решениях, – как акты официального казуального толкования. Тем не менее в случае спорных ситуаций юристы-практики и ученые зачастую принимают во внимание весь массив судебной практики, сложившейся по данному вопросу.

¹ Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 5 дек. 2013 г. по делу № А26-3198/2013; постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 апр. 2014 г.

№ А72-13400/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Разъяснения ФОИВ (в форме официальных писем, информации, ответов на вопросы и др.) согласно приведенной выше классификации можно отнести к официальному аутентичному толкованию, если такие разъяснения относятся к собственным нормативным правовым актам, или к легальному толкованию, если такое право им делегировано.

Так, например, пунктом 5.16 Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 610 (далее – Положение о Минтруде)¹, предусмотрено, что Минтруд дает разъяснения по вопросам, отнесенным к его компетенции, в случаях, предусмотренных законодательством РФ. Согласно пунктам 5.2.140, 5.2.12 Положения о Минтруде, он наделен полномочиями давать разъяснения по вопросам, связанным с применением конкретных федерального закона и постановления Правительства РФ.

Согласно пункту 5.5.4 Положения о Федеральной службе по труду и занятости, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324 (ред. от 25 дек. 2015 г.; далее – Положение о Роструде)², данный орган осуществляет информирование и консультирование работодателей и работников по вопросам соблюдения трудового законодательства и нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Право давать письменные разъяснения налоговым органам, налогоплательщикам, плательщикам сборов и налоговым агентам по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах предоставлено Минфину на основании ч. 1 ст. 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации³.

ФНС России вправе давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к установленной сфере деятельности, согласно п. 6.3 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 (ред. от 5 февр. 2016 г.)⁴.

Таким образом, можно согласиться с суждением о том, что субъектами официального неаутентичного толкования могут выступать все

государственные органы, в обязанность которых входит приведение правовых предписаний в жизнь. Круг этих органов довольно широк. Юридическая сила актов толкования различных органов неодинакова. Они обязательны для руководства, если не противоречат требованиям других правовых норм, если толкование нижестоящего органа соответствует разъяснениям по тому же вопросу, данными вышестоящими инстанциями. Иными словами, юридическая сила разъяснительных актов определяется их местом в механизме правового регулирования и соответствует силе других предписаний, исходящих от того или иного органа [4, с. 401].

Какова юридическая сила подобных разъяснений ФОИВ? Частично ответ на этот вопрос содержится в самих разъяснениях указанных органов. Например, в письме ФНС России от 31 января 2014 г. № СА-4-14/1645⁵ указано, что правовые позиции в сфере государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в том числе по вопросу о дистанционных работниках-руководителях), изложенные в данном письме, подлежат применению территориальными налоговыми органами при осуществлении функций по государственной регистрации, а также подлежат доведению до заинтересованных лиц. Таким образом, указанные разъяснения обязательны, как минимум, для территориальных органов ФНС России.

В письмах Минфина⁶ можно встретить указание на то, что такое письмо «не содержит правовых норм, не конкретизирует нормативные предписания и не является нормативным правовым актом. Письменные разъяснения Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, направленные налогоплательщикам и (или) налоговым агентам, имеют информационно-разъяснительный характер и не препятствуют налогоплательщикам, налоговым органам и налоговым агентам руководствоваться нормами законодательства Российской Федерации о налогах и сборах в понимании, отличающемся от трактовки, изложенной в настоящем письме». Иными словами, подчеркивается информационный характер таких разъяснений.

¹ Собрание законодательства Рос. Федерации. 2012. № 26, ст. 3528.

² Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 28, ст. 2901.

³ *Налоговый кодекс Российской Федерации*. Часть первая: Федер. закон № 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 5 апр. 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁴ Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40, ст. 3961.

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Например, письма: от 4 авг. 2015 г. № 03-04-06/44857 по вопросу о налогообложении НДФЛ доходов гражданина Республики Беларусь, выполняющего дистанционную работу за пределами РФ; от 16 окт. 2015 г. № 03-04-06/59439 по вопросу об НДФЛ с доходов сотрудника организации, работающего дистанционно в Республике Молдова [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В письмах Роструда (например, письмо от 20 ноября 2015 г. № 2628-6-1 «Об условиях труда на рабочем месте»)¹ иногда также указывается, что данное письмо не является нормативным правовым актом.

В Апелляционном определении Пензенского областного суда от 17 июля 2012 г. по делу № 33-1679² дана следующая оценка письмам Роструда: «Письма Федеральной службы по труду и занятости не порождают правовых последствий для неопределенного круга лиц и суд не связан при принятии решений мнением каких-либо лиц и организаций». Вместе с тем нельзя утверждать, что такая позиция характерна для судебной практики.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, разъяснения, а также работа по информированию и консультированию осуществляются ФОИВ в рамках их компетенции, что придает разъяснениям характер официального толкования. Очевидно, что правовыми позициями ФОИВ в целях формирования единообразной практики руководствуются в своей деятельности нижестоящие или подведомственные органы государственной власти. Вместе с тем требование обязательности указанных разъяснений для неопределенного круга лиц из законодательства и иных нормативных правовых актов не вытекает.

Во-вторых, роль подобных разъяснений ФОИВ видится нам, прежде всего, в том, чтобы помочь гражданам и организациям уяснить содержание правовых норм и сформировать собственную правовую позицию. Однако это не исключает того, что у граждан, организаций, иных государственных органов может быть свое понимание нормативных правовых актов, которое при возникновении спорных ситуаций будет озвучено в суде.

Относительно значения правовых позиций Минтруда необходимо дополнительно отметить следующее. Согласно пункту 1 Положения о Минтруде, данный орган власти является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, в том числе касательно демографии, труда, уровня жизни и доходов, оплаты труда, условий и охраны труда, социального партнерства и трудовых отношений.

К компетенции Минтруда также отнесено вносить в Правительство РФ проекты федеральных законов, нормативных правовых актов Пре-

зидента РФ и Правительства РФ и других документов, по которым требуется решение Правительства РФ, по вопросам, относящимся к установленной сфере ведения Минтруда и к сфере ведения подведомственного ему Роструда (п. 5.1 Положения о Минтруде). Стоит отметить, что именно Правительство РФ выступило субъектом законодательной инициативы по законопроекту № 88331-6 «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации (об особенностях правового регулирования труда работников, выполняющих работу вне места расположения работодателя)»³.

Таким образом, правовые позиции Минтруда представляют особый интерес потому, что данный орган оказывает непосредственное влияние на формирование трудового законодательства и подзаконных нормативных актов в сфере труда, в том числе в сфере дистанционной работы.

Далее рассмотрим некоторые правовые позиции ФОИВ и судебных органов по различным аспектам трудового договора о дистанционной работе.

Заключение трудового договора о дистанционной работе

В Минтруд поступило обращение по вопросу начисления страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на выплаты, производимые в пользу гражданина Украины, заключившего трудовой договор о дистанционной работе. В соответствии с договором предполагалось, что трудовые обязанности работник будет исполнять на территории Украины. В письме Минтруда от 7 августа 2015 г. № 17-3/В-410⁴ со ссылками на ст. 13, 312.3 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)⁵ сделан вывод: обеспечение работодателем безопасных условий труда для дистанционных работников, трудящихся за пределами Российской Федерации, не представляется возможным. Следовательно, ТК РФ не предусматривает возможность заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранным гражданином, осуществляющим трудовую деятельность за пределами России. Сотрудничество с такими иностранными гражданами следует осуществлять в рамках гражданско-правового договора. Выплаты по нему не будут облагаться страховыми взносами.

³ Законопроект № 88331-6 [Электронный ресурс]. Доступ из Автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности.

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Думается, аналогичной позиции Минтруд будет придерживаться и в отношении лиц без гражданства. С экономической точки зрения для работодателя такое решение может быть выгодным и удобным. Но с юридической точки зрения остаются вопросы.

Основной аргумент, который приводит Минтруд, – невозможность для работодателя обеспечить безопасные условия и охрану труда дистанционного работника в другой стране. При этом не принимается во внимание, что обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда дистанционных работников, в принципе, ограничены. Согласно ст. 312.3 ТК РФ, работодатель обязан: проводить расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний; выполнять предписания должностных лиц Федеральной инспекции труда и ее территориальных органов; осуществлять обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. По мнению ряда ученых, многие обязанности работодателя в сфере охраны труда объективно не могут быть им выполнены, например обеспечение контроля за состоянием условий труда на рабочем месте, предотвращение аварийных ситуаций. Поэтому работник сам должен позаботиться о безопасности своей трудовой деятельности [3].

Следуя логике Минтруда, российским работодателям не следует заключать трудовой договор о дистанционной работе и с гражданами РФ, проживающими за рубежом, поскольку российскому работодателю точно так же сложно обеспечить им безопасные условия труда на территории другого государства. Однако в этом случае Минтруд разъясняет, что для российских граждан вне зависимости от их местонахождения никаких ограничений не предусмотрено. Поэтому россиянина, проживающего за границей, трудоустроить дистанционно можно [2]¹.

¹ В контексте рассматриваемой проблематики заслуживают внимания письма Минфина по вопросу о налогообложении НДФЛ доходов физических лиц – иностранных граждан, которые заключили с российскими организациями договоры о дистанционной работе и выполняли указанную работу за пределами РФ в своей стране. Разъяснения были даны в отношении граждан Молдовы, Республики Беларусь, Украины, резидента ФРГ. Указывая, в частности, что доходы физических лиц, не являющихся налоговыми резидентами РФ, в виде вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей за пределами РФ не подлежат обложению налогом на доходы физических лиц, Минфин, по-видимому, не ставит под сомнение правомерность договоров о дистанционной работе с иностранными гражданами. Письма Минфина от: 16 окт. 2015 г. № 03-04-06/59439; 15 июля 2015 г.

Думается, что проблема создания безопасных условий труда для дистанционных работников в другом государстве все-таки не является ключевым аргументом. Представляет больший интерес вопрос о соотношении главы 49.1 ТК РФ и специальных норм о правовом положении иностранных граждан на стыке административного и трудового права. Правовое регулирование труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, в национальном законодательстве в основном предусмотрено гл. 50.1 ТК РФ и ст. 13, 13.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»².

Однако из общих правил могут быть установлены исключения. Так, указом Президента РФ от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» в числе таких мер обозначен запрет для работодателей, заказчиков работ (услуг), не включенных в перечень, определяемый Правительством Российской Федерации, на привлечение с 1 января 2016 г. для осуществления трудовой деятельности, выполнения работ (оказания услуг) работников из числа граждан Турецкой Республики, не состоящих в трудовых и (или) гражданско-правовых отношениях с указанными работодателями, заказчиками работ (услуг) по состоянию на 31 декабря 2015 г.³ Полагаем, что данный запрет в полной мере распространяется и на трудовые отношения в сфере дистанционной работы.

Важно учитывать и международные договоры РФ. Так, например, трудовая деятельность трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза регулируется ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.)⁴. Пунктом 1 данной статьи предусматривается право работодателей и (или) заказчиков работ (услуг) государства-члена привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-

№ 03-04-06/40525; 4 авг. 2015 г. № 03-04-06/44857; 4 авг. 2015 г. № 03-04-06/44849; 4 авг. 2015 г. № 03-04-06/44852; 4 авг. 2015 г. № 03-04-06/44855; 16 окт. 2014 г. № 03-04-06/52135 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

Однако анализ норм об особенностях заключения трудового договора, временного перевода, отстранения от работы, прекращения трудового договора с иностранными гражданами и лицами без гражданства показывает, что правовое регулирование труда данной категории работников в российском законодательстве ориентировано на тех лиц, которые трудятся на территории РФ. По-видимому, на этом основании Минтруд считает, что привлечение иностранцев к работе осуществляется только при пересечении ими границы и получении разрешительных документов на работу, поэтому заключать трудовой договор о дистанционной работе с иностранцем, находящимся в другом государстве, нельзя.

Думается, однако, что это ограничительное толкование закона, поскольку гл. 50.1 ТК РФ не содержит запрета на привлечение к труду иностранцев на условиях трудового договора о дистанционной работе, а гл. 49.1. ТК РФ не содержит норм, ограничивающих привлечение к дистанционному труду иностранцев и лиц без гражданства. Полагаем, что запрет на дистанционный труд для иностранцев, проживающих за пределами нашей страны, ограничивает свободу сторон дистанционных трудовых отношений, не соответствует целям гл. 49. 1 ТК РФ и существенно понижает значение преимуществ дистанционной работы.

Условия трудового договора о дистанционной работе

В письме Роструда от 7 октября 2013 г. № ПГ/8960-6-1 «Об определении рабочего места»¹ указывается, что договор о дистанционной работе должен содержать сведения о месте работы, в котором дистанционный работник непосредственно исполняет обязанности, возложенные на него трудовым договором. В письме содержится ссылка на общую норму ч. 1 ст. 57 ТК РФ, закрепляющую условие о месте работы как обязательное. Однако одной из основных особенностей трудового договора о дистанционной работе является выполнение работником трудовой функции вне места нахождения работодателя. Фактически место применения труда дистанционного работника может оказаться любым, включая работу на дому. Минфин в письме от 1 августа 2013 г. № 03-03-06/30978 указал,

что из определения дистанционной работы, данного в статье 312.1 ТК РФ, следует, что для работника местом постоянной работы является место его нахождения². При этом легальной дефиниции места работы ТК РФ не содержит. Данный термин употребляется в Кодексе в разных значениях: как синоним должности, занимаемой работником, как указание на работодателя и как место выполнения работником трудовой функции.

На наш взгляд, условие о месте работы для трудового договора о дистанционной работе утрачивает свое конститутивное значение в связи с невозможностью (и отсутствием особой надобности) для работодателя контролировать фактическое место осуществления дистанционной работы, а также с учетом взаимодействия дистанционного работника и его работодателя через информационно-коммуникационную сеть Интернет [1, с. 91]. Вместе с тем в некоторых случаях оно может (и должно быть) указано в трудовом договоре с дистанционным работником.

Например, если дистанционный работник трудится в территориях РФ с установленными районными коэффициентами к заработной плате. Очевидно, что работодатель должен выплачивать такому работнику заработную плату и пособия по социальному страхованию с учетом указанных коэффициентов, даже если сам работодатель находится в «обычной» местности. В таком случае видится обоснованной фиксация соответствующего места работы в трудовом договоре о дистанционной работе. Более того, если в трудовом договоре не будет указано «северное» место работы, то Фонд социального страхования РФ, при проверке правильности начисления страхователем пособий по временной нетрудоспособности, не примет в зачет суммы выплат, увеличенные на районный коэффициент. Добавим, что при фиксации «северного» места работы дистанционный работник имеет право на дополнительный отпуск соответствующей продолжительности, оплату проезда к месту отдыха и обратно в общеустановленном порядке.

Если работодатель хочет «застраховать» себя от переезда работника в территории, проживание на которых предполагает получение льгот и компенсаций, отличающихся от стандартных, в трудовом договоре о дистанционной работе необходимо указать, что работа осуществляется дистанционным работником на территории Российской Федерации (других государств), за исключением определенных местностей. Наруше-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Оплата труда: акты и комментарии для бухгалтера. 2013. № 10.

ние данного условия можно будет предусмотреть в качестве основания для прекращения трудового договора о дистанционной работе.

Во-вторых, условие о месте работы приобретает значение, если выполнение трудовой функции дистанционного работника будет связано с необходимостью командирования (в том числе к месту нахождения организации – работодателя). В этой связи заслуживает внимания правовая позиция Минфина, согласно которой в случае направления работодателем своего работника, выполняющего работу дистанционно, в командировку вне места его постоянной работы, указанного в трудовом договоре, к суммам возмещения командировочных расходов применяются нормы п. 3 ст. 217 НК РФ (письмо Минфина от 1 августа 2013 г. № 03-03-06/30978)¹.

В-третьих, условие о месте работы является важным при решении вопроса о сохранении за работником права на получение пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Согласно ст. 11.1 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. (ред. от 9 марта 2016 г.) № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»² право на указанное пособие сохраняется в случае, если лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком, работает на условиях неполного рабочего времени или на дому и продолжает осуществлять уход за ребенком.

Федеральный арбитражный суд Уральского округа в связи с этим указал, что действующее трудовое законодательство предполагает свободу сторон в установлении надомной формы организации трудового процесса; возможность ее организации определяется самим работодателем с учетом экономической целесообразности и реальной возможности осуществления работ в домашних условиях. При этом трудовое законодательство не содержит ограничений в отношении круга лиц, которые могут работать на дому. Суд отклонил довод территориального органа ФСС России о том, что работа на дому должна быть связана только с материальным производством³. Несмотря на то, что данное решение

принималось судом еще до введения в ТК РФ главы о дистанционном труде, оно сохраняет свое значение.

Вместе с тем право на получение пособия по уходу за ребенком нельзя распространять «по умолчанию» на всех дистанционных работников, сочетающих работу и уход за ребенком в возрасте до полутора лет. Согласно положениям главы 49.1 ТК РФ, дистанционный работник вправе самостоятельно определять режим своего рабочего времени, а работодатель, как правило, ограничен в возможности контролировать место работы и передвижение работника в течение рабочего дня. Поэтому в целях сохранения права на пособие по уходу за ребенком до полутора лет, в трудовом договоре о дистанционной работе следует конкретизировать место выполнения трудовой функции (на дому) и согласовать режим рабочего времени и времени отдыха работника. Сокращать продолжительность рабочего времени при работе на дому не требуется.

Расторжение трудового договора о дистанционной работе

Одной из наиболее «гибких» норм о дистанционной работе в ТК РФ следует признать норму в ст. 312.5, в соответствии с которой расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором. С одной стороны, это дает работодателю свободу при формулировании таких оснований и возможность в любое время без проблем «расстаться» с дистанционным работником. С другой стороны, представляется, что такие основания как минимум должны иметь недискриминационный характер и вытекать из особого характера дистанционной работы.

Судебная практика показывает, что споры об увольнении по таким «договорным» основаниям уже имеют место. Так, из Апелляционного определения Московского городского суда от 20 января 2015 г. по делу № 33-1146/2015⁴ следует, что дистанционный работник (истец) состоял в трудовых отношениях с ООО «Биокодекс» (ответчик) с 21 ноября 2012 г. и работал в должности регионального менеджера в обособленном подразделении в г. Казани на основании трудового договора от 21 ноября 2012 г. и приказа № 058 от 21 ноября 2012 г. Дополнительным соглашением сторон от 1 октября 2013 г. к трудовому договору принята новая редакция трудового договора без изменения трудовой функции по причине изменения организационных условий

¹ URL: http://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_46842 (дата обращения: 09.04.2016).

² Собрание законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 18.

³ Согласно материалам дела, работница была допущена к выполнению обязанностей начальника отдела кадров на условиях работы на дому с установлением режима работы, с сохранением права на получение пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. См.: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 13 марта

2012 г. № Ф09-1216/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

труда в порядке ст. 74 ТК РФ. В соответствии с п. 6.5.3 данной редакции, трудовой договор мог быть прекращен по инициативе работодателя по основаниям, предусмотренным ТК РФ, а также в любой момент в связи с нецелесообразностью дальнейшего сотрудничества или в связи с производственной необходимостью.

Приказом ответчика истец с 1 декабря 2013 г. переведен в отдел дистанционных работников на должность регионального директора по продажам в г. Ростов-на-Дону. Приказом от 20 мая 2014 г. истец уволен 30 мая 2014 г. по инициативе работодателя на основании п. 14 ст. 81 ТК РФ и ст. 312.5 ТК РФ в связи с нецелесообразностью дальнейшего сотрудничества, а также ввиду производственной необходимости, определяемой работодателем. К сожалению, в рассматриваемом деле суд не дал правовую оценку договорным основаниям увольнения, поскольку истцом был пропущен срок для обращения в суд (ст. 392 ТК РФ), о чем заявлено ответчиком. Между тем рассматриваемая ситуация показывает, что важно не только сформулировать адекватные основания для прекращения трудового договора, но и предусмотреть сроки предупреждения об увольнении по данным основаниям. Право трудящихся на получение в разумные сроки заблаговременного уведомления о прекращении их работы по найму, закрепленное в п. 4 ст. 4 Европейской социальной хартии, должны иметь и дистанционные работники. Формулировка «в любой момент» в тексте рассмотренного договора явно это право нарушает. Полагаем, что «разумные сроки заблаговременного уведомления» или способы их определения должны быть предусмотрены ст. 312.5 ТК РФ.

Другой пример из судебной практики демонстрирует важность правильного оформления трудового договора с дистанционным работником под угрозой невозможности для работодателя расторгнуть договор по основаниям, указанным в таком договоре¹.

Из материалов дела следует, что дистанционный работник (истец) работал в ООО «Центр обработки данных» (ответчик) в группе по добавлению товарных позиций в должности контент-менеджера. Согласно трудовому договору, место работы работника находилось вне места расположения работодателя. Работа, по данному договору, являлась дистанционной, могла быть сопряжена с командировками по России и за границу. Указанный трудовой договор подписи

истца не содержал, данных об ознакомлении истца с приказом о приеме на работу в материалы дела представлено не было. С согласия ответчика истец работал в Камбодже. Истец был уволен с занимаемой должности, трудовой договор с ним расторгнут на основании ст. 312.5 ТК РФ в связи с отсутствием у работодателя достаточного объема работы.

Суд первой инстанции восстановил работника в ранее занимаемой должности. Суд апелляционной инстанции, подтвердив незаконность увольнения работника, сделал важный, с нашей точки зрения, вывод: установленное трудовым договором о дистанционной работе основание его расторжения по инициативе работодателя, в частности, в связи с отсутствием у работодателя достаточного объема работы, при отсутствии подписи работника в трудовом договоре является несогласованным, поскольку неподписанный трудовой договор не может быть принят в качестве доказательства права работодателя на его расторжение по основаниям, указанным в таком договоре.

Представляет интерес суждение апелляционного суда о неправомерности взыскания в пользу работника суммы, потраченной им на возвращение из Королевства Камбоджа. Апелляционный суд не поддержал позицию суда первой инстанции о том, что указанные денежные средства являются ущербом для работника. Основываясь на ст. 232, 233 ТК РФ, суд апелляционной инстанции указал: в ходе судебного разбирательства истцом не представлено доказательств, подтверждающих наличие соглашения, достигнутого между ним и ответчиком относительно необходимости осуществления трудовых обязанностей в Королевстве Камбоджа. Трудовая деятельность истца носит дистанционный характер и может осуществляться в любом месте. Доказательства противоправного поведения работодателя, причинившего истцу ущерб, выразившийся в производстве расходов, связанных с возвращением из Королевства Камбоджа в г. Курган, отсутствуют.

Выводы

1. Разъяснения, которые содержатся в письмах ФОИВ, изданных по вопросам, входящим в их компетенцию, можно рассматривать как официальное неаутентичное толкование, которое помогает правоприменителям уяснить содержание права, но не является для них юридически обязательным.

2. Критически оценивается позиция Министерства труда и социальной защиты РФ о невозможности заключения договора о дистанционной работе с иностранным работником. Данное толкование не подтверждено достаточными

¹ Апелляционное определение Курганского областного суда от 11 июня 2015 г. по делу № 1534/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

аргументами, ограничивает свободу сторон трудового договора и снижает преимущества дистанционной работы.

3. Разъяснение Роструда о том, что в договоре о дистанционной работе следует указывать место работы, является справедливым для тех случаев, когда дистанционному работнику предоставляются дополнительные гарантии по заработной плате или социальному страхованию. В иных случаях данное условие не является для сторон обязательным.

4. Судебная практика по вопросам расторжения трудового договора о дистанционной работе только начинает складываться, но уже обозначена важная позиция: установление дополнительных оснований расторжения договора по инициативе работодателя должно быть согласовано сторонами, что подтверждается подписью работника. При ее отсутствии договор не может быть принят в качестве доказательства права работодателя на его расторжение по дополнительным основаниям, указанным в договоре.

Библиографический список

1. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Содержание трудового договора о дистанционной работе: теоретические аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28). С. 88–97.
2. Голова И. Вне зоны офиса // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/30/maslova.html> (дата обращения: 09.04.2016).
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, В. А. Сафонова, Е. Б. Хохлова. М.: Норма; Инфра-М, 2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Проблемы общей теории jus. М.: Норма; НИЦ Инфра-М, 2014. 656 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. 541 с.
6. Caruso B. The Concept of Flexibility in Labour Law. The Italian case in the European context. Catania, 2004. 39 p.
7. Diab A. 5 Flexible Work Strategies And the Companies That Use Them. URL: http://www.fastcompany.com/3058344/the-future-of-work/5-flexible-work-strategies-and-the-companies-who-use-them?partner=rss&utm_source=feedly&utm_medium=webfeeds. Title from screen. (дата обращения: 09.04.2016).
8. Forsyth. A. Re-regulatory Tendencies in Australian and New Zealand Labour Law. Melbourne, 2001. 35 p.
9. Marot. J. C. Teleworking 2001. URL: https://www.pdfFiller.com/en/project/60762419.htm?form_id=15572726 (дата обращения: 09.04.2016).
10. Welz C., Wolf F. Telework in the European Union. URL: <http://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/comparative-information/telework-in-the-european-union> (дата обращения: 09.04.2016).

References

1. Vasil'yeva Yu. V., Shuraleva S. V. Soderzhanie trudovogo dogovora o distantsionnoy rabote: teoreticheskie aspekty [The Content of Employment Contract for Remote Work: Theoretical Aspects]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. Issue 2(28). Pp. 88–97. (In Russ.).
2. Golova I. Vne zony ofisa [Out of the Office Zone]. Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/30/maslova.html> (accessed 09.04.2016). (In Russ.).
3. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy) [Commentary on the Labour Code of the Russian Federation (Itemized); ed. by A. M. Kurennoy, S. P. Mavrin, V. A. Safonov, E. B. Khokhlov]. Moscow, 2015. Access from the legal reference system «Kon-sul'tantPlyus». (In Russ.).
4. Lazarev V. V., Lipen' S. V., Saidov A. Kh. Problemy obshchey teorii jus [Problems of the General Theory of Jus]. Moscow, 2014. 656 p. (In Russ.).
5. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, 2006. 541 p. (In Russ.).
6. Caruso B. The Concept of Flexibility in Labour Law. The Italian case in the European context. Catania, 2004. 39 p. (In Eng.).
7. Diab A. 5 Flexible Work Strategies And the Companies That Use Them. Available at: http://www.fastcompany.com/3058344/the-future-of-work/5-flexible-work-strategies-and-the-companies-who-use-them?partner=rss&utm_source=feedly&utm_medium=webfeeds (accessed 09.04.2016). (In Eng.).
8. Forsyth. A. Re-regulatory Tendencies in Australian and New Zealand Labour Law. Melbourne, 2001. 35 p. (In Eng.).
9. Marot. J. C. Teleworking. 2001. Available at: https://www.pdfFiller.com/en/project/60762419.htm?form_id=15572726 (accessed 09.04.2016). (In Eng.).
10. Welz C., Wolf F. Telework in the European Union. Available at: <http://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/comparative-information/telework-in-the-european-union> (accessed 09.04.2016). (In Eng.).

V. ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Информация для цитирования:

Баймухаметов Р. М. Особенности системы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 226–230. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-226–230.

Baymukhametov R. M. Osobennosti sistemy obzhalovaniya opredeleniy narodnykh sudov KNR ob otkaze v priznanii i privedenii v ispolneniye inostrannykh arbitrazhnykh resheniy [Features of the System of Appealing Against Chinese People's Courts Rulings on Refusal of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 226–230. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-226–230.

УДК 341.9:341.1/.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-226–230

**ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ
ОПРЕДЕЛЕНИЙ НАРОДНЫХ СУДОВ КНР ОБ ОТКАЗЕ
В ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ
ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ**

Р. М. Баймухаметов

Аспирант кафедры международного и европейского права
юридического факультета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-4447-5054

ResearcherID: D-3303-2016

e-mail: baymukhametov@gmail.com

Введение: в статье рассматриваются проблемы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. **Цель:** систематизировать существующие проблемы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. **Задачи:** проанализировать проблемы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, установить пробелы в законодательстве КНР в данной сфере, провести сравнение с законодательством РФ, а также предложить пути восполнения таких пробелов и совершенствования законодательства КНР. **Методы:** в статье использованы общенаучные методы (анализ, индукция, дедукция и другие), а также частнонаучный метод (сравнительно-правовой). **Выводы:** право на обжалование судебных актов представляет собой важную гарантию защиты прав и интересов как юридических, так и физических лиц в части справедливого решения возникшего спора. Законодательство КНР нечетко регламентирует как процедуру признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории КНР в целом, так и вопросы обжалования определений народных судов КНР в отношении отказа в таком признании и приведении в исполнение. Система «предварительного доклада», введенная в КНР в 1995 г., в определенной степени заменила процедуру обжалования определений народных судов по вышеуказанным категориям дел. Однако у данной системы существуют следующие проблемы: 1) рассмотрение указанных категорий дел проходит через три судебных инстанции, что противоречит законодательству Китая, где применяется система рассмотрения дел только в двух инстанциях; 2) нарушается принцип родовой подсудности; 3) нарушается принцип независимости народных судов при рассмотрении дел. В отличие от КНР законодательство РФ

в области данных категорий дел получило более детальное развитие, в частности кассационный порядок предоставляет право на обжалование. Следовательно, система «предварительного доклада» является устаревшей и имеет переходный характер. Поэтому в целях укрепления положения арбитража как способа разрешения споров необходимо подготовить и провести реформу законодательства КНР.

Ключевые слова: иностранное арбитражное решение; признание; приведение в исполнение; Нью-Йоркская конвенция; Верховный Народный Суд; уведомление; народный суд средней ступени; определение народных судов КНР; отказ в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений

FEATURES OF THE SYSTEM OF APPEALING AGAINST CHINESE PEOPLE'S COURTS RULINGS ON REFUSAL OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRAL AWARDS

R. M. Baymukhametov

Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russia
ORCID: 0000-0002-4447-5054
ResearcherID: D-3303-2016
e-mail: baymukhametov@gmail.com

Introduction: the article deals with the issues of appealing against rulings of Chinese people's courts on refusal of recognition and enforcement of foreign arbitral awards. **Purpose:** to systemize the existing problems of these appeals. The objectives of the article are as follows: to analyze the issues of appealing against rulings of Chinese people's courts on refusal of recognition and enforcement of foreign arbitral awards, to reveal gaps in the PRC legislation in this sphere, to make a comparison with the relevant legislation of Russia, as well as to suggest the ways to fill the gaps and improve the legislation of the PRC. **Methods:** the study is based on general scientific methods (analysis, induction and deduction, and others) and a specific scientific method (legal comparative method). **Conclusions and results:** the right to appeal against court rulings is a crucial guarantee for protection of rights and interests of legal persons as well as individuals in order to fairly decide a controversy. The PRC legislation does not clearly regulate the procedure for recognition and enforcement of foreign arbitral awards in whole, as well as in part of issues related to appealing against decisions of the PRC People's Courts in respect to refusal of the abovementioned recognition and enforcement. The "preliminary report" system, introduced in the PRC in 1995, to some extent replaced the procedure of appealing against People's Court rulings on the said category of cases. However, this system has the following problems: 1. the trial of such cases passes through three instances, contradicting Chinese legislation, where only two instances are officially applied; 2. the principle of exclusive jurisdiction is violated; 3. the principle of court's independence is abused. In comparison with the PRC, the Russian legislation in this sphere got more specific development, in particular cassational procedure grants the right to appeal. Therefore, the "preliminary report" system is outdated and has a transitional character. Thus, in order to strengthen the position of arbitration as a way to settle disputes, it is necessary to prepare and conduct the relevant reform of the PRC's legislation.

Keywords: foreign arbitral award; recognition, enforcement; New York Convention; Supreme People's Court; notice; intermediate people's court; Chinese People's Court rulings; refusal of recognition and enforcement of foreign arbitral awards

Введение

В настоящее время в условиях развития, поддержки и предоставления гарантий международному арбитражу как форме разрешения споров, осложненных иностранным элементом, большое внимание уделяется процедуре при-

знания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

При наличии слабой, плохо развитой и урегулированной на законодательном уровне системы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений само обращение и применение арбитража для защиты на-

рушенных прав интересов участников процесса ставится под большой вопрос.

В настоящей статье автор затрагивает и анализирует один из ключевых моментов процедуры признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории КНР – право участников на обжалование определений народных судов КНР по делам об отказе в таком признании.

Право на обжалование является процессуальным правом, предоставленным законом участникам гражданского процесса, несогласным с решением, определением суда первой инстанции, в установленный срок обратиться в вышестоящий суд за пересмотром.

Согласно общему подходу под определением народного суда КНР понимается вид судебного акта, который выносится народным судом КНР по вопросам, требующим разрешения в ходе судебного разбирательства, но которым не решается дело по существу.

Существующая система обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений

Необходимо сразу отметить, что в настоящее время в КНР не предусмотрена в чистом виде система обжалования определений народных судов КНР о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений или об отказе в их признании и приведении в исполнение. Данный судебный документ выносится народным судом КНР в первой инстанции и является окончательным.

В запрете по принятию заявлений об обжаловании вышеуказанных определений народных судов КНР находятся следующие основания.

В соответствии со статьей 154 Гражданского процессуального кодекса КНР от 9 апреля 1991 г. в редакции от 31 августа 2012 г. (далее – ГПК КНР) «определение выносится в случае:

- 1) отказа в принятии искового заявления;
- 2) наличия возражений относительно подведомственности;
- 3) возвращения искового заявления;
- 4) обеспечительных мер и предварительного исполнения;
- 5) принятия или непринятия отказа от иска;
- 6) приостановления или прекращения производства по делу;
- 7) исправления ошибок в судебном решении;
- 8) приостановления или прекращения исполнительного производства;
- 9) отмены или отказа в исполнении арбитражного решения;
- 10) отказа в исполнении документа о долгом обязательстве, заверенного нотариаль-

ным органом и предусматривающего принудительное исполнение;

11) в иных случаях, требующих вынесения определения.

Определение, вынесенное в случаях, предусмотренных п. 1, 2 и 3 выше, может быть обжаловано»¹.

В 1987 году Верховный Народный Суд КНР опубликовал уведомление «О присоединении КНР к Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (далее – Уведомление)². Оно устанавливает, что компетентный народный суд КНР после принятия заявлений о признании и приведении в исполнение арбитражного решения должен провести проверку на наличие обстоятельств, предусмотренных Нью-Йоркской конвенцией от 10 июня 1958 г. «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (далее – Нью-Йоркская конвенция)³, народный суд КНР должен признать юридическую силу иностранного арбитражного решения и привести в исполнение в соответствии с процедурой, предусмотренной законодательством КНР в случае отсутствия обстоятельств, перечисленных в п. 1, 2 ст. 5 Нью-Йоркской конвенции.

При установлении наличия одного из вышеприведенных обстоятельств народный суд КНР выносит определение об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Таким образом, Верховный Народный Суд КНР также не урегулировал положения об обжаловании определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Однако после более детального анализа законодательства КНР можно сделать предположение об отсутствии достаточных оснований для запрета в обжаловании определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

ГПК КНР нечетко определяет возможность обжалования определений народного суда КНР в отношении именно дел о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, ст. 154 ГПК КНР не разрешает подачу обжалований по делам об отказе в исполнении решений арбитража, не определяет, возможен ли

¹ URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=183386&keyword=%E8%AF%89%E8%AE%BC%E6%B3%95&EncodingName=&Search_Mode=accurate (дата обращения: 13.09.2015).

² URL: <http://vip.chinalawinfo.com/newlaw2002/slc/slc.asp?db=chl&gid=3255> (дата обращения: 13.09.2015).

³ URL: <http://www.uncitral.org/pdf/1958NYConvention.pdf> (дата обращения: 13.09.2015).

запрет на подачу обжалований по делам о признании иностранных арбитражных решений.

ГПК КНР содержит только ст. 283 в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории КНР: «...признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений на территории КНР осуществляется путем подачи непосредственно самой стороной заявления в народный суд средней ступени по месту жительства (нахождения) должника или по месту нахождения его имущества, при этом народный суд решает вопрос о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения в соответствии с международными договорами, заключенными КНР или в которых он участвует, либо на основе принципа взаимности».

В указанной статье ГПК КНР не дается четкого правила о том, допускается или нет обжалование в отношении определений об отказе в признании иностранных арбитражных решений, а также не предусмотрены возможные юридические действия при отказе в подаче обжалований. Поэтому возникают определенные сомнения относительно применения положений ст. 154 ГПК КНР о запрете в обжаловании определений народных судов КНР об отказе в исполнении арбитражных решений к определениям, касающимся признания иностранных арбитражных решений.

В целях восполнения некоторых возникших пробелов в отношении интерпретации положений ст. 154 ГПК КНР Верховный Народный Суд КНР вынес несколько разъяснений по отдельным делам по вопросам обжалования определений народных судов, а именно:

1. Разъяснения Верховного Народного Суда КНР от 26 июня 1996 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению народными судами дел о несогласии и пересмотре определений об отказе в исполнении арбитражных решений»¹.

2. Разъяснения Верховного Народного Суда КНР от 23 апреля 1997 г. «По вопросам обжалования определений народных судов об отмене арбитражных решений или отказе в принятии заявления»².

3. Разъяснения Верховного Народного Суда КНР от 11 февраля 1999 г. «По вопросам принятия народными судами заявлений о пересмотре определений народных судов в отношении отмены арбитражных решений»³.

Но согласно вышеперечисленным актам Верховного Народного Суда КНР вопрос обжалования определений народных судов в отношении отказа в признании арбитражных решений не получил разъяснений.

Система «предварительного доклада» и ее сравнительно-правовой анализ с существующей системой в РФ

В настоящий момент система «предварительного доклада» в отношении дел об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений представляет собой своеобразную систему обжалования определений народных судов КНР по делам о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [3, с. 53]. Она была введена в действие уведомлением Верховного Народного Суда КНР от 28 августа 1995 г. «О рассмотрении народными судами вопросов, связанных с иностранными арбитражем и арбитражем, осложненным иностранным элементом»⁴.

В соответствии с данной системой, если народный суд КНР средней ступени после принятия к рассмотрению дела о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений находит причины для отказа в признании и исполнении, то он должен направить запрос об этом в вышестоящий суд и впоследствии в Верховный Народный Суд Китая.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Рассмотрение указанных категорий дел проходит через три судебных инстанции, что противоречит законодательству Китая, где применяется система рассмотрения дел только в двух инстанциях.

2. Нарушается принцип родовой подсудности [5, с. 413–414], так как, в соответствии со ст. 283 ГПК КНР, дела о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений подсудны народным судам средней ступени, однако фактически право принятия решения в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений передано Верховному Народному Суду КНР, а народные суды средней и высокой ступеней только выполняют функции по проведению предварительного рассмотрения таких дел.

3. Нарушается принцип независимости народных судов при рассмотрении дел [4, с. 5, 8].

Система «предварительного доклада» была создана Верховным Народным Судом КНР для того, чтобы не допускать злоупотреблений,

¹ URL: <http://vip.chinalawinfo.com/newlaw2002/slc/slc.asp?db=chl&gid=15049> (дата обращения: 13.09.2015).

² URL: <http://vip.chinalawinfo.com/newlaw2002/slc/slc.asp?db=chl&gid=17117> (дата обращения: 13.09.2015).

³ URL: <http://vip.chinalawinfo.com/newlaw2002/slc/slc.asp?db=chl&gid=21350> (дата обращения: 13.09.2015).

⁴ URL: <http://vip.chinalawinfo.com/newlaw2002/slc/slc.asp?db=chl&gid=13496> (дата обращения: 13.09.2015).

ошибок и нарушений законодательства нижестоящими судебными органами. Но в данном случае «обратной стороной медали» является отсутствие четких процессуальных норм, что отрицательно сказывается на осуществлении правосудия судебными органами.

В отличие от КНР определения арбитражного суда РФ о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений или отказе в их признании и приведении в исполнение можно обжаловать в вышестоящий суд в кассационном порядке, о чем гласит ч. 3 ст. 245 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также дополнительно разъясняется в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»¹ и постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»².

Заключение

Автор считает, что система «предварительного доклада», которая включила в себя некоторые функции системы обжалования, является переходным периодом в области признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории КНР и, очевидно, устарела. Она не отвечает принципам современного гражданского процесса и не может полноценно защищать интересы его участников [2, с. 165].

Автор еще в своей статье, опубликованной в 2011 г. [1, с. 134–137], затрагивал вопрос о необходимости реформы законодательства КНР в области признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, однако до настоящего времени практически ничего не изменилось.

Поэтому в целях укрепления института арбитража как способа разрешения споров следует уделить особое внимание подготовке и осуществлению реформы законодательства КНР в отношении системы обжалования определений народных судов КНР об отказе в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

¹ URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/23880.html (дата обращения: 13.09.2015).

² URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37820.html (дата обращения: 13.09.2015).

Библиографический список

1. Баймухаметов Р. М. Некоторые проблемы в практике признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Китая // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 134–137.
2. Ли Х. Особые положения о решениях международного коммерческого арбитража и о принудительном исполнении арбитражных решений на территории Китая. Пекин: Право, 2000. 237 с.
3. Лю М., Чэнь М. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в Китае // Правовая система и общество. 2008. № 33. С. 52–53.
4. Сяо Я. Процедура проведения и обзор реформы народных судов // Journal of China National School of Administration. 2000. № 3. С. 4–8.
5. Юй С. Судебное вмешательство и содействие международному коммерческому арбитражу. Пекин: Право интеллектуальной собственности, 2006. 507 с.

References

1. Baymukhametov R.M. *Nekotorye problemy v praktike priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy na territorii Kitaya* [Some Problems in Practice of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in the Territory of China]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* – Gaps in Russian Legislation. 2011. № 3. Pp. 134–137. (In Russ.).
2. Lee H. *Osobyie polozheniya o resheniyakh mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha i o prinuditel'nom ispolnenii arbitrazhnykh resheniy na territorii Kitaya* [Special Provisions on International Commercial Arbitration and on Compulsory Enforcement of Arbitral Awards in the Territory of China]. Beijing, 2000. 237 p. (In Chin.).
3. Liu M., Chen. M. *Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy v Kitae* [The Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China]. *Pravovaya sistema i obshestvo* – Legal System and Society. 2008. № 33. Pp. 52–53 (In Chin.).
4. Xiao Y. *Protsedura provedeniya i obzor reformy narodnykh sudov*. [The Procedure and Overview of People's Court Reform]. *Zhurnal natsional'noy shkoly upravleniya Kitaya* – Journal of China National School of Administration. 2000. № 3. Pp. 4–8 (In Chin.).
5. Yu X. *Sudebnoe vmeshatel'stvo i sodeistvie mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu* [Judicial Interference and Support for International Commercial Arbitration]. Beijing, 2006. 507 p. (In Chin.).

Информация для цитирования:

Нусратуллоев Б. К. Сущность и роль принципа реального исполнения обязательств на современном этапе становления гражданского законодательства Республики Таджикистан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 231–238. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-231-238.

Nusratulloev B. K. *Sushchnost' i rol' printsipa real'nogo ispolneniya obyazatel'stv na sovremennom etape stanovleniya grazhdanskogo zakonodatel'stva Respubliki Tadjikistan* [The Principle of Specific Performance of Obligations: its Essence and Role at the Present Stage of the Civil Legislation Development in the Republic Of Tajikistan]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 231–238. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-231-238.

УДК 347.4 (575.3)

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-231-238

**СУЩНОСТЬ И РОЛЬ ПРИНЦИПА РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Б. К. Нусратуллоев

Преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (славянский) университет

737450, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, 30

ORCID: 0000-0001-5554-0176

ResearcherID: E-7628-2016

e-mail: bahtovar.nusratulloev@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются дискуссионные вопросы о сущности принципа реального исполнения обязательств и его роли в становлении законодательства Республики Таджикистан. **Цель:** автор анализирует и сопоставляет различные подходы к определению правовой сущности принципа реального исполнения договора. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания: диалектического, синтеза, анализа, сравнительно-правового, системного. **Результаты:** автор считает, что должно стать нормой установление законодательством правил, согласно которым реальное исполнение обязательства выражается, прежде всего, в совершении действий, составляющих его предмет. Кредитору в условиях товарно-денежных отношений важно будет получить от должника весь объем неисполненного обязательства. Основной целью принципа реального исполнения обязательств в пространстве формирования свободного рынка должно стать обеспечение кредитора одним из способов защиты его законных прав и интересов, где за ним признается право принудить должника к исполнению договорных обязательств до момента, пока сам кредитор не выберет предпочтительность денежного возмещения. При этом сущность принципа реального исполнения должна выражаться в установлении для кредитора возможности использования принуждения в отношении не исполнившего обязательства должника. Возможность принудительного исполнения должна быть признана исключительно за кредитором: предмет обязательства остается неизменным до тех пор, пока сам кредитор не согласится на расторжение договора и получение денежной компенсации. **Выводы:** в условиях становления рыночной экономики, когда автономия воли сторон в хозяйственных отношениях провозглашена основным принципом гражданского права, двухстороннее обязательное применение принципа реального исполнения не имеет права на существование.

Ключевые слова: принципы исполнения; реальное исполнение; должник; кредитор; договор; гражданское законодательство Республики Таджикистан; автономия воли; предмет договора

THE PRINCIPLE OF SPECIFIC PERFORMANCE OF OBLIGATIONS: ITS ESSENCE AND ROLE AT THE PRESENT STAGE OF THE CIVIL LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

B. K. Nusratulloev

Russian-Tajik Slavonic University
30, M. Tursun-zade st., Dushanbe, 737450, Republic of Tajikistan

ORCID: 0000-0001-5554-0176

ResearcherID: E-7628-2016

e-mail: bahtovar.nusratulloev@mail.ru

Introduction: the article deals with the essence of the obligation specific performance principle and its role in the development of legislation in the Republic of Tajikistan. **Purpose:** the author analyzes and compares various approaches to defining the legal essence of the principle of specific performance of a contract. **Methods:** the following methods form the methodological basis of this research: a dialectical method, synthesis, analysis, a comparative legal method, and a system approach. **Results:** the author believes that rules should be established by legislation according to which specific performance of an obligation is first of all expressed in committing acts which constitute its subject. In the conditions of commodity-money relations, it is important for the creditor to get from the debtor the whole volume of the outstanding obligation. The main aim of the obligation specific performance principle must be to provide the creditor with one of the ways to protect his legal rights and interests so he has the right to compel the debtor to execution of his contractual obligations until the moment the creditor prefers his interests to be satisfied by means of pecuniary indemnity. Thus, the essence of the obligation specific performance principle has to be expressed in the establishment of a possibility for the creditor to use compulsion against the debtor. The possibility of compulsory execution has to only be acknowledged for the creditor. It means that the subject of the obligation remains invariable until the creditor agrees to terminate the contract and receive pecuniary indemnity. **Conclusions:** in the conditions of market economy, when the autonomy of will of the parties in economic relations is proclaimed to be the basic principle of civil law, bilateral obligatory application of the obligation specific performance principle has no right to existence.

Keywords: principles of performance; specific performance; debtor; creditor; contract; civil legislation of the Republic of Tajikistan; autonomy of will; subject of a contract

Введение

В науке гражданского права исполнение обязательств всегда воспринималось в качестве завершающего этапа договорных отношений, в рамках которого должник посредством осуществления правомерных целенаправленных волевых действий, направленных на удовлетворение законных интересов кредитора, прекращает данное обязательство [16, с. 47]. Именно поэтому исполнение обязательства в юридической литературе всегда рассматривалось как важнейшая по своему назначению стадия.

Основной контент

Правила, которым подчиняется процесс исполнения обязательств и под каковыми в гражданском праве понимаются принципы исполнения обязательств [12, с. 305], на различных этапах становления цивилистической науки трактовались по-разному. Так, в условиях социали-

стического хозяйствования, когда, по выражению О. С. Иоффе, все «...направлено на удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества и каждого его членов» [6, с. 60], соответствующие правило исполнения договорных обязательств в натуре предопределялось основными началами плановой экономики. Сообразно этому социалистическое гражданское право исходило из общих принципов, согласно которым исполнение обязательства, прежде всего, необходимо выполнять в строгом соответствии с планово-административными актами и иными указанными в законе основаниями. Только исполнение договора в натуре «приводит к тому выполнению плана, которое представляет собой не только основную, но и единственную цель договора...» [6, с. 60].

Формирование и становление рыночных отношений, появление в связи с этим новых институтов гражданского права, связанных с осу-

ществованием предпринимательской и коммерческой деятельности, предопределили актуальность и интерес к исследованию основных принципов исполнения обязательств. Основной задачей правового исследования основных принципов исполнения обязательств становится переосмысление ранее разработанных принципов с целью их адаптации к новым условиям хозяйствования.

Бесспорно, что содержание основных принципов исполнения обязательств предопределяется гражданскими правоотношениями, существующими в рамках определенных и не всегда тождественных общественно-экономических формаций, когда действия одних принципов исполнения обязательств достаточно одинаково проявляются в любых исторических типах гражданского права, а действия других, напротив, выявляют особенные черты того или иного исторического типа цивилистики.

Так, к наиболее устойчивым принципам можно отнести принцип надлежащего исполнения обязательств, принцип невозможности одностороннего отказа от их исполнения и одностороннего изменения их условий и, наоборот, такие принципы исполнения обязательств, как принцип взаимного сотрудничества сторон в ходе исполнения обязательств, принцип экономического исполнения, по своему содержанию всегда были более зависимы от конкретных исторически сложившихся гражданских правоотношений.

В теории гражданского права наиболее дискуссионной оказалась проблематика принципа реального исполнения обязательств, где ряд ученых предлагают считать данный принцип присущим для любого обязательства [5, с. 52], другие связывают его действие исключительно с социалистическим гражданским оборотом [2, с. 699; 16, с. 49]. Нет единого мнения о значении принципа реального исполнения и средствах, обеспечивающих его применение и в юридической литературе. И, самое главное, до сих пор в науке гражданского права нет ответа относительно соответствия данного принципа действующим реалиям рыночной экономики.

Сегодня в гражданском законодательстве принцип реального исполнения договорных обязательств сформулирован главным образом в положении п. 1 ст. 427 ГК РФ, согласно которому уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом и договором, при этом указанное положение распространено на все виды договорных обязательств и в юридической ли-

тературе отнесено к числу мер обеспечения реального исполнения.

Декларируемая принципом натуральность исполнения обязательств, не предполагающая замену предусмотренного договором действия денежной компенсацией, по мнению некоторых ученых (Е. Е. Богдановой), обеспечивает участникам договорных отношений реализацию их интересов, которые они преследовали при заключении договора, что, считает она, вполне соответствует основным требованиям современных экономических реалий [1, с. 31]. Принцип реального исполнения обязательств предполагает «незаменимость» требования об исполнении в натуре на денежную или иную компенсацию по воле должника. Трудно не согласиться с Е. Е. Богдановой относительно необходимости существования такого правила исполнения обязательств в условиях рыночной экономики, когда должник не может отказаться от исполнения принятого на себя обязательства, пока существует хоть малейшая техническая возможность такого исполнения [1, с. 31]. Соответственно, в этих условиях основной задачей законодателя должно стать стремление обеспечить реализацию основных реальных потребностей товаропотребителя без их замены денежным суррогатом. Естественной должна стать норма, когда законодательно устанавливаются правила, согласно которым реальное исполнение обязательства выражалось, прежде всего, в совершении действий, составляющих его предмет. Также и для кредитора в рамках товарно-денежных отношений естественно идеальным будет получить от должника все содержание неисполненного обязательства.

В связи с этим нам представляется, что основной целью принципа реального исполнения обязательств в условиях формирования свободного рынка должно стать обеспечение кредитора одним из способов защиты его законных прав и интересов, где за ним признается возможность принудить должника к исполнению договорных обязательств до момента, пока у него (кредитора) не возникнет предпочтительность удовлетворить свои интересы посредством денежного возмещения. При этом сущность принципа реального исполнения должна выражаться в установлении для кредитора возможности использования принуждения в отношении не исполнившего обязательства должника, где возможность принудительного исполнения должна быть признана исключительно за кредитором, когда предмет обязательства остается неизменным до тех пор, пока сам кредитор не согласится на расторжение договора и получение денежной компенсации.

Кроме того, возможность кредитора добиться от должника принудительного исполнения обязательства в натуре посредством недопустимости замены, предусмотренной договором действия денежной компенсацией, обусловила в юридической литературе мнение, согласно которому при отсутствии реального исполнения даже наступление гражданско-правовой ответственности не освобождает должника от обязанности выполнить все предусмотренные обязательством действия [14, с. 35]. При этом, с одной стороны, уплата денежных санкций (неустойка) не освобождает должника от обязанности исполнить данное обязательство, а с другой стороны, обязывает кредитора требовать такого исполнения, не довольствуясь предложенной денежной компенсацией.

Однако простое провозглашение правил принудительного исполнения должником неисполненных обязательств вряд ли будет фактически реализовано кредитором без законодательного обеспечения соответствующих механизмов, гарантирующих надлежащее применение данного способа защиты его интересов. В юридической литературе неоднократно говорилось о наличии в гражданском законодательстве такого средства, обеспечивающего принцип реального исполнения, как предъявление в суд иска о присуждении в натуре [8, с. 12]. Так, еще В. К. Райхером было отмечено, что судебное решение о принудительном исполнении обязательств является наиболее сильным способом восстановления разорванных хозяйственных связей [11, с. 58]. И в целом, если говорить о соответствии действующей на тот период доктрине исполнения обязательств, согласно которой хозяйственные договоры должны исполняться соразмерно их буквальному значению без каких-либо отступлений, когда даже уплата неустойки не освобождала от исполнения обязательства в натуре, то можно бы считать предложенный законом способ защиты вполне приемлемым.

По нашему мнению, требование об исполнении обязательства в натуре есть одно из проявлений принципа реального исполнения. Но едва ли можно ставить знак равенства между ними. Нам представляется, что требование об исполнении в натуре есть процессуальная форма обращения лица за защитой своих нарушенных прав. В этом плане весьма интересна точка зрения С. В. Сарбаша, который утверждает, что в основе принципа реального исполнения обязательств могут быть включены исключительно свободные волевые действия должника, направленные на исполнение предмета обязательства в натуре [15, с. 63]. По мнению С. В. Сарбаша,

любое принуждение к исполнению обязанности в натуре представляет собой разновидность одного из способов защиты нарушенных гражданских прав, и если из понятия исполнения обязательства в натуре убрать качество принудительности, то тогда оно будет тождественно принципу реального исполнения [15, с. 63]. Х. Р. Рахманкулов, обобщив появившиеся в науке гражданского права взгляды на соотношение принципа реального исполнения с требованием исполнить это обязательство в натуре, пришел к выводу, что действие принципа проявляется на всех стадиях развития обязательства и выступает как одно из требований надлежащего исполнения и только после допущенной должником неисправности – уже превращается в самостоятельное требование об исполнении в натуре [13, с. 54]. Аналогичную точку зрения в своей работе высказал О. С. Иоффе, дополнительно указав на то, что принцип реального исполнения воплощается в требовании об исполнении в натуре с соблюдением всех условий надлежащего исполнения, которые остаются осуществимыми и после допущенного нарушения [6, с. 60].

Однако на практике иски о принудительном исполнении в натуре применялись довольно редко. Больше того, при первой возможности участники хозяйственных отношений, наоборот, старались получить денежную компенсацию. Игнорирование данного способа защиты не осталось незамеченным и в науке гражданского права. Так, уже Н. И. Красновым отмечалось, что иск об исполнении в натуре применим лишь в отношении индивидуально-определенных и, с определенными оговорками, родовых вещей [9, с. 79]. При этом если даже и принимались решения и удовлетворялись требования об истребовании родовых вещей через суд, то и тогда реальное исполнение таких обязанностей, как выполнить работы, оказать услуги, оставалось неосуществленным. Еще более критически в отношении иска о принуждении в натуре высказались Ф. И. Гавзе и А. В. Венедиктов, которые отметили, что прямое принуждение по отобранию родовых вещей невозможно [4, с. 99; 3, с. 163]. Нелегко согласиться с представленными доводами, ведь довольно затруднительно заставить должника принудительно оказать услугу или под принуждением заставить выполнить работу. Кроме того, гибкий подход к принудительному исполнению обязательства в натуре обусловлен самой природой обязательственных отношений. Невозможно обязать должника совершить какое-либо действие, если он не желает этого делать. Понудить к совершению требуемого действия может только имущественная санкция,

т. е. фактически замена исполнения обязательства в натуре денежной компенсацией.

Именно поэтому, оценивая представленное в законодательстве и в юридической науке определение принципа реального исполнения обязательства, многие ученые верно отметили, что императивное предписание, представленное кредитору, в рамках принципа реального исполнения, принудить должника к исполнению договорных обязательств в натуре значительно подрывает возможности участников гражданского оборота свободно подобрать партнеров и, соответственно, уменьшает его интерес в целесообразности понуждения должника к исполнению обязательства по суду [8, с. 12]. В современных условиях хозяйствования кредитору куда более удобно взыскать с недобросовестного должника убытки и (или) неустойку и заключить договор с более достойным контрагентом, взыскав с нарушителя разницу в ценах, отмечают ими.

В юридической литературе часть ученых, рассматривая принцип реального исполнения обязательства как общее правило, по которому должник не может уклониться от необходимости исполнить обязательство в натуре, констатировали такую «незаменимость», когда кредитор не просто не мог расторгнуть договор в связи с неисполнением должника, а должен был настаивать на его исполнении. «Кредитор не может сложить с должника лежащую на нем обязанность, а наоборот, обязан требовать, чтобы было произведено исполнение в натуре» [10, с. 96]. Фактически, отмечалось учеными, право кредитора – принудить должника к исполнению превратилось в его обязанность, причем в интересную обязанность нести ответственность за неисполненные обязательства должника.

В науке гражданского права данный феномен принципа реального исполнения был охарактеризован как его «двухсторонний» характер [9, с. 42]. Сущность данного правила заключалась в том, что во взаимоотношениях между социалистическими организациями не допускалась замена исполнения денежной компенсацией. В отношениях же между гражданами, а также с их участием гражданину-кредитору в обязательстве предоставлялся выбор: требовать от должника реального исполнения и возмещения убытков, уплаты неустойки (если она установлена) либо отказаться от договора и требовать возмещения убытков. Таким образом, в советское время данное правило действовало по-разному, в зависимости от того, кто являлся субъектом обязательства (граждане или социалистические организации). Данный подход объяснялся тем, что большинство обязательств ме-

жду организациями было основано на плановых заданиях, где замена исполнения денежной компенсацией не допускалась, так как основу действия принципа реального исполнения составляла плановая природа социалистического народного хозяйства и обязанность выполнения плана [7, с. 96]. При этом лежащая на кредиторе обязанность требовать реального исполнения, по мнению ученых, являлась не гражданско-правовой, а носила административно-правовой характер, так как представляла собой обязанность кредитора не перед контрагентом, а перед административным государственным органом, утвердившим данный плановый договор [16, с. 49]. Аналогичную мысль в своей монографии, посвященной принципу реального исполнения обязательства в советском гражданском праве, высказал Н.И. Краснов, который отметил, что истинной причиной такого отношения к реальному исполнению договора является измененная суть самого договора, носящего в условиях огосударственной экономики лишь характер средства административного распределения благ [9, с. 79]. Важность планового задания в регулировании договорных отношений также подчеркивалась и Х. Р. Рахманкуловым, который отметил, что в условиях социалистической экономики оно рассматривалось как «основание возникновения и прекращения обязательства, и, соответственно, должник, уплативший установленные законом или договором штрафные санкции, не вправе отказаться от исполнения обязательства в натуре, если плановое задание на котором основано обязательство, не утратило силу» [13, с. 54].

Сегодня в условиях становления рыночной экономики, когда автономия воли сторон в хозяйственных отношениях провозглашена основным принципом гражданского права, двухстороннее обязательное применение принципа реального исполнения не имеет права на существование. Во-первых, в условиях свободного рынка при применении принципа реального исполнения договоров гражданское законодательство не должно делать различий в зависимости от того, являются ли его участниками юридические лица или граждане. Во-вторых, сущность принципа реального исполнения, с одной стороны, должна выражать правило, обязывающее должника соблюдать условия договора, а если этого не происходит, то позволяющее принудить его исполнить обязательство в натуре. И, в-третьих, наоборот, в рамках принципа реального исполнения кредитору предоставляется право выбора получить от должника непосредственный предмет исполнения либо, в случае неисполнения, потребовать с должника пре-

доставить денежную компенсацию в объеме, позволяющем восстановить потери от нарушения договора. Кредитор может, а не обязан требовать надлежащего исполнения обязательств путем применения прямых или косвенных мер принуждения.

Заинтересованность кредитора в реальном исполнении его требований продиктована наличием у него интереса в получении высокой предпринимательской прибыли в рамках возведения и сдачи готового жилого комплекса. Напротив, если у кредитора по каким-либо причинам пропадет интерес к натуральному получению обязательства, то при данных обстоятельствах представляется, что действие принципа реального исполнения должно прекратиться и кредитор уже будет вправе потребовать суррогатное возмещение убытков в денежном эквиваленте. При этом совершенно очевидно, что в рамках реализации принципа реального исполнения замена принудительного исполнения обязательства в натуре на денежную компенсацию не может быть осуществлена по воле должника. Фактически в условиях свободного рынка основным содержанием реального исполнения обязательства должно стать правило, предопределяющее, что предмет обязательства не может быть произвольно заменен должником на деньги, а остается неизменным до тех пор, пока сам кредитор либо не согласится на расторжение договора и получение денежного суррогата исполнения вместо него, либо не истребует предмет исполнения путем применения методов прямого или косвенного принуждения, на что у него, по общему правилу, есть соответствующее право. Говоря проще, как только кредитор выдвигает требование о реальном исполнении обязательства, должник обязан его удовлетворить. В этом плане, по нашему мнению, в случае ненадлежащего исполнения сущность принципа реального исполнения проявляется в том, что предопределяет поведение должника тогда, когда даже при уплате неустойки и возмещении убытков он не освобождается от исполнения обязательства в натуре.

Впрочем, сегодня в науке гражданского права принцип реального исполнения обязательства стал рассматриваться не только как обязанность должника исполнить обязательство в полном соответствии с условиями договора о предмете, когда даже уплата неустойки (штрафа, пени) или возмещение убытков не может освободить его от исполнения обязательства в натуре, а стал восприниматься больше как необходимость исполнить обязательство в натуре: совершить только именно то действие, которое составляет предмет обязательства и которое

может быть исполнено кем-либо иным, но исключительно за счет должника. Так, по мнению С. В. Сарбаша, данное толкование принципа реального исполнения возникло еще из содержания ст. 218, 284, 360 ГК РФСФР, где в случае неисполнения должником принятого на себя обязательства сформулированы следующие права управомоченной в обязательстве стороны: кредитору выполнить работу за счет должника; нанимателю при неисполнении наймодателем обязанности за счет последнего произвести капитальный ремонт сданной внаем вещи; заказчику, в случае получения от подрядчика отказа, устранить недостатки в установленный срок, поручить исправление работы третьему лицу за счет подрядчика [15, с. 64]. С. В. Сарбашем отмечается, что основным параметром реального исполнения обязательства становится его предмет. По его мнению, «доставление обещанного является одним из главнейших элементов исполнения и в большинстве случаев представляет интерес для кредитора, даже если другие условия обязательства не соблюдены. С практической точки зрения во многих случаях это исполнение будет принято, поскольку реальное получение исполнения принципиально важно для кредитора» [15, с. 64].

В современном гражданском законодательстве данное правило нашло свое отражение в ст. 428 ГК РФ, по которой в случае неисполнения должником обязательства изготовить и передать вещь в собственность, в хозяйственное ведение или в оперативное управление, либо выполнить для него определенную работу или оказать услугу кредитору предоставляется право в разумный срок поручить выполнение обязательства третьим лицам за разумную цену, либо выполнить его своими силами и потребовать от должника возмещения понесенных необходимых расходов. Содержание вышеуказанной статьи дало основание В. В. Ровному предположить, что в сегодня в рамках правил реального исполнения для кредитора важно получить искомое имущественное благо, составляющее предмет обязательства. По мнению ученого, субъектная сторона принципа реального исполнения для кредитора не так важна, главное, чтобы он получил непосредственный предмет обязательства и данное исполнение было произведено за счет должника [14, с. 38].

Сделанное В. В. Ровным и С. В. Сарбашем обобщение не лишено определенных оснований. Порой кредитору намного удобнее и выгодней получить от должника денежную компенсацию в размере неисполненного и поручить реально доисполнить обязательство третьему лицу за счет вырученных денежных средств,

чем ждать натурального исполнения от непосредственного должника, который, возможно, и не сможет исполнить это обязательство. Однако, с другой стороны, нельзя не обратить внимание на то, что не все обязательства могут быть исполнены третьими лицами в натуре за счет должника. Так, по мнению Н. И. Краснова, иски об исполнении в натуре за счет должников могут быть обоснованы в отношении индивидуально-определенных и, с определенными оговорками, некоторых родовых вещей. Автор считает, что истребование реального исполнения обязанностей выполнить работы или оказать услуги неприемлемо [9, с. 79].

Тем не менее полагаем, согласиться с точкой зрения В. В. Ровного и С. В. Сарбаша нельзя по иной причине. Исходя из требований ст. 427 ГК РФ, при ненадлежащем исполнении обязательства основная сущность принципа его реального исполнения выражается, прежде всего, в совершении должником действий, составляющих предмет этого обязательства, без их замены какой-либо денежной компенсацией. В данном случае кредитору далеко не безразличен субъектный состав исполнения, так как ненадлежаще исполненное обязательство должно быть довершено непосредственно должником. И только тогда, когда кредитор посчитает, что должник не в состоянии надлежащим образом завершить принятое на себя обязательство, он вправе исполнить это обязательство самостоятельно либо поручить выполнение этого обязательства третьему лицу, но за счет разумной платы должника. Фактически кредитор соглашается на суррогатное денежное возмещение должника, за счет которого его требования могут быть удовлетворены либо самостоятельно им, либо подобранным им третьим лицом. При этом кредитор, принимая решение о реальном возмещении неисполненного обязательства третьим лицом, приостанавливает действие принципа реального исполнения этого обязательства, даже несмотря на то, что в результате замены должника он (кредитор) получит именно то действие, которое составляло предмет этого ненадлежаще исполненного обязательства.

Наконец, в науке гражданского права высказано мнение о том, что принцип реального исполнения обязательств как таковой отсутствует в обязательственном праве. По мнению В. С. Толстого, такой вывод основан на том, что фактически за кредитором остается возможность выбрать, принуждать ли должника к исполнению договора после нарушения или требовать выплаты денежной компенсации. Кроме того, закон, как указывает В. С. Толстой, предусматривает многочисленные обстоятельства,

при которых исполнение может быть заменено денежным возмещением. Все это позволяет сделать вывод о том, что «реальное исполнение как принцип в нашем гражданском праве отсутствует» [16, с. 52].

Заключение

Нам представляется, что необходимо согласиться с позицией С. В. Сарбаша, который, хоть и с определенной долей условности, признает реальное исполнение в качестве одного из принципов исполнения [15, с. 64]. Конечно, в условиях рынка трудно признать данный принцип всеобъемлющим и распространяющимся на все возникающие в гражданском обороте обязательственные правоотношения. Так, не все обязательства могут быть исполнены по правилам реального исполнения в натуре. В частности, считаем действие принципа реального исполнения обязательства не применимым в случаях, когда в результате ненадлежащего исполнения обязательств со стороны должника у кредитора пропадет интерес к натуральному исполнению, либо в силу каких-либо объективных причин исполнение стало невозможным, либо должник не сможет исполнить обязательство в натуре вследствие возникшей у него физической невозможности. Как было отмечено выше, правило реального исполнения может быть обосновано и применимо к обязательствам, связанным с передачей индивидуально-определенных вещей, однако истребовать исполнения обязательств в натуре при передаче родовых вещей и исполнения обязанностей в части оказания услуг и выполнения работ в случае ненадлежащего исполнения этих обязательств представляется невозможным.

Библиографический список

1. Богданова Е. Е. Принцип реального исполнения обязательства в договорах купли-продажи и поставки: проблема реализации // Законодательство и экономика. 2005. № 3. С. 31–35.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001. 847 с.
3. Венедиктов А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 267 с.
4. Гавзе Ф. И. Принцип реального исполнения договорных обязательств в советском гражданском праве и практика его применения // Ученые записки Белорусского государственного университета. 1955. Вып. 25. С. 79–103.
5. Ерахтина О. С. Правовые принципы и нормы о принудительном исполнении договор-

- ных обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 12. С. 50–55.
6. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
 7. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Основы советского гражданского законодательства Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 216 с.
 8. Карпетов А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М.: Статут, 2003. 190 с.
 9. Краснов Н. И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
 10. Павлов А. А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 219 с.
 11. Райхер В. К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 267 с.
 12. Рахманкулов Х. Р. Обязательственное право (общие положения). Ташкент: Изд-во ТГЮИ, 2005. 305 с.
 13. Рахманкулов Х. Р. Договорное право. Ташкент: ГЦР, 2015. 400 с.
 14. Ровный В. В. Принципы исполнения обязательств: вопросы динамики // Сибирский юридический вестник. 1999. № 1. С. 35–38.
 15. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
 16. Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. 206 с.

References

1. Bogdanova E. E. *Printsip real'nogo ispolneniya obyazatel'stva v dogovorakh kupli-prodazhi i postavki: problema realizatsii* [The Principle of the Real Obligation Performance in Sale and Delivery Contracts: Challenge of Implementation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Law and Economics. 2005. № 3. Pp. 31–35. (In Russ.).
2. Braginskiy M. I., Vitrijskiy V. V. *Dogovornoe pravo*. Kniga pervaya: Obshhie polozheniya [Contract Law. Book One: General Provisions]. Moscow, 2001. 847 p. (In Russ.).
3. Venediktov A. V. *Grazhdansko-pravovaya okhrana socialisticheskoy sobstvennosti* [Civil Law Protection of Socialist Property]. Moscow, 1954. 267 p. (In Russ.).
4. Gavze F. I. *Printsip real'nogo ispolneniya dogovornykh obyazatel'stv v sovetskom grazhdanskom prave i praktika ego primeneniya*

- [The Principle of Specific Performance of Contractual Obligations in the Soviet Civil Law and Practice]. *Uchenye zapiski Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* – Proceedings of the Belarusian State University. Minsk, 1955. Issue 25. Pp. 79–103. (In Russ.).
5. Erakhtina O. S. *Pravovye printsipy i normy o prinuditel'nom ispolnenii dogovornykh obyazatel'stv* [Legal Principles and Norms on Compulsory Performance of Contractual Obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2012. Issue 12. Pp. 50–55. (In Russ.).
 6. Ioffe O. S. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, 1975. 880 p. (In Russ.).
 7. Ioffe O. S., Tolstoy Ju. K. *Osnovy sovetskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva* [Bases of the Soviet Civil Legislation]. Leningrad, 1962. 216 p. (In Russ.).
 8. Karapetov A. G. *Isk o prisuzhdenii k ispolneniju obyazatel'stva v nature*. [The Claim for Enforcement of the Obligation in Kind]. Moscow, 2003. 190 p. (In Russ.).
 9. Krasnov N. I. *Real'noe ispolnenie dogovornykh obyazatel'stv mezhdu socialisticheskimi organizatsiyami* [Specific Performance of Contractual Obligations between Socialist Organizations]. Moscow, 1959. 192 p. (In Russ.).
 10. Pavlov A. A. *Prisuzhdenie k ispolneniyu obyazannosti kak sposob zashchity grazhdanskikh prav* [Award to Performance of Obligations as a Way of Civil Rights Protection]. St. Petersburg, 2001. 219 p. (In Russ.).
 11. Raykher V. K. *Pravovye voprosy dogovornoj distsipliny v SSSR* [Legal Issues of Contractual Discipline in the USSR]. Leningrad, 1958. 267 p. (In Russ.).
 12. Rahmankulov H. *Obyazatel'stvennoe pravo (obshhie polozheniya)* [Law of obligations (General Provisions)]. Tashkent, 2005. 305 p. (In Russ.).
 13. Rakhmankulov Kh. R. *Dogovornoe pravo* [Contract Law]. Tashkent, 2015. 400 p. (In Russ.).
 14. Rovny V. V. *Printsipy ispolneniya obyazatel'stv: Voprosy dinamiki* [Principles of Obligations Performance: Issues of Dynamics]. *Sibirskiy juridicheskiy vestnik* – Siberian Law Herald. 1999. Issue 1. Pp. 35–38. (In Russ.).
 15. Sarbash S. V. *Ispolnenie dogovornogo obyazatel'stva* [Performance of Contractual Obligation]. Moscow, 2005. 636 p. (In Russ.).
 16. Tolstoy V. S. *Ispolnenie obyazatel'stv*. [Performance of Obligations]. Moscow, 1973. 206 p. (In Russ.).

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал «ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Кроме того, журнал публикует статьи на английском языке в специальном разделе. География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти *электронную регистрацию* на сайте журнала и направить научную статью путем подачи *on-line заявки*.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 40 до 60 тыс. печатных знаков с пробелами.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Аспиранты, адъюнкты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физическому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т.е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т.е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю *безвозмездно*. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а так же на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласием Автора на подобное размещение и включение;
- Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: vesturn@yandex.ru не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, которое дается в электронном виде на сайте и предшествует on-line подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы «*Антиплагиат*».

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с *уникальностью текста менее 75 %*.

Статья должна быть разбита на разделы:

- введение;
- основное содержание*;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

* автор обязан дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько блоков с присвоением каждому собственного наименования.

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman Cyr, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И. О. Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), идентификационные коды автора **ORCID** и **ResearcherID** (*обязательно!*), информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- введение;
- цели и задачи;
- методы;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

После текста авторского резюме следует указать 8–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

**ВИНА ЭНЕРГОСНАБЖАЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ПЕРЕРЫВЕ В ПОДАЧЕ ЭНЕРГИИ**

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена анализу состава вины энергоснабжающей организации как одному из условий ее ответственности за неправомерный перерыв в подаче энергии. Юридическая конструкция состава этого гражданского правонарушения ставит возникновение ответственности лица, осуществляющего деятельность по поставке энергии, в зависимости от наличия вины, что является исключением из общего правила повышенной ответственности предпринимателя. В связи с этим вопросы понимания содержания состава вины энергоснабжающей организации приобретают особое значение. **Цель:** сформировать представление о вине энергоснабжающей организации на основе анализа научных источников и материалов судебной практики привлечения к гражданско-правовой ответственности по п. 2 ст. 547 ГК РФ. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ практики применения и научного комментирования п. 2 ст. 547 ГК РФ показал, что категории неправомерного перерыва в подаче энергии и вины отождествляются, вина «растворилась» в противоправном поведении энергоснабжающей организации и потеряла самостоятельность в составе данного правонарушения. **Выводы:** и в цивилистической науке и в гражданском законодательстве необходимо четко разграничить противоправное поведение должника, в том числе энергоснабжающей организации, и его вину, поскольку это разные условия (элементы состава правонарушения) гражданско-правовой ответственности, способные самостоятельно исключать гражданско-правовую ответственность. Легальное поведенческое понимание вины энергоснабжающей организации совпадает с субъективным признаком ее противоправного бездействия и не имеет собственной юридической ценности.

Ключевые слова: неправомерный перерыв в подаче энергии; вина энергоснабжающей организации; вина в гражданском праве; противоправное поведение энергоснабжающей организации; гражданское правонарушение; гражданско-правовая ответственность; презумпция вины

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И. О., год:

© Кузнецова О. А., 2016

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в **алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет DOI, то его указание в разделе «References» является **обязательным!**

Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, однако в библиографическом списке повторно не указываются. Сноски должны быть постраничными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman Суг, размер – 10 пт, межстрочный интервал – одинарный.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие **не менее половины иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

- ¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
- ³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 09.03.2015).
- ⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.
- ⁵ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26 нояб. 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).
- ⁶ О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
- ⁷ Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 103 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.
- ⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 9 дек. 1997 г. № 5246/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2015).

Примеры библиографических записей:

Библиографический список

1. Бурлака С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676> (дата обращения: 20.01.2009).
2. Добрынина С. Ненадежная субстанция // Российская газета. 2015. 12 февр.
3. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 492 с.
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 214 с.
5. Плехова О. А. Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/12_00_08/13.pdf (дата обращения: 01.10.2015).
6. Рабцевич О. И. Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Марона. М.: Изд-во Институт образования взрослых, 2007. 118 с.
8. Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.
9. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p.
10. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**обязательно!**), адрес электронной почты, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

THE GUILT OF AN ELECTRIC POWER SUPPLY ORGANIZATION IN CASE OF ILLEGAL INTERRUPTION IN POWER SUPPLY

O. A. Kuznetsova

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: the article is devoted to analysis of the guilt of an electric power supply organization as one of the conditions of its liability for illegal interruption in power supply. The legal structure of this civil offence makes incurrance of liability of the legal person engaged in power supply activities conditional on the presence of guilt, which is an excep-

tion to the general rule of an entrepreneur's enhanced responsibility. Thus, the issues of understanding the content of guilt of a power supply organization acquire particular importance. The **purpose** of the work is to form a concept of the guilt of a power supply organization basing on the analysis of scientific works and court practice material on cases of holding liable in accordance with Clause 2 of Article 547 of the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal dogmatic method and method of legal norm interpretation. **Results:** the analysis of the practice in the application of Clause 2 of Article 547 of the Russian Civil Code and its scientific commentation shows that the categories of illegal interruption in power supply and guilt are equated, the category of guilt dissolves in the category of unlawful behaviour of a power supply organization and loses its independence within the elements of this offence. **Conclusions:** both in the civil science and civil law, it is necessary to clearly differentiate between the unlawful behaviour of the debtor, including a power supply organization, and his guilt, since these are different conditions (elements of offence) of civil liability, each of which can independently exclude civil liability. The legal behavioural understanding of the guilt of a power supply organization coincides with the subjective indicator of its unlawful failure to act and does not have its own legal value.

Keywords: illegal interruption in power supply; guilt of an electric power supply organization; guilt in the civil law; unlawful behaviour of a power supply organization; civil offence; civil liability; presumption of guilt.

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т. е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «References». Для этого рекомендуется использовать *специальную программу*. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных *статей из журналов* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык]*;
- Выходные данные (год, номер – Issue, при наличии – том);
- Страницы, на которых расположена статья в журнале (Pp. 17–34)
- Указание на язык статьи (In Russ.).
- Указание на DOI статьи (DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

* здесь приведен перечень названий наиболее популярных юридических журналов, а также корректный перевод этих названий на английский язык.

Для *монографий* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg (без указания издательства);
- Количество страниц в издании (500 p.);
- Указание на язык статьи (In Russ. / In Eng.).

Примеры транслитерации:

References

1. *Vitrjanskij V. V. Dogovory bankovskogo vkladu, bankovskogo shcheta i bankovskije raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow, 2006. 556 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A. P. Sergeeva, Ju. K. Tolstogo* [Civil Law: textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev, Ju. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 3. 632 p. (In Russ.).
3. *Danilenko S. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob'ekta bankovskoy tajny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2007. Issue 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
4. *Dobrynina S. Nenadezhnaya substantsiya* [Unreliable Substance]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2015. 12 February. (In Russ.).
5. *Kuznetsova O. A. Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra. jurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.).

6. Makhmadkhonov T. *Problemy pravovogo obespecheniya kommercheskoy tayny v zakonodatel'stve Respubliki Tadzhikistan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ.).
7. Mikryukov V. A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inyykh grazhdanskikh prav: diss. kand. jurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 214 p. (In Russ.).
8. Serkova Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruktssii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh system* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems]. *Yuridicheskij mir – The Juridical World*. 2013. Issue 7. Pp. 64–67. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 1. Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
10. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
11. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?). *Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights*; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

Пример:

Информация для цитирования:

Кузнецова О.А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 201___. Вып. _____. С. _____.
Kuznetsova O.A. Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 201___. Issue _____. Pp. _____. (In Russ.).

Kuznetsova O.A. Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 201___. Issue _____. Pp. _____. (In Russ.).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 2–3 месяца.

Научные статьи не допускаются к опубликованию в случае наличия двух или более **типичных ошибок научных статей**, а также по причине несоответствия тематике выпуска, которая определяется редакционной коллегией с учетом поступивших в редакцию статей и политики журнала.

Преимущество при формировании очередного выпуска Издания отдается статьям, выполненным на английском языке.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту Издательства: vesturn@yandex.ru.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала: 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала в 2016 г.

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит **в марте, июне, сентябре и декабре**.

Выпуск	Дедлайн подачи он-лайн заявки	Литературное редактирование и вычитка контента РИО Издательского центра ПГНИУ	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в Книжную палату и по библиотекам ведущих научных центров
Вып. 31	10 февраля	24 февр. – 10 марта	10–29 марта	29 марта	30 марта	1 апреля	29–7 апреля
Вып. 32	10 мая	24 мая – 10 июня	10–29 июня	29 июня	30 июня	1 июля	29–7 июля
Вып. 33	10 августа	24 авг. – 10 сент.	10–29 сентября	29 сентября	30 сентября	1 октября	29–7 октября
Вып. 34	10 ноября	24 нояб. – 10 дек.	10–29 декабря	29 декабря	30 декабря	31 декабря	29–10 января

После выхода очередного выпуска журнала Издатель обеспечивает рассылку авторских экземпляров по указанным авторами при on-line подаче статей на сайте адресам, рассылает журнал в организации, получающие от производителей печатных изданий обязательный экземпляр, а также в ведущие российские и зарубежные научные центры.

Научное издание

Вестник Пермского университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 32

Адрес учредителя, издателя и редакционной коллегии:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. +7(342)239-62-75, +7 963 0126422

E-mail: vesturn@yandex.ru

Сайт: <http://www.jurvestnik.psu.ru>

Редактор *Л. В. Хлебникова*

Корректор *М. Н. Демидова*

Компьютерная верстка *Л. С. Нечаевой*

Дизайн обложки *М. А. Шпакова*

Подписано в печать 28.06.2016. Выход в свет __.__.2016
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 13,72. Тираж 500 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс журнала в каталоге «Пресса России»:
Подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать»: 41046